

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Измайлов Александр Александрович

**Предметная идентификация новой институциональной экономической
теории: методология научно-исследовательских программ**

Специальность 5.2.1 – Экономическая теория

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата экономических наук

Научный руководитель:
доктор философских наук,
профессор
Тутов Леонид Арнольдович

Москва 2023

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1. Методология научно-исследовательских программ как основа для предметной идентификации новой институциональной экономической теории	20
1.1. Научно-исследовательская программа как модель развития научного знания	20
1.2. Структурные альтернативы предметной идентификации новой институциональной экономической теории.....	30
1.3. Перспективы применения методологии научно-исследовательских программ для объяснения развития новой институциональной экономической теории	45
Глава 2. Новая институциональная экономическая теория как научно-исследовательская программа	53
2.1. Структура научно-исследовательской программы новой институциональной экономической теории	53
2.2. Методологический статус новой институциональной экономической теории в современной экономической науке	78
2.3. Новая институциональная экономическая теория как прогрессивная научно-исследовательская программа.....	92
Глава 3. Развитие новой институциональной экономической теории	107
3.1. Перспективные направления исследований в рамках новой институциональной экономической теории	107

3.2. Возможности для расширения границ применения методологии новой институциональной экономической теории	119
3.3. Пространство для взаимодействия новой институциональной экономической теории с другими научно-исследовательскими программами.....	134
Заключение	151
Список литературы	158

Введение

Актуальность исследования

Использование моделей развития научного знания, разработанных в рамках философии науки, для объяснения ситуации в экономической науке и решения современных проблем ее развития, может быть крайне продуктивным. В нашем случае речь идет о методологии научно-исследовательских программ (далее по тексту – НИП), предложенной И. Лакатосом.

Методология НИП является оптимальным подходом к анализу развития экономического знания. Она соответствует истории развития экономической науки, обладает рядом значительных преимуществ перед альтернативными подходами, среди которых фальсификационизм К. Поппера, эпистемологический анархизм П. Фейерабенда, эволюционная модель развития науки С. Тулмина и парадигмальный подход Т. Куна.

С точки зрения развития экономической науки в целом применение методологии НИП для объяснения ее развития на современном этапе может способствовать повышению методологического статуса различных экономических теорий, сокращению существующего разрыва между теоретическими разработками и практически направленными исследованиями, что может вести к приращению экономического знания.

Кроме этого, использование подхода И. Лакатоса может, с одной стороны, способствовать усилению конкуренции между различными НИП, так как систематизация достижений различных школ экономической науки на основе применения методологии НИП может упростить обмен идеями, повысить качество оценки результатов исследований и создать новые стимулы для активизации и интенсификации работы по приращению нового экономического знания. С другой стороны, благодаря упрощению обмена идеями может значительно упроститься локальный синтез исследовательских

программ, то есть объединение усилий представителей различных НИП для совместного решения конкретной научной проблемы.

На сегодняшний день одним из динамично развивающихся направлений экономической мысли является новая институциональная экономическая теория (далее по тексту – НИЭТ). Однако ее развитие также ограничено в силу ряда проблем, в том числе связанных с низким качеством процессов ее взаимодействия с другими школами экономической науки. С точки зрения НИЭТ как научной школы применение методологии НИП для ее предметной идентификации и определения места НИЭТ в системе экономического знания и систематизации ее достижений может способствовать устранению данных проблем и интенсификации развития НИЭТ.

Важной особенностью научной школы НИЭТ является высокая методологическая неоднородность, вследствие которой предпринимавшиеся попытки определения места данной школы в системе экономического знания имеют существенные ограничения, что дополнительно повышает актуальность исследования. Применение методологии НИП для предметной идентификации НИЭТ может привести к повышению ее методологической однородности. При таком подходе выявляются центральные теоретико-методологические положения (жесткое ядро), которые являются связующими для исследований по разным направлениям НИЭТ, а также дополнительные теоретико-методологические наработки, характерные для направлений, формирующих защитный пояс. В результате этого упрощается обмен знаниями между представителями различных течений НИЭТ.

С точки зрения экономической практики систематизация достижений научных школ экономической науки на основании применения методологии НИП может способствовать выбору оптимальных теоретических подходов к решению практических задач, так как методологии НИП позволяет оценить

потенциал развития той или иной научной школы, выделить среди научных школ вырождающиеся и прогрессивные. Кроме этого, влияние применения методологии НИП на развитие научных школ может выражаться в разработке новых теоретических положений, которые в дальнейшем могут находить применение в прикладных исследованиях.

Степень научной разработанности.

Различные модели развития науки были разработаны Т. Куном¹, И.Лакатосом, У. Мяки, К. Поппером, С. Тулминым, П. Фейерабендом. Анализу эффективности данных моделей и их применимости по отношению к экономической теории посвящен ряд работ таких зарубежных и отечественных исследователей, как М. Блауг, Е. Вайнтрауб, Д. Родрик, Д. Фиби, Д. Хэндс, Д. Хаусман, О.И. Ананьин, И.А. Болдырев, О.Б. Кошовец, Л.А. Тутов и А.Е. Шаститко. Ключевые проблемы на пути развития современной экономической науки изложены в работах К. Ховера, В.С. Автономова, Ю.В. Автономова, Р.И. Капелюшникова, А.А. Мальцева и др. авторов.

Систематизации результатов исследований и достижений новой институциональной теории посвящены труды Р. Рихтера и Э. Фуруботна, Т. Эггертссона, А.Е. Шаститко. В работах К. Менара, Р. Рихтера, Л.А. Тутова и А.Е. Шаститко представлены результаты попыток выявления жесткого ядра НИЭТ.

¹ Полные библиографические ссылки на работы всех авторов, упоминаемых в тексте, приведены в списке использованной литературы.

Аналізу розвитку течій НІЕТ, формуючих її захисний пояс, присвячені роботи Р. Рихтера, Э. Фуруботна, К. Менара, М. Ширли. Значительный вклад в формирование защитного пояса НІЕТ внесли Р. Коуз и О. Уильямсон (теория трансакционных издержек), Д. Норт, Д. Уоллис и Б. Вайнгаст (новая экономическая история), а также А. Алчян и Э. Остром (экономическая теория прав собственности). Дальнейшее развитие защитного пояса НІЕТ связано с исследованиями А. Алесиной, Л. Бернштейна, П. Виттенштайна, А. Галли, П. Джулиано, Г. Кабаллеро, К. Менара, Б. Мюэллера, Л. Олстона, Д. Паркера, Д. Прюфера, Д. Фишера, И. Хардека, А.А. Аузана, Е.Н. Никишиной, В.Л. Тамбовцева, А.Е. Шаститко и др.

Вопросам взаимосвязи НІЕТ и традиционного институционализма посвящены работы М. Ратфорда, А. Спитховена, Д. Ходжсона, В.Л. Тамбовцева, Д.П. Фролова, А.Е. Шаститко, Л.А. Тутова и др. В исследованиях Н.И. Гульбиной, Р.И. Капелюшникова, Э. Фуруботна и Р. Рихтера и др. затрагиваются вопросы о взаимоотношениях НІЕТ с неоклассической школой. П. Бёттке и Д. МакКлоски в своих исследованиях поднимают тему взаимодействия НІЕТ с новой австрийской школой.

Целью исследования является определение предметной области новой институциональной экономической теории на основании применения методологии научно-исследовательских программ.

Основные задачи исследования:

1. Обосновать применение методологии Лакатоса для определения предметной области НІЕТ.
2. Разработать подход к модернизации методологии НИП, предусматривающий применение контент-анализа для устранения ее недостатков.

3. Дать характеристику НИЭТ как прогрессивной научно-исследовательской программы.
4. Определить место НИЭТ среди других существующих исследовательских программ и возможности для взаимодействия с ними.
5. Установить границы применения инструментария НИЭТ в экономической науке и показать возможности для расширения его распространения.

Объектом исследования выступает новая институциональная экономическая теория.

Предметом исследования является новая институциональная экономическая теория как научно-исследовательская программа современной экономической науки.

Методологическая и теоретическая основа исследования

В ходе исследования использованы такие общенаучные методы познания, как анализ, синтез, индукция, дедукция, сравнительный анализ. Данные методы позволили систематизировать информацию о различных философско-научных подходах к объяснению развития научного знания, оценить их эффективность в отношении экономической науки, а также установить элементы ядра и защитного пояса НИЭТ, дать оценку положения НИЭТ среди других НИП в области экономической науки. Наряду с этим в исследовании применяется инструментарий НИЭТ, в частности метод сравнительного анализа дискретных структурных альтернатив. На основании использования этого метода методологи НИП была признана оптимальным инструментом для предметной идентификации НИЭТ. Кроме этого, применение вышеназванных общенаучных методов позволило разработать комплекс мер по модернизации методологии НИП. Также в исследовании используется метод контент-анализа для установления элементов жесткого

ядра НИЭТ, и библиометрический анализ показателей НИЭТ для подтверждения ее статуса прогрессивной НИП.

Информационную базу исследования составила собранная автором база, состоящая из 860 полных текстов статей, представленных в Scopus, по шести направлениям исследований, которые Э. Фуруботн и Р. Рихтер относят к НИЭТ (теория трансакционных издержек, новая экономическая история, теория контрактов, экономическая теория прав собственности, теория коллективных действий, экономический анализ права). В среднем по одному направлению было отобрано около 150 статей. В ходе исследования база использовалась для проведения контент-анализа и выявления положений, формирующих жесткое ядро НИЭТ.

Научная новизна результатов диссертационного исследования заключается в определении предметной области НИЭТ на основании применения методологии НИП: установлены ядро и защитный пояс НИЭТ, выявлены направления развития защитного пояса НИЭТ и возможности для расширения границ применения ее инструментария, определен методологический статус НИЭТ среди других НИП в области экономической науки и выявлены возможности для взаимодействия с другими НИП в области экономики и смежных областей науки. К числу результатов, обладающих свойством научной новизны, относятся следующие.

1. Обосновано применение методологии И. Лакатоса для определения предметной области НИЭТ. Было установлено, что методология НИП является наиболее реалистичной, соответствует истории развития экономической науки, где параллельно существуют и развиваются различные научные школы, она обладает рядом преимуществ перед конкурирующими подходами, которые наиболее ярко проявляются при сравнении их

применимости для объяснения современных процессов, протекающих в экономической науке, и для устранения теоретических и методологических проблем, устанавливающих барьеры на пути ее развития.

2. Разработан подход к модернизации методологии научно-исследовательских программ, подразумевающий применение контент-анализа публикаций представителей научной программы для выявления ключевых концепций, формирующих жесткое ядро НИП. Такой подход облегчает определение жесткого ядра исследовательской программы, что представляется затруднительной задачей при использовании методологии НИП в первоначальном виде в силу нестрогости предложенных И. Лакатосом определений жесткого ядра и защитного пояса.

3. Дана характеристика НИЭТ как прогрессивной НИП. Согласно результатам исследования, в состав жесткого ядра НИЭТ вошли следующие элементы: значение институтов для экономического развития; ключевая роль в экономическом анализе экономических и политических транзакционных издержек, полных и неполных контрактов, прав собственности; методологический индивидуализм; предпосылка об ограниченной рациональности экономических агентов; метод сравнительного анализа дискретных структурных альтернатив. Элементы жесткого ядра НИЭТ защищает ее негативная эвристика.

Защитный пояс НИЭТ как лакатосианской исследовательской программы сформировали активно развивающиеся внутри данной школы направления исследований, среди которых теория транзакционных издержек, новая экономическая история и экономическая теория прав собственности.

Активное развитие исследований в этих направлениях и стремительный рост числа публикаций и цитирований трудов интеллектуальных лидеров НИЭТ, подтвержденные библиометрическим анализом, позволили сделать вывод о статусе НИЭТ как прогрессивной НИП. В качестве элементов позитивной

эвристики НИЭТ выделены исследования гибридных механизмов, мезоинститутов и неформальных институтов.

4. Определено место НИЭТ среди других НИП. В качестве одной из главных особенностей НИЭТ на фоне других НИП выделено использование метода сравнительного анализа дискретных структурных альтернатив. Установлено, что взгляды основателей НИЭТ формировались под сильным воздействием неоклассической школы, и ее инструментарий широко распространился в исследованиях представителей НИЭТ. Также выявлено влияние НИЭТ на неоклассику, в результате которого достижения новых институционалистов дополнили мейнстрим. Это дало основания считать НИЭТ надстройкой к неоклассической школе, которая по ряду направлений развилась и сильно отделилась от неоклассики.

На формирование НИЭТ повлияли взгляды традиционных институционалистов (далее – ТИ), однако взаимодействие НИЭТ и ТИ оказалось осложнено. Было установлено, что большинство выводов представителей ТИ о сближении с НИЭТ основаны на искаженной трактовке ее достижений. Сближение НИЭТ и ТИ происходит на уровне объекта исследований. Движение к полноценному синтезу осложнено в силу методологических различий этих НИП. На сегодняшний день возможно только локальное взаимодействие, связанное установкой диалога между отдельными исследователями.

Также были определены ключевые методологические различия НИЭТ и неоавстрийской школы, которые заключаются в том, что представители неоавстрийской школы применяют принцип органической рациональности и более радикально интерпретируют принцип методологического индивидуализма.

Наряду с этим были выявлены возможности для взаимодействия НИЭТ с другими НИП – как внутри экономической науки, например, с поведенческой

экономикой, так и с НИП из таких областей, как психология, политология, социология, история.

5. Установлены границы применения инструментария НИЭТ, показаны возможности для расширения его распространения. Границы распространения инструментария НИЭТ установил ее защитный пояс. В силу высокой изменчивости самого защитного пояса НИЭТ и объекта ее исследований данные границы изменчивы. Установлено, что на сегодняшний день существуют широкие возможности для расширения защитного пояса НИЭТ. В качестве перспективных направлений исследований на уровне государства выделены более глубокое изучение проблемы федерализма, недемократических режимов; на уровне организаций – изучение отношенческих контрактов, внутрифирменных взаимоотношений; в рамках экономической теории прав собственности – исследования режимов государственной и коммунальной собственности, поиск преимуществ формализации прав собственности. Пространство для новых исследований в рамках НИЭТ открывает цифровизация, под воздействием которой меняется объект исследований, а также расширяются возможности для применения количественных и качественных методов. В условиях цифровой трансформации область антимонопольного регулирования сталкивается с новыми вызовами, что создает возможности для расширения применения инструментария НИЭТ. В качестве основы для совершенствования системы антимонопольного регулирования деятельности цифровых компаний могут выступить такие методологические разработки НИЭТ, как институциональная теория внешних эффектов, концепция ограниченной рациональности и метод сравнительного анализа дискретных структурных альтернатив.

Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что решение вопроса предметной идентификации новой институциональной экономической теории может позволить преодолеть

проблемы, ограничивающие развитие современной экономической науки и, в частности, данной школы, способствовать достижению НИЭТ большей методологической однородности и активизации работы по приращению нового научного знания в рамках этой научной школы и тем самым послужить дополнительным фактором ее развития. При этом проводимые в рамках НИЭТ исследования напрямую связаны с решением практических проблем в различных областях экономики.

Результаты, полученные в ходе анализа применимости методологии НИЭТ для совершенствования антимонопольного регулирования в условиях цифровизации, могут быть использованы на практике антимонопольными органами власти для совершенствования законодательной базы и используемых ими инструментов экономического анализа.

Также результаты исследования могут быть использованы в рамках учебных курсов по институциональной экономике.

Положения, выносимые на защиту

1. Методология научно-исследовательских программ И. Лакатоса является наиболее эффективным инструментом для предметной идентификации НИЭТ. Она обладает рядом преимуществ перед конкурирующими подходами, среди которых парадигмальный подход Т. Куна, фальсификационизм К. Поппера, эпистемологический анархизм П. Фейерабенда и эволюционная модель С. Тулмина. Методология НИП является реалистичной, в большей степени соответствует истории развития экономической науки, в рамках которой параллельно развиваются различные научные школы. Она может эффективно применяться для объяснения современного состояния экономической науки, протекающих в ней процессов, систематизации достижений различных школ, что может способствовать устранению теоретических и методологических барьеров, сдерживающих развитие отдельных научных школ и экономической

науки в целом. В экономической науке научные школы могут оказываться шире, чем выделенные на их основе исследовательские программы, так как в отдельных направлениях исследований, входящих в состав научной школы, могут проследиваться отступление от ее базовой методологии и применение методов, разработанных в рамках других научных школ.

2. Применение контент-анализа публикаций представителей НИП для выявления основных методологических подходов, формирующих ее жесткое ядро, позволяет преодолеть основной недостаток методологии НИП, заключающийся в нестрогости предложенных И. Лакатосом определений жесткого ядра и защитного пояса, открывающей пространство для их многовариантной интерпретации. Модернизация методологии НИП, основанная на применении контент-анализа, облегчает выявление элементов жесткого ядра и их разграничение с защитным поясом, что повышает эффективность применения этой методологии для систематизации достижений НИП.

3. Жесткое ядро НИЭТ состоит из следующих элементов: значимость институтов для экономического развития; ключевая роль в экономическом анализе политических и экономических транзакционных издержек, полных и неполных контрактов, прав собственности; методологический индивидуализм; ограниченная рациональность экономических агентов; метод сравнительного анализа дискретных структурных альтернатив. Жесткое ядро НИЭТ находится под защитой негативной эвристики, настроенной на отказ от попыток фальсификации его элементов представителями НИЭТ.

Защитный пояс исследовательской программы НИЭТ формируют три главных направления исследований: теория транзакционных издержек, экономическая теория прав собственности, новая экономическая история. Исследования в этих направлениях активно развиваются, рост числа публикаций интеллектуальных лидеров НИЭТ и их цитирований свидетельствует о

прогрессивности исследовательской программы НИЭТ. К элементам позитивной эвристики НИЭТ, расширяющей ее защитный пояс, относятся исследования гибридных механизмов, мезоинститутов и неформальных институтов.

4. Одной из главных отличительных особенностей НИЭТ по отношению к конкурирующим НИП является применение метода сравнительного анализа дискретных структурных альтернатив, позволяющего при заданных условиях осуществлять выбор оптимальной из доступных несовершенных альтернатив. На формирование взглядов представителей НИЭТ и ее методологического инструментария значительное влияние оказала неоклассическая школа. Взаимосвязь НИЭТ и неоклассики сохраняется, современные достижения новых институционалистов пополняют мейнстрим. Это дает основания для характеристики НИЭТ как надстройки к неоклассической школе, но значительно развившейся и отделившейся от неоклассики.

Также на формирование НИЭТ повлияли взгляды представителей традиционного институционализма. Но в настоящее время взаимодействие НИЭТ и ТИ осложнено. Одним из главных отличий НИЭТ и ТИ является следование представителей НИЭТ принципу методологического индивидуализма. Среди представителей ТИ распространено мнение о наличии тенденции к сближению НИЭТ и ТИ, однако оно основано на искаженной трактовке достижений НИЭТ представителями ТИ. Называемые представителями ТИ движением к синтезу процессы фактически являются расширением объекта исследований НИЭТ. На методологическом уровне движение к полноценному синтезу со стороны НИЭТ не происходит. На практике возможно лишь локальное взаимодействие, связанное с обменом идеями на уровне отдельных исследований.

Главными методологическими различиями НИЭТ и неоавстрийской школы являются более радикальная трактовка неоавстрийцами принципа

методологического индивидуализма и применение ими принципа органической рациональности. Положительная оценка некоторыми представителями неоавстрийской школы достижений новых институционалистов в области исследования влияния институтов на экономическое развитие открывает возможности для дальнейшего взаимодействия.

Одновременно с этим существуют возможности для взаимодействия НИЭТ с другими НИП в области экономической науки, например, с поведенческой экономикой, а также с НИП из смежных областей, таких как психология, политология, социология, история.

5. Защитный пояс НИЭТ определяет границы распространения ее инструментария. Эти границы изменчивы по причине активного развития защитного пояса НИЭТ и высокой изменчивости объекта исследований.

Сегодня существуют широкие возможности для расширения защитного пояса НИЭТ. На уровне государства малоизученными остаются вопросы, связанные с исследованиями недемократических режимов, федерализма. В рамках экономической теории прав собственности остаются актуальными вопросы, связанные с преимуществами формализации прав собственности, режимами государственной и коммунальной собственности. Ряд открытых исследовательских вопросов связан с выбором механизмов координации, контрактными отношениями внутри фирмы, отношенческими контрактами.

Широкое пространство для будущих разработок в рамках НИЭТ открывает цифровизация, под воздействием которой меняется объект исследования, а также появляются новые технологические возможности для совершенствования качественных и количественных методов анализа.

Одним из перспективных направлений для расширения применения инструментария НИЭТ является область антимонопольного регулирования деятельности цифровых компаний. Методологические разработки НИЭТ

могут стать основой для совершенствования экономического анализа в интересах системы антимонопольного регулирования. В их числе институциональная теория внешних эффектов, концепция ограниченной рациональности и метод сравнительного анализа дискретных структурных альтернатив.

Степень достоверности результатов. Достоверность результатов диссертационного исследования обеспечивается применением в ходе исследования научных методов познания, опорой на труды ведущих российских и зарубежных ученых, а также апробацией результатов исследования на международных научных конференциях и в рецензируемых научных журналах.

Соответствие диссертации научной специальности.

Диссертационное исследование соответствует научной специальности 5.2.1 – Экономическая теория. Направления исследований: 3. Основы научного экономического знания, философские и этические предпосылки его развития. Критерии оценки экономических знаний; 4. Методология экономической науки; 6. Научные школы и научно-исследовательские программы в экономической науке; 13. Институциональные исследования в экономической науке; 18. Междисциплинарные аспекты экономических исследований.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты исследования были представлены на международных конференциях, в их числе:

- Международная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» (2019, 2020, 2020 гг.);

- Международная ежегодная научная конференции «Ломоносовские чтения», секция «Экономические науки», Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова (2021, 2022 гг.);
- VIII Российский философский конгресс «Философия в полицентричном мире. К 100-летию со дня рождения А.А. Зиновьева» (2022 г.);
- Пятый Российский экономический конгресс (2023 г.).

Результаты диссертационного исследования нашли отражение в рамках проекта «Внутридисциплинарный дискурс в экономической науке: основания, ограничения, перспективы и приложения» (2021 г.), финансируемого за счет средств внутрифакультетского гранта.

По теме исследования опубликованы (лично и в соавторстве) 5 работ (общий объем – 4,61 п.л., личный вклад автора – 2,79 п.л.), включая 5 статей, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, соответствующих требованиям п. 2.3 Положения о присуждении ученых степеней в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по экономическим наукам.

Структура работы. Работа включает введение, три главы, каждая из которых состоит из трех параграфов, заключение, список использованной литературы. Список литературы включает 190 наименований. Работа содержит 6 рисунков. Общий объем диссертации составляет 175 страниц.

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, анализируется степень разработанности, определяются объект и предмет исследования, цель и задачи, указываются методология, теоретическая и информационная базы исследования, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, описывается апробация работы.

Первая глава посвящена обоснованию использования методологии НИП для предметной идентификации НИЭТ, а также разработке подхода к ее

модернизации. Во второй главе дается характеристика НИЭТ как исследовательской программы. В третьей главе исследуются перспективы развития НИЭТ, ее современные направления, возможности для расширения применения ее методологии, а также устанавливаются перспективные направления ее взаимодействия с другими исследовательскими программами.

В заключении подведены итоги исследования и сделаны соответствующие выводы.

Глава 1. Методология научно-исследовательских программ как основа для предметной идентификации новой институциональной экономической теории

В данной главе использованы материалы, опубликованные в статьях «Методология научно-исследовательских программ в современной экономической науке» [Измайлов, 2020]; «Методология научно-исследовательских программ как инструмент для решения современных проблем экономической науки» [Тутов, Измайлов, 2022а].

1.1. Научно-исследовательская программа как модель развития научного знания

1.1.1. Сущность методологии научно-исследовательских программ

Во второй половине прошлого века в рамках философии науки был разработан целый ряд моделей развития научного знания. Одной из этих моделей является методология научно-исследовательских программ, предложенная английским философом науки венгерского происхождения Имре Лакатосом [Лакатос, 1995].

Согласно концепции И. Лакатоса, развитие научного знания основано на конкуренции различных научно-исследовательских программ, существующих в рамках одной предметной области. Каждая НИП состоит из жесткого ядра и защитного пояса. Жесткое ядро НИП можно охарактеризовать как набор главных аксиом и гипотез, которые без дополнительных вопросов и возражений принимаются сторонниками конкретной НИП, для последних элементы жесткого ядра являются неопровержимыми.

Защитный пояс НИП состоит из вспомогательных гипотез, которые развиваются учеными на основе положений жесткого ядра, они призваны защитить ядро от нападений со стороны представителей других НИП.

Защитный пояс подвержен испытаниям и проверкам, он может быть перестроен или даже полностью заменен с целью защиты жесткого ядра.

В своем труде, посвященном методологии НИП, И. Лакатос также говорит о существовании у каждой исследовательской программы позитивной и негативной эвристик [Лакатос, 1995]. Негативная эвристика НИП запрещает проводить попытки опровержения положений, входящих в состав ядра этой НИП. Она не позволяет ученым–представителям НИП использовать *modus tollens*, то есть метод доказательства от противного, в отношении положений, формирующих ядро НИП.

Позитивная эвристика призывает ученых направлять их изобретательность на совершенствование защитного пояса, развитие старых и выдвижение новых вспомогательных гипотез, защищающих ядро НИП.

Конкурирующие между собой исследовательские программы стремятся своими исследованиями разрушить защитный пояс и поразить жесткое ядро противника, после чего тот уходит на периферию научного пространства. Однако сторонники проигравшей в борьбе НИП могут перенастроить защитный пояс, после чего эта исследовательская программа вновь включается в борьбу за лидерство.

И. Лакатос выделяет прогрессивные и вырождающиеся исследовательские программы [Лакатос, 1995]. Прогрессивной является НИП, обладающая избыточным теоретическим или эмпирическим содержанием по сравнению с противниками. Защитный пояс такой НИП активно развивается и расширяется, главенствующую роль здесь играет положительная эвристика. Вырождающиеся НИП лишь отбиваются от контрпримеров конкурирующих исследовательских программ и пытаются всячески защитить ядро благодаря негативной эвристике.

Новые исследовательские программы, по мнению И. Лакатоса, могут зарождаться на основе попыток ученых объяснить старые факты при помощи

новых методов, что в дальнейшем позволяет развивать потенциал новой НИП. Причем период этого развития может быть весьма длительным, для того чтобы НИП стала прогрессивной, могут потребоваться десятилетия.

После того, как был опубликован труд И. Лакатоса, посвященный методологии НИП, множество ученых в своих исследованиях оценивали возможности применения данной методологии по отношению к различным областям науки, одной из которых является экономическая наука. В результате этого был выявлен ряд преимуществ и недостатков методологии НИП, которые наиболее ярко раскрываются в ходе ее сравнения с главным конкурентом – парадигмальным подходом, разработанным Т. Куном [Кун, 2003].

1.1.2. Преимущества и недостатки методологии НИП

Одной из главных особенностей экономической науки является параллельное сосуществование множества научных школ, которые исследуют объекты в рамках одной предметной области. При этом в разное время на первый план выходили различные школы экономической мысли, но что наиболее важно, школы, которые уступали лидирующую позицию, не исчезали, а лишь отходили на второй план, иногда возвращаясь в лидеры.

В данном случае методология НИП значительно выигрывает в плане объяснения механизмов появления нового знания у парадигмального подхода Т. Куна, согласно которому в научной области доминирует одна парадигма, а ее конкуренты фактически выводятся за предметные рамки дисциплины. И. Лакатос же считает, что научный прогресс является результатом конкуренции между различными НИП, которые балансируют между статусом «прогрессивная» и «вырождающаяся», то есть производящей новые качественные знания и предсказывающей новые события, или лишь отбивающейся от нападков конкурентов. При этом, согласно И. Лакатосу, за

счет перестройки защитного пояса НИП могут возвращаться с периферии и вступать в борьбу за лидерство. Одним из ярких практических подтверждений правильности такого подхода является кейнсианская революция [Heise, 2014]. В ходе данной революции, происходившей в 1930-е гг., доминирующая ранее неоклассическая школа сдала позицию лидера, которую заняла кейнсианская школа. Однако полностью неоклассика не была вытеснена. В дальнейшем произошло «усиление позиций», после чего произошел неоклассический синтез, то есть слияние идей неоклассики и кейнсианства, в ходе которого оформилось новое доминирующее течение.

Одновременно с этим, можно считать устоявшимся фактом длительное доминирование в экономической науке неоклассической школы, что является аргументом в пользу парадигмального подхода. Действительно, такое положение похоже на состояние нормальной науки, однако в своем исследовании Д. Фиби [Pheby, 1988] говорит о том, что наблюдаемые процессы можно охарактеризовать как союз, возникающий между научными школами с различными точками зрения. Он ставит под сомнение само понятие парадигмы, которое, согласно Т. Куна, имеет значение для революций в экономике [Кун, 2003]. По мнению Д. Фиби, именно процесс синтеза с идеями других школ позволяет старым теориям выживать, а не оказываться полностью вытесненными.

На основании этого можно утверждать, что идея Т. Куна о жесткости структуры парадигмы идет вразрез с наблюдаемыми в истории экономической науки явлениями, такими как параллельное развитие нескольких школ, обмен идеями между ними, а также их синтез.

И. Лакатос же подвергает критике представления Т. Куна о жесткой доминирующей парадигме и нормальной науке. Он называет их нездоровыми, выступает против методологических монополий, считая, что они являются

питательной средой для догматизма, и поддерживает идею конкуренции научно-исследовательских программ.

В контексте применения методологии НИП в области экономической науки актуальным является вопрос о соотношении научной школы и научно-исследовательской программы. Определение понятия «научная школа» является дискуссионным, различные исследователи предлагают разные трактовки и критерии выделения научной школы [Дежина, Киселева, 2009]. Например, в исследовании, проведенном сотрудниками ЦЭМИ РАН, предложено следующее определение: «научная школа – это объединение исследователей, выполняющее функции продуцирования и распространения новых знаний и обладающее способностью к самовоспроизводству» [Устюжанина, Евсюков, Петров и др., 2011, с. 3]. При этом исследователи выделяют следующие сущностные характеристики научной школы: общность объекта исследований; производство научного знания, которое отличает конкретную научную школу от других научных школ; разработка и применение собственных технологий создания, применения и дальнейшей передачи научного знания; обмен идеями внутри школы и саморазвитие; признание со стороны других научных школ [Устюжанина, Евсюков, Петров и др., 2011]. Одним из важных критериев научной школы является наличие яркого лидера. Однако на современном этапе развития науки такой критерий работает не всегда, так как здесь происходит размывание традиционных представлений как о самой научной школе, так и о роли лидера. Знание становится более обезличенным, «на первый план выходят идеи, и только потом уже имена ученых» [Тутов, 2016, с. 33].

Стоит отметить, что в западной литературе само понятие «научная школа» встречается значительно реже, здесь характерно использование синонимичного термина «теория». В качестве примера трактовки основных характеристик экономической научной школы в западной литературе можно

рассмотреть определение неоклассической школы (neoclassical economics), составленное Э. Вайнтраубом и представленное в ряде энциклопедий (Encyclopedia Britannica; Concise Encyclopedia of Economics). Э. Вайнтрауб отмечает, что неоклассическая экономика представляет собой набор неявных правил и пониманий, которые используются для построения экономических теорий. Также она является программой научных исследований, генерирующих научные положения, которые подлежат обсуждению и определяют общие научные взгляды тех, кто является неоклассическими экономистами [Weintraub, 1993].

На первый взгляд, исходя из приведенного определения, предложенного сотрудниками ЦЭМИ РАН, исследовательская программа во многом совпадает с научной школой. Она также объединяет в себе исследователей, которые создают и распространяют научное знание. При этом позитивная эвристика НИП направляет усилия ученых на расширение защитного пояса, что можно рассматривать как способность к самовоспроизводству. Также сходства прослеживаются и с предложенной Э. Вайнтраубом трактовкой неоклассической школы (теории). Набор неявных правил и пониманий можно рассматривать как жесткое ядро, а выстраиваемые на их основе теории как защитный пояс. Генерацию научных положений и их дальнейшее обсуждение можно рассматривать как расширение защитного пояса под воздействием негативной эвристики.

В отношении указанных сущностных характеристик научной школы можно отметить, что общность объекта исследований как характеристика научной школы в экономической науке может работать не всегда, что также справедливо и для исследовательской программы. Это связано с тем, что в экономической науке представители одной школы могут вести исследования в различных, достаточно далеких друг от друга направлениях, в результате этого могут возникать различия в объекте исследований. Также важно

отметить, что сам объект экономической науки отличается динамичностью и изменчивостью.

Для исследовательской программы главную роль при выявлении ее элементов играет методология исследований. В условиях изменчивости объекта исследований и параллельного сосуществования различных научных школ применяемые представителями одной научной школы методы могут значительно отличаться друг от друга, может происходить смешение методов различных научных школ в рамках одного исследования. В случае с научной школой этот вопрос подлежит урегулированию. Например, как отмечает Э. Вайнтрауб, новые научные положения подлежат дальнейшему обсуждению, в результате которого представители научной школы могут прийти к консенсусу относительно включения в достижения школы результатов, полученных в ходе применения различных методов. Практическим подтверждением этого может выступить «обволакивание» неоклассики (этот вопрос подробнее освещен в разделе 1.2.2). В случае же научно-исследовательской программы жесткость ядра может выступать ограничителем, который не позволит включить в ее защитный пояс элементы, то есть научные исследования, для которых характерны отступления от базовой методологии НИП, формирующей ее защитное ядро. На основании этого можно прийти к выводу, что в случае применения методологии НИП для систематизации достижений научной школы экономической науки научно-исследовательская программа может не включать в себя полный перечень направлений исследований, которые ученые относят к этой научной школе. Таким образом, применительно к экономической науке научно-исследовательская программа может оказываться уже, чем научная школа. Однако здесь также важно отметить, что при этом применение методологии НИП по отношению к научной школе способствует выявлению базовых методологических положений, что в дальнейшем может способствовать

повышению «строгости» применения этих положений представителями научной школы и повышению ее методологической однородности.

В этом свете важным преимуществом подхода И. Лакатоса является возможность его применения для отдельных теорий в рамках одной школы экономической науки. При таком применении методологии НИП представляется возможным выявление исследовательских подпрограмм. Некоторые из этих подпрограмм могут быть включены в состав одной исследовательской программы, другие же могут содержать дополнительные элементы жесткого ядра, не присущие общей исследовательской программе.

Так как направления исследований даже в рамках одной школы могут сильно отличаться, применение методологии НИП и рассмотрение каждой отдельной теории как исследовательской программы может оказать положительное влияние на дальнейшее развитие всей школы. Показательным примером такой разрозненности является новая институциональная экономическая теория, среди направлений которой можно выделить экономическую теорию прав собственности, теорию трансакционных издержек, теорию контрактов, теорию организации, теорию агентских отношений и др. [Фурботн, Рихтер, 2005]. В условиях столь сильной разрозненности ограниченные возможности ученых могут не позволять им знакомиться с результатами исследований коллег, вследствие чего могут быть упущены ценные идеи для будущих разработок. Систематизация знаний на базе НИП может оказывать вклад в решение данной проблемы.

В отношении НИЭТ можно выделить еще одно преимущество применения методологии НИП. Одним из главных методов исследований в рамках НИЭТ является метод сравнительного анализа дискретных структурных альтернатив. Методология НИП, предложенная Лакатосом, демонстрирует значительную схожесть с данным методом, что может служить

дополнительным подтверждением эффективности ее использования для предметной идентификации НИЭТ [Тутов, Шаститко, 2017].

Перейдем к следующему важному преимуществу методологии НИП. Как известно, объект исследований экономической науки отличается динамичностью и может изменяться. Данный факт хорошо вписывается в теорию И. Лакатоса и его идею об аномалиях. Как утверждает ученый, аномалии полностью никогда не исчезают. Он подвергает критике подход Т. Куна, полагающего, что так называемые «головоломки» возникают случайным образом [Лакатос, 1995]. По мнению И. Лакатоса, положительная эвристика исследовательской программы позволяет исследователям предвидеть регулярно возникающие аномалии и направлять исследовательские силы в области их предполагаемого возникновения. То есть, благодаря положительной эвристике, главная задача которой заключается в развитии защитного пояса НИП, ученые могут адаптироваться к динамическим изменениям объекта исследований.

Наряду с преимуществами методологии НИП, нельзя не выделить ее недостатки, которые были систематизированы в работе греческих исследователей [Drakopoulos, Karayiannis, 2005]. Первым из них является нестрогость предложенных Лакатосом определений жесткого ядра и защитного пояса, открывающая возможности для их многовариантных трактовок. И. Лакатос говорит о том, что ядро НИП состоит из положений, которые принимаются учеными-представителями данной НИП и не подвергаются опровержению с их стороны. Защитный пояс же формируется из вспомогательных гипотез и положений, которые являются фальсифицируемыми и служат для защиты ядра от внешних атак со стороны конкурирующих НИП.

Результатом того, что И. Лакатос дает столь размытые определения ключевым элементам методологии НИП, является отсутствие четких

критериев разграничения положений и гипотез на элементы ядра и защитного пояса [Vlaug, 1975], что в свою очередь может вызвать ошибки, связанные с фальсификацией положений жесткого ядра. Эта проблема особенно актуальна в условиях, когда в рамках одной научной школы проводится большое число исследований, затрагивающих достаточно далекие друг от друга части предметной области.

Приведем примеры возникновения проблем с разграничением ядра и защитного пояса для НИП в области экономической науки. Так, Д. Хаусман [Hausman, 1994] критикует применение методологии НИП в отношении неоклассики Э. Вайнтраубом [Weintraub, 1985], утверждая, что положения, отнесенные последним к жесткому ядру теории общего равновесия, также принимались марксистами и институционалистами, а часть из них и вовсе была опровергнута в рамках самой неоклассики.

Кроме этого, Д. Хэндс в своей критике И. Лакатоса говорит о том, что применимость методологии НИП к экономике ограничена в силу слабой распространенности в этой науке экспериментальных исследований, а также по причине слабой предсказательной способности экономической науки, что говорит об излишней для экономики узости НИП [Hands, 1984, 1990]. Кроме этого, Д. Хэндс отмечает, что гибкость лакатосианского подхода может служить инструментом для оправдания доминирующей теории и признания ее эффективности.

В дополнение к этому, рядом исследователей была отмечена низкая эффективность применения методологии НИП к отдельным экономическим теориям, например, теории игр [Drakopoulos, Karayiannis, 2005].

Важно отметить, что некоторые из выделенных недостатков представляется возможным устранить путем внесения корректив в методологию Лакатоса, а часть из них уже потеряла актуальность в силу развития самой экономической науки (об этом речь пойдет в третьем разделе

данной главы]. В совокупности с выделенными преимуществами это позволяет говорить о перспективности применения методологии НИП в экономической теории.

1.2. Структурные альтернативы предметной идентификации новой институциональной экономической теории

Как мы уже отмечали ранее, в рамках философии науки был разработан целый ряд моделей развития научного знания, среди них можно выделить фальсификационизм К. Поппера, эпистемологический анархизм П. Фейерабенда, эволюционную модель развития науки С. Тулмина, парадигмальный подход Т. Куна, а также методологию научно-исследовательских программ И. Лакатоса. Последний подход, по нашему мнению, является наиболее эффективным.

Основные дискуссии о применимости данных моделей для изучения развития экономического знания проходили еще в конце прошлого века. На сегодняшний день внимание ученых к ним снизилось в силу возросшей критики и появления новых подходов. Несмотря на это, применение «старых» моделей для объяснения развития экономической науки на современном этапе может способствовать росту качества оценки достижений различных научных школ, а также повышению их методологического статуса.

Важно заметить, что за последние десятилетия в экономической науке произошли существенные изменения. Они заключаются в появлении новых научных школ, изменении характера взаимоотношений между школами, а также расширении числа проводимых междисциплинарных исследований.

Чтобы обосновать эффективность применения методологии научно-исследовательских программ И. Лакатоса по отношению к экономической науке, необходимо в первую очередь охарактеризовать проблемное поле исследований и выявить главные теоретические и методологические

проблемы, а затем на основании этого сравнить эффективность каждого из вышеназванных подходов, выделить ключевые преимущества и ограничения методологии НИП.

1.2.1. Современные проблемы развития экономической науки и ее отдельных школ

В первую очередь, стоит выделить кризис мейнстрима экономической мысли, который разразился после Великой рецессии 2007–2009 гг. [Hoover, 2016]. Наиболее сильной критике неоклассика подверглась за чрезмерную математизацию, отсутствие реакции на некоторые общественно важные проблемы и неспособность предсказать мировой экономический кризис. Заметим, что не все ученые разделяют мнение о существовании кризиса в экономической науке, так, Р.И. Капелюшников [Капелюшников, 2018, с. 127] отмечает, что происходящее сегодня «трудно назвать триумфом, но трудно назвать и кризисом: это будничное рабочее состояние».

В условиях кризиса произошло возвышение достаточно близких к мейнстриму исследовательских программ, к которым можно отнести новую институциональную экономическую теорию и поведенческую экономику. Кроме этого, достаточно активно стали развиваться многие гетеродоксальные школы. Следующими важными процессами стали активизация междисциплинарных исследований, а также усиление взаимосвязей между различными научными школами в одной предметной области. Однако все эти процессы сопряжены с рядом проблем и порождают новые вопросы, требующие дополнительного исследования.

Перейдем к более детальному анализу развития поведенческой экономики, которая привносит элементы психологии в анализ экономических процессов. Идеи совмещения психологии и экономики появились в научных публикациях уже в середине прошлого столетия, однако массового

распространения они тогда не получили. В.С. и Ю.В. Автономовы [Автономов, Автономов, 2016] в своей работе говорят о том, что многие теоретические результаты экономической науки того времени были основаны на радикально редуccionистском представлении о человеке. В таких условиях широкое привлечение психологии, которая досконально изучает процессы, происходящие в человеческих головах, к решению экономических проблем представлялось невозможным.

Однако расширение применения экспериментальных методов в рамках поведенческой экономики привлекло внимание мейнстрима. На первых этапах эксперименты подвергались значительной критике за отсутствие в них финансовых стимулов или их неэффективность, манипулирование участвующими в экспериментах, а также слабый контроль, усложняющий интерпретацию результатов.

Несмотря на эти ограничения, с течением времени наметилось движение к синтезу мейнстрима и поведенческой экономики, отправными точками которого послужили теория дисконтированной стоимости и теория ожидаемой полезности [Автономов и Автономов, 2016].

В отличие от первоначальных разработок, «Новая поведенческая экономика» [Капелюшников, 2013], основанная на трудах таких ученых, как Р. Талер, Д. Канеман и др., встала на путь ограничения и ослабления базовых предпосылок неоклассики с ее использованием «неограниченно рациональных» моделей. Фактически данные процессы можно рассматривать как стремление разрушить защитный пояс конкурирующей НИП, однако на практике вместо борьбы ситуация обернулась синтезом идей.

Сегодня поведенческая экономика добилась значительных результатов. Представители данной школы получили широкое признание среди ученых-экономистов. Важными событиями являются вручения Д. Канеману и Р. Талеру Нобелевской премии в 2002 и 2017 гг.

соответственно. Однако поведенческую экономику вряд ли можно охарактеризовать как полностью самостоятельную школу, на данный момент она является одной из частей мейнстрима, тесно связана с неоклассикой и в какой-то степени усиливает последнюю. Среди основных направлений синтеза можно отметить интеграцию поведенческих отклонений в неоклассические модели, или замену «Econs» на «Humans» в экономических моделях, а также активное привлечение эмпирических методов исследования [Thaler, 2016].

В.С. Автономов и Ю.В. Автономов [Автономов, Автономов, 2016] отмечают, что сближение поведенческой экономики и неоклассического мейнстрима началось в области теорий дисконтированной полезности и ожидаемой полезности, продолжилось работами Р. Талера в области поведенческого выбора. Однако, даже несмотря на попытки представителей школы поведенческой экономики ослабить предпосылки неоклассики, теоретической основой для их построений остаются различные модификации неоклассических моделей [Капелюшников, 2013]. В целом же поведенческая экономика превратилась в «полноценную часть мейнстрима экономической науки» [Автономов и Автономов, 2016], но в ее рамках продолжают развиваться в значительной степени самостоятельные направления исследований, такие как поведенческие финансы, поведенческая экономика права, поведенческая теория игр, поведенческая теория экономического развития, поведенческая теория отраслевых рынков и др.

Еще одной передовой школой экономической мысли является новая институциональная экономическая теория. Данная школа активно развивается, при этом результаты многих проводимых в ее рамках исследований находят широкое признание среди ученого сообщества. Однако даже работы нобелевских лауреатов, представляющих данную школу, подвергаются значительной критике.

Подробнее критику НИЭТ мы рассмотрим немного позднее, начать же хотелось бы с анализа отношений НИЭТ и неоклассики. Необходимо заметить, что значительная часть исследований в рамках НИЭТ сопряжена с привлечением инструментария неоклассики, что опять же ставит под сомнение степень конкуренции между данными НИП.

Более того, как отмечает Р.И. Капелюшников [Капелюшников, 2019а], подвергая критике работы Д. Норта, несмотря на резкое неприятие неоклассики со стороны последнего, причиной которого является ее «институциональная стерильность», само понимание института как правил игры хорошо вписывается в базовую неоклассическую схему максимизации полезности индивидом в заданных ограничениях. В итоге внедрение идей Д. Норта в неоклассику может происходить без изменений ее центральных предпосылок. И здесь мы опять сталкиваемся с частичным слиянием различных конкурирующих между собой научно-исследовательских программ.

Однако дальнейшая критика Р.И. Капелюшникова заставляет задуматься над еще одним не менее значимым вопросом, а именно междисциплинарном взаимодействии НИП. Заметим, что новая институциональная экономика тесно связана с такими дисциплинами, как политические науки, история, социология, право и др. На примере исследований Д. Норта и Д. Асемоглу ученый показывает, что качество взаимодействия экономики и истории находится на далеком от эффективного уровне, что влечет за собой неточности в получаемых результатах исследований.

Исследования Д. Норта и Д. Асемоглу в отношении роли институтов в экономическом развитии строятся на историческом анализе. Согласно выводам Р.И. Капелюшникова, в данных работах игнорируется история стран, которые не вписываются общую объяснительную схему исследователей. В

случае же расширения привлекаемого исторического опыта и привлечения «неудобных» стран полученные авторами выводы представляются не в полной мере верными и применимыми только к отдельным историческим случаям [Капелюшников, 2019б].

Данная трудность может дальше нарастать за счет высокого авторитета Д. Норта и Д. Асемоглу, который обеспечивает значительное число их последователей. По нашему мнению, идеи данных исследователей заслуживают большого внимания, как минимум их роль заключается в создании внушительного задела в области исследований институциональных причин экономического развития, однако, в случае отсутствия адекватной критики, существующие методологические проблемы с привлечением истории к экономическому анализу могут лишь усугубиться. Это порождает необходимость повышения качества взаимодействия ученых из различных областей при проведении междисциплинарных исследований. Немаловажную роль в этом может сыграть методология НИП, о чем более подробно речь пойдет в третьей части исследования.

Перейдем к следующим проблемам развития современной экономической науки. Одной из них являются взаимоотношения между гетеродоксальными школами и мейнстримом. В последнее время данные школы также активно развиваются, например, число исследователей – приверженцев неоавстрийской экономической школы на современном этапе развития оказалось на уровне, большем чем когда-либо до этого [Boettke, 2019]. Одновременно с этим все больше и больше школ обзаводятся своими собственными журналами, что облегчает рост публикационной активности и обмен результатами исследований между их представителями. Однако результаты такого развития могут быть оценены по-разному, при этом фактом остается то, что большинство гетеродоксальных школ занимают положение на периферии экономической науки. При этом ряд прежде гетеродоксальных

школ, например, поведенческая экономика и экспериментальная экономика, все же вошел в состав мейнстрима [Мальцев, 2018].

Также важно заметить, что и в ортодоксальных, и в гетеродоксальных школах происходят противоположно направленные процессы в области ведения диалога и частичной интеграции с оппонентами. А.А. Мальцев [Мальцев, 2018] в своей работе говорит о том, что часть представителей мейнстрима видят «спасение» в привлечении гетеродоксальных идей и пытаются изучить их. Одновременно с этим многие гетеродоксы концентрируют усилия на «слепой» критике мейнстрима, при этом даже не изучая его новые идеи и тенденции.

В то же время Р.И. Капелюшников [Капелюшников, 2018] отмечает, что представители мейнстрима зачастую не обращают внимание на происходящее в гетеродоксальных школах, а гетеродоксы наоборот погружаются в мейнстрим с целью его дальнейшей критики. И даже при попытках представителей мейнстрима наладить диалог, реакция представителей гетеродоксальных школ оказывается крайне агрессивной, последние даже пытаются организовать «интеллектуальное гетто».

И в том, и в другом случае возникают вопросы: как ученым выяснить, какие же направления исследований конкурентов являются перспективными, и какие из достигнутых результатов действительно эффективны? Отсутствие ответов на эти вопросы может вести к значительным ограничениям в развитии всей экономической теории и отдельных исследовательских программ.

Еще одна значительная проблема развития экономической науки на современном этапе сопряжена с отрывом практических исследований от теории. Как отмечает Р.И. Капелюшников [Капелюшников, 2018], экономическая наука испытывала «комплекс неполноценности» по отношению к естественным наукам в силу невозможности применения в ней экспериментальных методов исследования. Однако в последние десятилетия

наблюдается значительное расширение применения данных методов в таких областях, как макроэкономика, финансы, экономика труда, экономика развития и др. Такое разрастание экспериментальных методов ведет к тому, что выбор метода начинает диктовать выбор проблем, к которым он может быть применен. Результатом этого является распространение квазиэкспериментальных исследований, в которых не остается места для теории. Главной задачей при таких исследованиях становится выявление причинно-следственных связей между явлениями, независимо от того, поддаются ли полученные результаты теоретической интерпретации. В качестве примера исследования, основанного на квазиэкспериментальных данных, Р.И. Капелюшников [Капелюшников, 2018] приводит работу Д. Карда и А. Крюгера [Card, Krueger, 1994], в которой впервые был сделан вывод о том, что повышение минимальной заработной платы не оказывает влияния на занятость неквалифицированных работников.

Дальнейшее развитие тенденции к проведению квазиэкспериментальных исследований может вести к значительному снижению качества получаемых результатов. Для ее устранения необходимо выстраивание тесной взаимосвязи между теорией и практикой.

1.2.2. Выбор оптимального подхода к анализу развития экономического знания

Перейдем к анализу применимости подходов к развитию научного знания, разработанных в рамках философии науки, по отношению к экономической науке. В первую очередь рассмотрим подход, предложенный К. Поппером. В своих работах ученый отходит от предложенного ранее критерия верифицируемости, по его мнению, критерием научности является фальсифицируемость теории, то есть ее опровержимость [Поппер, 1983].

Схема развития науки, по К. Попперу, представляет собой движение от решения одной научной проблемы к другой. Сначала ученые сталкиваются с какой-либо проблемой, выдвигают различные теории, направленные на ее решение, затем эти теории фальсифицируются, после чего происходит переход к новой проблеме и ее решению, причем новая проблема и разрешающие ее новые теории являются более глубокими и сложными. Научное развитие в целом представляет собой постоянный процесс фальсификации теорий и перехода к более сложным проблемам.

При применении данного подхода к экономической теории мы сталкиваемся с противоречием: так, анализируя эффективность модели К. Поппера в области экономики, Е.П. Дятел [Дятел, 2019, с. 517] отмечает, что «новая институциональная экономика не покусается на основы неоклассики», фактически можно утверждать, что для новых институционалистов она стала методологической и теоретической предпосылкой, именно на основе неоклассики зародилась и развивается новая институциональная экономическая теория. То есть можно утверждать, что фальсификация работает в экономике далеко не всегда.

В целом же модель, предложенная К. Поппером, в первую очередь ориентирована на рост научного знания, но не на исследование его логической структуры [Порус, 1999]. Таким образом, данная модель не является в полной мере применимой к экономической науке, однако исследования К. Поппера положили начало целому ряду работ, разработанных его последователями.

Одним из таких последователей является Т. Кун. Развивая идеи К. Поппера, он предложил парадигмальный подход к развитию науки [Кун, 2003]. Развитие науки, по его мнению, заключается в смене парадигм. Парадигма представляет собой набор общепризнанных в научном сообществе положений. В период нормальной науки парадигма способна объяснить любое явление, нормальная наука сменяется кризисом, при котором парадигма

оказывается неспособной объяснить аномалии. Кун видит три сценария выхода из кризиса. При первом из них парадигма может подвергнуться корректировке и объяснить аномалию, при втором ученые–представители парадигмы могут отказаться от решения аномалии, в результате каждого из этих сценариев происходит возврат к нормальной науке. При третьем же сценарии парадигма оказывается неспособной решить возникшую проблему, тогда происходит научная революция, старая парадигма уходит за предметные рамки, возникает новая парадигма, и происходит переход к новому состоянию нормальной науки.

Доминирование на протяжении длительного времени неоклассической теории, с одной стороны, можно назвать состоянием нормальной науки, однако, по словам Д. Фиби [Pheby, 1988], происходящие процессы можно считать союзом между разными школами экономической науки. По мнению ученого, само понятие парадигмы является сомнительным, старые теории выживают благодаря синтезу с новыми школами, и именно этот синтез позволяет им не быть вытесненными.

Кроме этого, история экономической мысли говорит о том, что, во-первых, в экономической науке параллельно развиваются несколько научных школ, во-вторых, даже в случае кризиса школы могут сдавать лидирующие позиции, но при этом не исчезать полностью.

Хорошо иллюстрирует эти процессы приведенный ранее пример из истории неоклассической школы, которая долгое время доминировала, но была вытеснена кейнсианцами, однако затем укрепила свои позиции, после чего произошел синтез кейнсианской и неоклассической теорий, в ходе которого сформировался мейнстрим. Но все это противоречит тезису Т. Куна о жесткости структуры парадигмы.

Наряду с этим, можно подвергнуть критике идеи Т. Куна о случайном происхождении аномалий, или «головоломок» [Кун, 2003]. Например,

И. Лакатос [Лакатос, 1995] утверждал, что полностью они никогда не исчезают, и задача ученых состоит в том, чтобы их предвидеть и затем концентрировать усилия на проведении исследований в тех областях, где аномалии могут появиться.

Еще одним исследователем, критиковавшим Т. Куна, является С. Тулмин. Он отметил, что принципы рациональной организации научных разработок зависят не столько от фундаментальных научных идей, как считал Т. Кун, сколько от личных убеждений лидеров научного сообщества и коллективов ученых, руководства научных журналов.

В отличие от Т. Куна, предложившего революционную модель развития науки, С. Тулмин являлся сторонником эволюционного подхода. Основой для его модели развития науки послужила модель эволюции Ч. Дарвина. Аналогом дарвиновской популяции в области научного знания выступают различные теории из смежных областей познания, изменчивость заключается в сдвигах в объяснительных схемах, а отбор эти сдвиги закрепляет.

Также важно отметить, что С. Тулмин как сторонник эволюционного подхода утверждает, что даже «самые драматические революции никогда не приводят к абсолютному разрыву с прошлым» [Тулмин, 1984, с. 128]. Таким образом, в отличие от Т. Куна, он выступает за преемственность в развитии научного знания.

С. Тулмин обратил свое внимание на стандарты рассуждений, предметом эпистемологии он видел проявляющуюся в научной деятельности ученого рациональность. По его словам, следует в первую очередь исследовать саму деятельность ученого как человека, а решение фундаментальных проблем развития науки возможно лишь при учете целостного исторического контекста [Баранова, Кашин, 2003].

Рациональность исследователя, состоящая из совокупности идей и методов, позволяет ученым достигать понимания, а рациональность самого знания заключается в его соответствии самим стандартам понимания. Эволюция всей науки, согласно С. Тулмину, заключается в улучшении понимания окружающего нас мира, а также во все более глубоком понимании сути исследуемых проблем. Делая акцент на эволюции понимания, ученый отказывается от оценки прогресса науки как роста знания.

Безусловно, предложенная С. Тулмином модель заслуживает внимания, однако для ее применения по отношению к экономической науке существует ряд важных ограничений. Как мы уже отмечали ранее, в экономической науке одновременно сосуществуют множество научных школ, их статус и положение могут со временем изменяться, и если делать акцент лишь на проблемах понимания, эта специфика может теряться и не учитываться.

Более того, трудно дать однозначную оценку роста понимания в области экономики. В последние годы усиливаются проблемы взаимопонимания между учеными, и в данном случае сложно оценить общий рост понимания. Одной из важных проблем здесь является отсутствие диалога между научными школами, даже если их усилия пересекаются в работе над одной и той же проблемой, они оказываются не в состоянии дать адекватную оценку достижениям оппонентов. Эта ситуация усугубляется тем, что разные школы могут заниматься разными проблемами, и здесь ученым еще сложнее понять идеи представителей другой школы.

В результате все это значительно осложняет оценку прогресса экономической науки в целом, так как даже если в рамках одной школы понимание проблемы усиливается, это не транслируется на все научное сообщество. В особенности это касается достижений гетеродоксальных школ, число представителей которых относительно невелико.

Перейдем к анализу следующего подхода к оценке развития научного знания, а именно «эпистемологического анархизма» П. Фейерабенда [Фейерабенд, 2007]. На основании анализа истории науки ученый подвергает критике предложенные ранее кумулятивные модели ее развития. По его словам, зачастую новые теории не выводятся из старых и не являются их частными случаями. Исходя из принципов эмпиризма, он говорит о том, что успех теории основывается на фактах, опыте и экспериментально полученных результатах.

Выдвигая тезис о несоизмеримости различных теорий, ученый постулирует, что в науке не существует однозначных логических и эмпирических критериев, которые были бы применимы для объективной и принимаемой всеми противоборствующими сторонами оценки конкурирующих теорий. Разные теории используют разные термины и придают им разную смысловую нагрузку, причем, по мнению П. Фейерабенда, эта смысловая нагрузка задается самой теорией, равно как методология и предметное поле.

Таким образом, согласно П. Фейерабенду, каждая научная теория формирует собственные факты, которые оказываются несопоставимы с фактами других теорий, и в связи с этим различные теории оказываются неспособными ни подтвердить, ни опровергнуть результаты исследований конкурентов [Колесова, 2016].

Ученый отмечает, что любая методология имеет свои ограничения, исходя из этого он формулирует принцип вседозволенности, призывает развивать любые теории и гипотезы, несовместимые с уже существующими, причем каждый человек может это делать. Главная задача науки – «делать слабое более сильным», и тем самым двигать вперед целое [Фейерабенд, 2007, с. 50].

Модель «эпистемологического анархизма» является крайне дискуссионной, многие ученые говорили об ее абсурдности. Можно утверждать, что затруднительно применить ее к современной экономической науке. Однако в данной методологии содержатся и крайне важные положения, которые справедливы для существующей в экономической науке практической ситуации. Одним из них является тезис П. Фейерабенда об использовании разных терминов и разной смысловой нагрузки разными научными школами. Эта проблема крайне актуальна для экономической науки, где научные школы могут вкладывать разный смысл даже в одни и те же термины, однако предложенное ученым решение этой проблемы едва ли можно назвать эффективным. В случае масштабного бессистемного проведения исследований любым желающим не могут быть получены качественные результаты, более того, эти результаты не могут быть проверены, в итоге все это повлечет за собой формирование огромного «кома» несистематизированных и непрошедших проверку знаний. Вероятность того, что при таком подходе наука в целом будет двигаться вперед, видится крайне низкой.

Перейдем к методологии научно-исследовательских программ, модели развития научного знания, предложенной И. Лакатосом. Предложенная И. Лакатосом методология лучше соответствует истории развития экономической науки, где на протяжении длительного времени сосуществуют различные научные школы. Кроме этого, на уже приведенном выше примере с неоклассической школой можно увидеть, как одна НИП уступила позицию лидера, однако затем снова включилась в борьбу и вернулась на нее.

Отметим, что не все ученые-методологи в области экономической науки разделяют такую точку зрения. Некоторые ученые считают, что методология НИП слишком категорична. Так В.С. Автономов [Автономов, 1993] использует понятие «исследовательский подход» вместо

исследовательской программы. Кроме этого, ученый развивает идею «неоклассического обволакивания», под которым подразумевается, что доминирующая школа может впитывать в себя идеи конкурентов, «оставаясь при этом самой собой» и становясь за счет этого сильнее.

Вернемся к методологии НИП, она позволяет рассматривать как отдельные исследовательские программы различные теории в рамках одной научной школы, что также актуально для школ экономической науки, которые внутри себя могут быть весьма разрозненными. В результате этого некоторые направления исследований могут оказываться за рамками исследовательской программы, в случае применения методологии НИП для систематизации достижений научной школы. В качестве примера здесь можно привести новую институциональную экономическую теорию, которая объединяет в себе теорию трансакционных издержек, экономическую теорию прав собственности, теорию организации, теорию контрактов и др. В условиях такой разрозненности может возникать проблема изучения достижений коллег из других направлений внутри школы, и методология НИП может внести существенный вклад в ее решение, о чем более подробно речь пойдет в следующем разделе.

В качестве недостатков данной методологии можно отметить упомянутую ранее критику Д. Хэндса, который отметил ограниченность ее применения в силу слабого развития в экономике экспериментальных методов, однако на современном этапе данная проблема оказалась уже решенной. Еще одним важным недостатком можно считать нестрогость определений ядра и защитного пояса [Blaug, 1975].

Заметим, что данные недостатки представляется возможным устранить, в результате чего методология НИП предстает оптимальным подходом философии науки для объяснения развития экономической науки и новой институциональной экономической теории в частности. Далее перейдем

к анализу возможностей применения методологии НИП для решения существующих проблем, обозначенных в первой части данного раздела.

1.3. Перспективы применения методологии научно-исследовательских программ для объяснения развития новой институциональной экономической теории

В ходе анализа были рассмотрены основные проблемы развития экономической теории и обоснован выбор методологии НИП для объяснения развития экономической науки. Теперь перейдем к выявлению возможностей применения методологии НИП для устранения данных проблем и выявлению перспектив ее применения для объяснения развития НИЭТ. Перед этим нам необходимо выявить пути устранения недостатков самой методологии НИП, выявленных в первой части исследования.

1.3.1. Возможности для модернизации методологии научно-исследовательских программ

По нашему мнению, для обеспечения эффективного применения методологии НИП к современной науке необходима ее модернизация. Данная модернизация касается, в первую очередь, конкретизации понятий и установлении четких границ между ядром и защитным поясом НИП. Это значительно облегчит задачу предметной идентификации каждой НИП, позволит ученым четко разграничивать теоретические положения и эффективно выстраивать систему исследований. Кроме этого, установка четких разграничений повысит универсальность методологии НИП и уровень доверия к ней со стороны ученых, особенно в случае изучения построенных на ее базе работ в отношении одной НИП представителями других НИП.

Так как направления исследований даже в рамках одной школы экономической науки могут отличаться сильной разрозненностью, как в

случае с НИЭТ, систематизировать информацию о проводимых исследованиях и определить, какие положения в них подвергаются фальсификации, а какие, наоборот, принимаются и всячески защищаются, представляется сложной задачей. В качестве одного из способов ее решения можно предложить использование библиометрического и контент-анализа опубликованных результатов исследований.

Контент-анализ представляет собой «метод агрегирования, обработки и анализа качественных данных» [Олейник, 2021, с. 83]. В случае применения контент-анализа для выявления жесткого ядра НИП качественными данными могут выступать статьи, опубликованные представителями научной школы, выполняющими исследования в различных направлениях. Применение контент-анализа позволяет при помощи компьютерных программ устанавливать абсолютную и относительную частоту употребления слов и словосочетаний как в общей выборке статей, так и в группах статей, основанием для выделения которых является направление исследований, в рамках которого выполнена публикация. Комбинирование традиционных аналитических методов выявления жесткого ядра с контент-анализом позволяет выявлять основные теоретико-методологические положения, которые встречаются в абсолютном большинстве работ и принимаются большинством исследователей в рамках конкретной научной школы, и в соответствии с ними устанавливать элементы жесткого ядра НИП.

На первом этапе такого исследования при помощи аналитических методов выявляются ключевые элементы жесткого ядра НИП. На втором этапе выделяются слова и словосочетания, которые характеризуют эти положения. На третьем этапе проводится контент-анализ, рассчитывается частота употребления этих слов и словосочетаний, строятся облака слов. Затем, на основании полученных данных, происходит подтверждение/опровержение

гипотезы о правильности включения установленных на первом этапе элементов в жесткое ядро НИП.

Кроме этого, при помощи контент-анализа и выявления частоты употребления слов/словосочетаний в исследуемых наборах статей представителей различных течений в рамках одной научной школы представляется возможным выявлять дополнительные по отношению к установленным на первом этапе ключевые термины, которые характеризуют используемые методы исследований и являются связующими для этих течений, и на основании этого выявлять дополнительные элементы жесткого ядра. В совокупности с применением «традиционных» методов выявления жесткого ядра такой подход может в значительной степени повысить объективность исследований, в которых применяется методология НИП для систематизации достижений различных научных школ.

Для достижения большей объективности при таком анализе на этапе формирования выборки статей можно учитывать наукометрические показатели с целью повышения значимости ключевых представителей школы, а также устранения проблемы низкокачественных публикаций и журналов.

Перейдем к следующим направлениям критики методологии НИП. Ряд аргументов, направленных против применимости последней в области экономики, на текущий момент времени является несостоятельным. Например, Д. Хэндс утверждал об ограниченной применимости методологии НИП к экономике по причине низкого количества проводимых в ней экспериментальных исследований [Hands, 1984, 1990]. Однако, как было указано в предыдущем разделе, экспериментальные методы в экономике в настоящее время активно набирают силу.

1.3.2. Развитие школ экономической науки в контексте методологии научно-исследовательских программ

Перейдем к анализу современных тенденций развития экономики в контексте методологии НИП. Как было показано на примере поведенческой экономики и новой институциональной экономической теории, конкуренция между данными НИП и доминирующей неоклассикой носит противоречивый характер, данные школы хоть и подвергают неоклассику критике, но зачастую применяют ее положения в своих исследованиях и таким образом лишь дополняют ее.

С позиций неоклассики такой синтез можно объяснить стремлением сохранить лидирующее положение и отразить нападения конкурентов путем частичного объединения с ними. Если принять во внимание тот факт, что неоклассику некоторые ученые считают вырождающейся НИП [Brahmachari, 2016], стремление сохранить влияние путем внедрения новых положений конкурирующих программ выглядит весьма эффективным шагом.

Однако весьма дискуссионным здесь представляется сам критерий прогрессивности НИП по И. Лакатосу, который связан с предсказательными способностями научно-исследовательской программы. По нашему мнению, для повышения эффективности применения методологии НИП в области экономики данный критерий требует пересмотра и дополнения.

Вернемся к синтезу НИЭТ и поведенческой экономики с неоклассикой. С позиций первых данную тенденцию можно объяснить как стремление обыграть противника на его же поле. В одной из проанализированных нами работ автор рекомендует применение подобной тактики гетеродоксальным школам экономической мысли [Мальцев, 2018]. В случае же с НИЭТ и поведенческой экономикой данная тактика может позволить несколько притупить бдительность представителей конкурирующей НИП и лучше

изучить достижения конкурента, что в дальнейшем может повысить эффективность атаки на его защитный пояс и позволить поразить ядро.

Еще одним объяснением такой ситуации является длительное доминирование занимающей передовую позицию неоклассики в информационном поле. Во-первых, исследования, проводимые в рамках основной НИП, занимают большую часть авторитетных научных изданий, а в условиях наличия наибольшего числа сторонников именно у такой НИП наукометрические показатели публикуемых ими работ могут оказываться значительно выше. Во-вторых, неоклассика до сих пор остается лидером в области преподавания экономических дисциплин, студенты экономических вузов изучают ее с первых курсов, что также может наносить определенный отпечаток на их взгляды в будущем. Таким образом, длительное доминирование одной НИП значительно усложняет борьбу против нее, и текущие тенденции к синтезу можно рассматривать как элементы такой борьбы за место лидера на поле экономических исследований.

Перейдем к анализу в контексте методологии НИП проблемы качества взаимодействия НИП в одной области науки, а также при междисциплинарных исследованиях. Как мы отметили ранее, взаимодействие ученых из разных школ значительно осложнено, что может вести к снижению качества результатов проводимых исследований. По нашему мнению, расширение применения модифицированной методологии НИП может способствовать устранению данной проблемы.

При достижении большей универсальности данной методологии и установлении четких границ между ядром и защитным поясом распространение использование подхода И. Лакатоса для предметной идентификации позволит составить научные труды, посвященные систематизации достижений каждой отдельной НИП и выявлению

перспективных направлений исследований в ее рамках. В результате ученым будет значительно проще изучать идеи представителей других НИП.

Наряду с этим, такая систематизация позволяет находить разрывы между теоретическими и практическими исследованиями в рамках одной НИП. В условиях роста числа экспериментальных исследований эта проблема становится все более актуальной. Устранение таких разрывов можно рассматривать как один из способов дополнительного укрепления позиций НИП, что может положительно сказаться на ее будущем развитии.

Возвращаясь к вопросу интенсификации обмена научными идеями, заметим, что, если как НИП рассматриваются различные теории в рамках одной школы, это может способствовать развитию отдельно взятых научных школ. В случае же с предметной идентификацией разных школ, методология НИП облегчает представителям противоборствующих «лагерей» изучение идей друг друга, что, в свою очередь, может вызывать обострение конкуренции между ними и повысить качество «атакующих» исследований или же, наоборот, привести к эффективному синтезу и взаимодействию. Благодаря этому может значительно упроститься локальный синтез исследовательских программ, то есть объединение усилий представителей различных НИП для совместного решения конкретной научной проблемы.

В отношении междисциплинарных исследований, набирающих популярность в последнее время, можно утверждать, что здесь использование методологии НИП способствует улучшению взаимопонимания ученых из разных областей. Кроме этого, публикация систематизирующих исследований упрощает задачу поиска перспективных направлений междисциплинарных исследований, а также выявления ошибок при использовании достижений одной науки при проведении исследований в другой, как в случае привлечения исторических данных в работах Д. Норта и Д. Асемоглу [Капелюшников, 2019а].

Однако для достижения таких результатов необходимо повышение популярности философии и методологии науки и привлечении ученых к проведению исследований в данной области. В случае решения этой проблемы можно будет достичь максимальной эффективности использования методологии научно-исследовательских программ И. Лакатоса.

Подводя итоги данной главы, отметим, что на пути развития экономической науки в целом и некоторых отдельных научных школ, в том числе школы нового институционализма, установлен ряд барьеров, среди которых низкий уровень взаимодействия между различными школами, низкий уровень качества междисциплинарных исследований, что подтверждает пример с привлечением исторического материала в исследованиях Д. Норта и Д. Асемоглу. Ученые из смежных дисциплин зачастую не имеют возможности даже ознакомиться с достижениями друг друга, не говоря уже об их оценке. Результатом это являются трудности с поиском точек соприкосновения и выбором наиболее перспективных направлений синтеза идей.

Решению данных проблем может способствовать применение по отношению к экономической теории подходов философии науки к моделям развития научного знания. Еще в прошлом веке был разработан целый ряд таких подходов. Каждый из них имеет свои преимущества и недостатки. В ходе проведенного анализа был выявлен оптимальный из них, им является методология НИП И. Лакатоса. Как отметил С. Лацис [Latsis, 1976], методология НИП позволяет использовать преимущества априоризма, конвенционализма и фальсификационизма, избегая их ограничений. Данный подход является наиболее реалистичным, соответствует истории развития экономической науки. Расширение использования методологии НИП для объяснения протекающих здесь процессов и систематизации достижений научных школ может в дальнейшем положительно повлиять на развитие как отдельных исследовательских программ, так и всей экономической науки в

целом. При этом важно отметить, что в рамках экономической науки научные школы могут оказываться шире, чем выделенные на их основе исследовательские программы, так как в рамках отдельных направлений исследований, входящих в состав научной школы, могут прослеживаться отступление от ее базовой методологии и применение методов, разработанных представителями других научных школ. Однако это не снижает возможности для применения методологии НИП для систематизации достижений научной школы, а скорее повышает его актуальность, так как выявление элементов жесткого ядра может способствовать повышению методологической однородности различных направлений исследований в рамках одной научной школы.

Глава 2. Новая институциональная экономическая теория как научно-исследовательская программа

В данной главе использованы материалы, опубликованные в статьях «Применение контент-анализа для выявления жесткого ядра новой институциональной экономической теории» [Тутов, Измайлов, 2022b]; «Защитный пояс новой институциональной экономической теории и ключевые направления его развития» [Тутов, Измайлов, 2023].

2.1. Структура научно-исследовательской программы новой институциональной экономической теории

Сегодня новая институциональная экономическая теория является одной из лидирующих школ в области экономической науки, и вопрос определения границ ее предметной области можно рассматривать как установление предметной области всей экономической науки в целом [Тутов, Шаститко, 2017].

Становление школы нового институционализма началось около 80 лет назад, и сегодня ученые–представители данной школы накопили достаточный массив знаний, в свете чего представляется возможным постановка вопроса о рассмотрении НИЭТ как исследовательской программы. Вопросы, связанные с определением методологического статуса НИЭТ, начали обсуждаться учеными в конце 80-х – начале 90-х гг. прошлого столетия. Как отмечает В.Л. Тамбовцев [Тамбовцев, 2007], стремление ученых к описанию предметной области какой-либо теории возникает в том момент, когда в рамках этой теории, во-первых, создается обширный материал, посвященный теоретическим обобщениям, во-вторых, данная теория начинает массово преподаваться студентам в высших учебных заведениях.

Обе данные предпосылки на сегодняшний день выполняются для новой институциональной экономической теории. Количество теоретических и эмпирических разработок, развивающих НИЭТ и расширяющих границы применения ее инструментария, измеряется сотнями, причем они выходят за рамки экономической науки и проникают в области социологии, политологии и истории. Ряд ученых разработали и опубликовали систематизирующие достижения НИЭТ монографии, среди них Т. Эггертссон [Эггертссон, 2001], Э. Фуруботн и Р. Рихтер [Фуруботн, Рихтер, 2005], А.Е. Шаститко [Шаститко, 2010]. Также важно заметить, что научный вклад интеллектуальных лидеров НИЭТ неоднократно был отмечен Нобелевскими премиями, среди лауреатов премии можно выделить таких известных представителей нового институционализма, как Р. Коуз, Д. Норт, Э. Остром, О. Уильямсон.

Все это позволяет говорить о зрелости школы нового институционализма и позволяет рассматривать ее как лакатосианскую научно-исследовательскую программу. Таким образом, представляется возможным выделить жесткое ядро и защитный пояс НИЭТ, однако перед этим, по нашему мнению, необходимо рассмотреть историю развития НИЭТ.

2.1.1. История формирования исследовательской программы новой институциональной экономической теории

П. Кляйн [Klein, 1999], систематизируя информацию о различных течениях внутри нового институционализма, отмечает, что НИЭТ представляет собой быстрорастущую научную школу, объединяющую в себе экономикс, право, теорию организации, политические науки, социологию и антропологию с целью изучения и понимания функционирования социальных, политических и экономических институтов.

Сам термин «новая институциональная экономическая теория» был впервые введен О. Уильямсоном в 1975 г. [Williamson, 1975]. Однако первый шаг в направлении создания новой научной школы был сделан еще в 1937 г., им стала публикация Р. Коузом статьи «Природа фирмы» [Coase, 1937], в которой ученый изложил новую концепцию фирмы, основанную на учете трансакционных издержек и прав собственности. В результате данная работа Р. Коуза подтолкнула других исследователей к созданию новой реалистичной общей теории, отражающей сложность экономической системы [Гульбина, 2009]. Несмотря на то, что научные взгляды Р. Коуза формировались в условиях сильного влияния неоклассики, он подверг сомнению ее базовую предпосылку о рациональном поведении человека, а также с критикой отнесся к ее чрезмерной математизации, отдаляющей экономическую теорию от реальности. По его мнению, неоклассика превратилась в «теорию класной доски», не учитывающую институциональные рамки экономических обменов.

Широкое признание идеи Р. Коуза получили после публикации им в 1960 г. статьи «Природа социальных издержек» [Coase, 1960], однако сама идея использования в экономическом анализе категории трансакционных издержек получила распространение уже в 70-х, после его выступления с докладом на ученом совете Чикагского университета [Капелюшников, 1990]. В 1991 г. Р. Коуз первым среди новых институционалистов был удостоен Нобелевской премии «за открытие и прояснение точного смысла трансакционных издержек и прав собственности в институциональной структуре и функционировании экономики».

К началу 80-х гг. многие ученые в области экономики, включая самих представителей нового институционализма, не осознавали факт зарождения новой школы экономической науки. Как отмечает Н.И. Гульбина, в середине 80-х гг. прошлого столетия для О. Уильямсона факт того, что новый институционализм становится одним из самых оживленных течений

экономической науки стал неожиданностью. Как отмечает Р. Рихтер, к этому времени сам термин «новая институциональная экономическая теория», введенный в 1975 г. О. Уильямсоном, уже стал активно употребляться экономистами и включаться ими в названия статей [Richter, 2005].

Однако анализ институциональных структур и их влияния на экономическую жизнь стал предметом исследований весьма широкого круга последователей Р. Коуза, среди которых можно отметить таких ученых, как А. Алчиян, Х. Демсец, М. Олстон, С. Пейович, Р. Рихтер, О. Уильямсон, Д. Уоллис, Э. Фуруботн, Т. Эггертссон и др. Все они исследовали проблемы, которые не подвергались анализу со стороны неоклассической школы. В их числе вопросы, связанные с трансакционными издержками, правами собственности, контрактными отношениями и оппортунистическим поведением экономических агентов.

Все эти исследования были объединены в новую научную школу – школу новой институциональной экономической теории. Ученые–представители этой школы разделяли общую интеллектуальную основу, согласно которой утверждались значение институтов с точки зрения экономического развития, необходимость исследования взаимосвязи между институциональной структурой и экономическим поведением, а также возможность изучения институтов при помощи методологии экономической теории.

Уже на начальном этапе развития научной школы нового институционализма можно выделить следующие его ключевые течения: теория трансакционных издержек, экономическая теория прав собственности, экономический анализ права, теория общественного выбора, теория коллективных действий, теория контрактов, теория государства и сравнения экономических систем [Richter, 2005]. Все они, в отличие от доминирующей неоклассики, не рассматривали институциональную структуру как данность, а

превращали ее в объект исследования, стремились рассмотреть последствия действия институциональных механизмов и их влияние на экономическое поведение.

В 1990-е гг. НИЭТ сильно разрастается и превращается в одну из самых активных и перспективных школ экономической науки. Все больше исследователей стали использовать методологический аппарат этой школы для объяснения явлений в самых разных областях предметного поля. Одним из объяснений этого может служить укрепление среди ученых-экономистов идеи о том, что современная экономическая система на практике оказывается значительно сложнее и многообразнее, нежели ее математизированное отображение в неоклассических моделях.

На сегодняшний день НИЭТ является претендентом на звание лидирующей исследовательской программы в области экономической науки. Наряду с активно развивающимися «старыми» направлениями, сформированными в конце прошлого века, появляются и новые течения, или новые институционализмы [Тамбовцев, 2021с]. Таким образом, актуальность вопроса предметной идентификации НИЭТ сегодня крайне высока, и применение здесь лакатосианского подхода позволяет, во-первых, выделить ключевые теоретико-методологические основания, формирующие ядро данной школы и объединяющие представителей различных течений нового институционализма, а во-вторых, установить границы применения методологии НИЭТ на основании выявления ее защитного пояса.

2.1.2. Жесткое ядро новой институциональной экономической теории

Ряд исследователей, занимающихся систематизацией достижений НИЭТ, уже предпринимали попытки выявить теоретико-методологические основы, на которых стоит новый институционализм. При этом некоторые исследователи характеризуют их как ядро в духе лакатосианской

исследовательской программы, в их числе Л.А. Тутов и А.Е. Шаститко [Тутов, Шаститко, 2017], а также К. Менар [Menard, Shirley, 2014; Menard, 2018], другие же просто называют их методологической основой, объединяющей ученых–представителей нового институционализма, например Р. Рихтер [Richter, 2005]. По нашему мнению, все эти подходы заслуживают внимания, однако для повышения объективности результатов данных исследований их можно объединить с контент-анализом ключевых публикаций в рамках НИЭТ, и на основе этого выделить жесткое ядро исследовательской программы НИЭТ.

В своем исследовании Л.А. Тутов и А.Е. Шаститко [Тутов, Шаститко, 2017] применяют подход И. Лакатоса по отношению к НИЭТ и выделяют ее жесткое ядро, основываясь на системообразующих положениях, отраженных в трудах О. Уильямсона [Williamson, 1996] и А.Е. Шаститко [Шаститко, 2010].

К таким положениям авторы в первую очередь относят тот факт, что в рамках нового институционализма институты имеют значение как с точки зрения эффективного распределения ресурсов, так и с точки зрения экономического развития и его устойчивости.

Второй элемент жесткого ядра НИЭТ – трансакционные издержки, которые непосредственно отображают взаимосвязь между институтами и экономическим развитием. Ученые также отмечают, что опосредовано же эта взаимосвязь находит отражение в трансформационных издержках и используемых технологиях производства.

Третий элемент жесткого ядра НИЭТ – институты имеют значение не сами по себе, их роль проявляется через воздействие на лица, принимающие экономические решения.

Четвертый элемент – НИЭТ строится на использовании принципа методологического индивидуализма, подразумевающего изучение общественных явлений как результатов действий отдельных людей.

Следующий элемент ядра НИЭТ, согласно Л.А. Тутову и А.Е. Шаститко, – это представление всех вопросов, связанных со взаимодействиями между людьми, в терминах контрактных отношений.

В качестве шестого элемента жесткого ядра НИЭТ ученые отмечают тот факт, что различные институты могут применяться для решения одних и тех же задач выбора и взаимодействия между экономическими агентами. Однако в зависимости от выбранных институтов полученные результаты могут изменяться, причем меняться может как сам суммарный выигрыш, так и его распределение между сторонами. Все это дает возможность сравнивать доступные институты как дискретные структурные альтернативы.

В целом такое определение ядра НИЭТ соотносится с историей возникновения и развития нового институционализма, а выделяемые положения находят отражение в основных направлениях НИЭТ. Отдельно стоит заметить, что отмеченный учеными метод сравнительного анализа дискретных институциональных альтернатив является одним из центральных методов НИЭТ, и, по мнению некоторых исследователей, он может играть важную связующую роль для множества разрозненных течений в рамках НИЭТ.

Л.А. Тутов и А.Е. Шаститко в своем исследовании говорят о том, что «перечисленные характеристики не являются элементами жесткого ядра “прямого действия”» [Тутов, Шаститко, 2017]: так, НИЭТ отличается высокой степенью внутренней неоднородности. Однако выделенные элементы жесткого ядра НИЭТ в значительной степени соотносятся с элементами, которые выделяют другие исследователи.

Перейдем к анализу следующего варианта жесткого ядра НИЭТ, предложенного К. Менаром и М. Ширли [Menard, Shirley, 2014; Menard 2018]. К жесткому ядру ученые относят положения, которые, по их мнению, всегда были и будут сохраняться главными элементами институционального анализа.

Данные положения были разработаны интеллектуальными лидерами, стоявшими у истоков НИЭТ, среди них Р. Коуз, Д. Норт, Э. Остром и О. Уильямсон. Их концепции легли в основу нового институционализма и оказывают значительное влияние на всех представителей этой научной школы. К. Менар [Menard, 2018] делает акцент на том, что идеи основателей НИЭТ широко распространились и применяются в широком спектре областей институционального анализа: от теории организации до теории общественного выбора, экономического анализа права, политологии, новой экономической истории и др.

Элементы жесткого ядра НИЭТ К. Менар и М. Ширли называют «Золотым треугольником» (рис. 1). Его компоненты и их взаимодействие являются мощными инструментами для институционального анализа самых разнообразных экономических явлений.

Рисунок 1. Концептуальное ядро НИЭТ, «Золотой треугольник» (составлено автором на основе [Menard, 2018])

В первом углу стоят трансакции и трансакционные издержки, причем как экономические, так и политические. Оба данных типа трансакционных издержек могут быть источниками искажений, влияющих на процесс принятия решений.

Концепция, отмечающая роль трансакционных издержек, была предложена Р. Коузом и впервые увидела свет с выходом его статьи «Природа фирмы» [Coase, 1937]. Она послужила ответом на вопрос о том, почему существуют фирмы и все обмены не происходят на открытом рынке. Ответ на этот вопрос заключался в том, что операции на рынке сопряжены с издержками, так как тут необходимо найти того, с кем можно заключить сделку, получить информацию о цене и качестве товара, составить контракт и контролировать выполнение его условий. Фирма же при определенных обстоятельствах может сократить эти издержки, предлагая иерархическую координацию как альтернативу взаимодействию между множеством владельцев факторов производства.

Данная концепция имеет центральное значение для функционирования экономики и занимает центральное место в рамках НИЭТ. Она нашла продолжение в работах О. Уильямсона [Williamson, 1979], посвященных проблеме выбора между рынком и фирмой, а также в работах Д. Норта [North, 1990], посвященных политическим трансакционным издержкам и объяснению причин богатства или бедности различных стран.

Во втором углу «Золотого треугольника» стоят два типа прав – права собственности и права принятия решений. По словам К. Менара, данные права редко полностью совпадают, что влечет за собой возникновение несоответствий и конфликтов, подрывающих экономическую деятельность.

Согласно работам новых институционалистов, люди осуществляют торговлю правами на совершение различных действий [Coase, 1959]. В дальнейшем эта концепция была развита А. Алчيانом [Alchian, 1965],

согласно его определению, права собственности – это совокупность прав на допустимые действия по использованию, передаче или иному пользованию собственностью. Данные права могут быть закреплены законом, но также обеспечиваются нормами этикета, социальных обычаев и социального ostracism.

В дальнейших исследованиях О. Уильямсон [Williamson, 1986] показал, что права собственности имеют уязвимости перед оппортунистическим поведением и хищничеством. Д. Норт [North, 1990] исследовал влияние различных вариантов распределения и защиты прав собственности на развитие стран. Эта концепция была развита в исследованиях Э. Остром. Согласно полученным результатам, разрушительное воздействие слабо специфицированных прав собственности и вытекающую из этого проблему эксплуатации и деградации ресурсов, находящихся в режиме общего доступа, представляется возможным преодолеть с помощью группового мониторинга со стороны местных социальных групп.

В третьем углу находятся контракты, которые в большинстве случаев являются неполными, а это, в свою очередь, также открывает широкое пространство для искажений и несоответствий. В целом же контракты являются отправной точкой для анализа трансакций, а также мощным инструментом для анализа деятельности организаций, то есть фирм, рынков и межфирменных соглашений.

Согласно К. Менару и М. Ширли, центральное значение для теории контрактов в новом институционализме играют две предпосылки, во-первых, контракты никогда не выполняются полностью, во-вторых, контракты никогда не являются абсолютно полными [Menar, Shirley, 2014]. Изначально идеи, связанные с ролью контрактов, были заложены в работе Р. Коуза [Coase, 1937]. Их также продолжили развивать Д. Норт и О. Уильямсон. Д. Норт делал

акцент на исследование институтов, обеспечивающих выполнение контрактов. О. Уильямсон же в своих работах делал акцент на проблеме неполноты контрактов и оппортунистическом поведении, то есть ситуации, когда стороны отступают от сотрудничества и выполнения условий контракта.

В целом, как отмечают К. Менар и М. Ширли, ядро НИЭТ начинается с предпосылки о том, что трансакционные издержки положительны, информация является дорогостоящей и неполной, а контракты и права собственности не в полной мере определены и могут не соблюдаться. В таких условиях, по мнению ученых, главным фактором, оказывающим влияние на состояние экономики, является институциональная среда [Menar, Shirley, 2014].

Кроме того, выделение трех элементов «Золотого треугольника» в качестве составляющих жесткого ядра НИЭТ позволяет разделить ее на две ключевые ветви. Первая ветвь – это анализ в традиции О. Уильямсона на микроэкономическом уровне, на котором фактически и формируются трансакции. Вторая ветвь – анализ в традиции Д. Норта на макроуровне, то есть уровне политических, судебных и административных институтов, на котором осуществляются трансакции [Menard, 2018].

Перейдем к следующей попытке выявить методологические основы НИЭТ, предпринятой Р. Рихтером. В своем исследовании [Richter, 2005] ученый провел анализ мнений относительно ключевых теоретико-методологических оснований, объединяющих различные течения в рамках НИЭТ, выраженных составителями различных сборников публикаций ученых, являющихся лидерами данной научной школы. В результате Р. Рихтер пришел к выводу о том, что краеугольные камни в основе НИЭТ схожи с их аналогами в неоклассической теории. К ним можно отнести методологический индивидуализм и индивидуальный рациональный выбор в условиях набора ограничений. Однако для представителей НИЭТ институты имеют значение в

силу наличия трансакционных издержек и ограниченного доступа к информации, то есть представители нового институционализма в своих исследованиях основываются на предпосылке о важности институтов. Сами же трансакционные издержки играют одну из ключевых ролей в экономическом анализе, проводимом представителями НИЭТ, наряду с правами собственности. По мнению Р. Рихтера, новые институционалисты склонны принимать абстрактные допущения неоклассической экономики, хоть и в смягченной форме в силу влияния трансакционных издержек, ограниченной рациональности и др. Однако новый институционализм все же выходит за рамки стандартных неоклассических границ.

Подводя итоги анализа взглядов различных ученых на элементы, формирующие жесткое ядро НИЭТ, можно сделать вывод о том, что во многом эти взгляды совпадают. Несмотря на то, что «Золотой треугольник», предложенный К. Менаром на первый взгляд и отличается от идей Л.А. Тутова и А.Е. Шаститко, при более подробном рассмотрении и сравнении можно прийти к выводу, что данные исследователи, равно как и Р. Рихтер, говорят о том, что в основе НИЭТ лежит значимость институтов для распределения ресурсов и, следовательно, для экономического развития. Что же касается трансакционных издержек, то они имеют центральное значение для анализа функционирования институтов и всей экономики в целом. Наряду с этим центральное место занимают контракты, в чем также сходятся мнения вышеназванных исследователей. Отдельно выделим, что отмеченная Л.А. Тутовым и А.Е. Шаститко в качестве элемента жесткого ядра НИЭТ возможность применения различных институтов для решения одних и тех же проблем находит отражение в работах интеллектуальных лидеров НИЭТ, представленных выше.

Таким образом, в качестве составляющих элементов жесткого ядра НИЭТ можно выделить, во-первых, значение институтов для экономического

развития, во-вторых, ключевую роль в экономическом анализе экономических и политических трансакционных издержек, полных и неполных контрактов, а также прав собственности, в-третьих, методологический индивидуализм, в-четвертых, предпосылку об ограниченной рациональности экономических агентов. Одновременно с этим к элементам жесткого ядра НИЭТ можно отнести метод сравнительного анализа дискретных структурных альтернатив.

Вопросы, связанные с применением в исследованиях новых институционалистов теоретико-методологических положений, связанных с ролью институтов в экономическом развитии, а также применением в экономическом анализе полных и неполных контрактов, экономических и политических трансакционных издержек и прав собственности были рассмотрены выше. В отношении концепции ограниченной рациональности стоит отметить, что ее включение в жесткое ядро связано с рабочей моделью человека, характерной для НИЭТ. Представители НИЭТ следуют концепции ограниченной рациональности при построении моделей принятия индивидуальных оптимизационных решений. Одновременно с этим принцип методологического индивидуализма является для представителей НИЭТ базовым принципом объяснения общественных явлений, согласно которому только индивиды принимают решения. Таким образом, деятельность коллективных образований, например, государства, фирмы, общественного объединения, объясняется в исследованиях новых институционалистов на основе индивидуального поведения. Включение в жесткое ядро НИЭТ метода сравнительного анализа дискретных структурных альтернатив связано с тем, что он является центральным методом для НИЭТ. Этот метод находит применение в огромном количестве направлений исследований, выполняемых представителями НИЭТ, тем самым связывая их на методологическом уровне.

В соответствии с предложенными в первой главе мерами по модернизации методологии НИП для повышения точности определения

жесткого ядра НИП, включающими в себя использование метода контент-анализа, был проведен такой анализ публикаций представителей различных течений НИЭТ. При проведении контент-анализа главной задачей стала проверка правильности включения в жесткое ядро НИЭТ положений о значении институтов для экономического развития, а также ключевой роли в экономическом анализе транзакционных издержек, контрактов и прав собственности.

В первую очередь был проведен контент-анализ сборника «Handbook of New Institutional Economics» [Menard, Shirley, 2008], включающего в себя ряд наиболее значимых публикаций интеллектуальных лидеров НИЭТ по всем ключевым течениям нового институционализма.

Кроме этого, для проведения контент-анализа была собрана база, в которую вошли 860 статей по шести направлениям исследований, которые исследователи относят к научной школе нового институционализма [Фуруботн, Рихтер, 2005], в числе которых теория транзакционных издержек, новая экономическая история, теория контрактов, экономическая теория прав собственности, теория коллективных действий, экономический анализ права.

При формировании базы статей была использована база Scopus. При поиске статей отправной точкой являлся отбор по наличию в названии статьи, аннотации и ключевых словах названия соответствующего течения НИЭТ, например «transaction cost economics», «contract theory», «economic analysis of law». Далее устанавливались такие ограничения поиска, как отбор только англоязычных статей, опубликованных в научных журналах. В исследовании использовались статьи, для которых в графе «область знаний» была указана экономика. Для повышения объективности полученная в ходе поискового запроса выборка дополнительно ограничивалась по ключевым словам. После этого отобранные статьи ранжировались по цитируемости. Таким образом в итоговую базу вошли наиболее цитируемые статьи по каждому из указанных

выше направлений исследований в рамках НИЭТ. В среднем по одному направлению было отобрано около 150 статей.

В ходе исследования была использована программа MAXQDA. С ее помощью был проведен количественный контент-анализ текстов, включающий в себя расчет относительных частотностей употребления различных слов, встречающихся в анализируемых статьях, а также получение данных по частоте встречаемости слов и визуализацию результатов при помощи построения облаков слов. Одним из преимуществ использования таких методов является возможность обработки больших массивов данных. Такие методы «позволяют выявить и интерпретировать значимые для вопроса исследования паттерны» [Олейник, 2021, с. 85], а в условиях поставленной задачи в качестве таких паттернов мы рассматриваем элементы жесткого ядра НИЭТ.

При проведении контент-анализа выдвигалась гипотеза, согласно которой слова, связанные с указанными положениями жесткого ядра НИЭТ, должны, во-первых, употребляться в большинстве публикаций, во-вторых, быть наиболее часто употребляемыми. К ним относятся слова «institution», «contract», «transaction», «cost», «property», «right». Следует отметить, что эти слова могут встречаться и в работах представителей других исследовательских программ, однако эта проблема снимается с учетом того, что контент-анализу подвергается выборка статей, выполненных в рамках течений научной школы нового институционализма, а также сборник, содержащий наиболее значимые публикации его представителей.

В первую очередь был проведен контент-анализ сборника «Handbook of New Institutional Economics» [Menard, Shirley, 2008]. На рис. 2 представлено облако наиболее часто употребляемых слов в данном сборнике.

Всего в сборнике было выделено 17629 слов. В ходе анализа была установлена минимальная длина слова в 4 буквы, что позволило отсеять

большую часть союзов, предлогов и общих слов, не несущих смысловую нагрузку в данном анализе. После получения выборки некоторые слова таких типов были вручную добавлены в черный список.

Рисунок 2. Облако слов для сборника «Handbook of New Institutional Economics» [Menard, Shirley, 2008] (составлено автором)

Наиболее часто в тексте сборника употребляется слово «institution», так как программа MAXQDA не относит к его производным «institutional», то это слово выделено в отдельную группу. При суммировании результатов вручную получаем отрыв данных слов по частоте употребления в 1,7 раза от производных слова «contract», которое находится на втором месте, то есть 2685 употреблений против 1548. «Cost» и «transaction» находятся на 5 и 12 местах по частоте употребления (значения 1269 и 779), «right» и «property» на 7 и 15 местах (980 и 750 употреблений соответственно). Категории, которые заключены между ними можно отнести к общеэкономическим терминам (например, рынок, экономика, фирма), которые характеризуют объект исследований, а не применяемые в ходе исследований методы.

Таким образом, мы частично подтвердили выдвинутую гипотезу: отобранные группы терминов можно относить к жесткому ядру. В качестве

дополнительного подтверждения гипотезы была проверена частота употребления словосочетаний из двух и трех слов. Наиболее часто в тексте употребляются словосочетания с различными производными от слова «institution», за ними следуют «property rights» и «transaction costs», а также словосочетания с производными от слова «contract».

Заметим, что несмотря на полученные результаты, по одному сборнику невозможно определить относительные частоты по различным статьям, что необходимо для полного подтверждения выдвинутой гипотезы. Для этого необходимо провести контент-анализ базы статей по различным направлениям НИЭТ. При анализе собранной базы в первую очередь также было построено облако слов, представленное на рис. 3.

Рисунок 3. Облако слов по собранной базе научных статей, подготовленных в рамках ключевых течений НИЭТ (составлено автором)

Наиболее часто употребляемыми словами при компьютерном анализе стали производные от слова «economic», однако при ручном суммировании частоты употреблений различных групп производных от «institution» получаются результаты, согласно которым данные слова являются наиболее

часто употребляемыми из 164608 обнаруженных слов, встречаются они в 75% статей из выборки. На втором месте производные от слова «cost», встречающиеся в 91% статей, группа производных от «contract» на 6 месте и встречается в 70% статей, «right» на 10 месте и употребляется в 87% статей, «transaction» – 12 место и 65% статей, «property» – 18 место и 70% статей. Как показывает облако слов, представленное на рис. 3, слова, которые находятся между отобранными категориями, также являются общеэкономическими терминами, что позволяет сделать вывод о том, что отобранные категории относятся к жесткому ядру НИЭТ.

В продолжение проведенного анализа отдельно была рассчитана частота употребления выбранных категорий по статьям, подготовленным в рамках каждого из исследуемых течений НИЭТ. Проведенный анализ показал, что абсолютные частоты употребления изменяются в зависимости от течений, например для публикаций по теории трансакционных издержек доминируют производные от слов «transaction» и «cost», а для теории контрактов различные формы слова «contract».

Производные от слова «institution» встречаются в 75% статей, выполненных в рамках теории трансакционных издержек, экономического анализа права, теории общественного выбора и экономической теории прав собственности, 97% статей, подготовленных в рамках новой экономической истории, и около 50% статей по теории контрактов.

Для производных от слова «cost» значения находятся в рамках от 79 до 99% по указанным направлениям, минимальное значение у новой экономической истории. Группа слов «contract» встречается в 50–99% статей, минимальное значение здесь у теории общественного выбора, максимальное – у теории контрактов. Для слов из групп «property» и «right» значения находятся в пределах 60–98% и 81–97% соответственно, наиболее низкие значения по словам группы «property» характерны для теории трансакционных

издержек и теории общественного выбора, а для группы «right» минимальное значение у новой экономической истории, максимальное значение по данным группам демонстрируют статьи, выполненные в рамках экономической теории прав собственности.

Что же касается словосочетаний, то в предложенной выборке, как и в случае с анализом сборника «Handbook of New Institutional Economics» [Menard, Shirley, 2008], наиболее часто употребляются словосочетания с различными производными от слова «institution», за ними следуют «transaction costs», «property rights», а также словосочетания с производными от слова «contract», что также подтверждает выдвинутую гипотезу.

Отобранные для анализа слова являются наиболее часто употребляемыми всей выборке статей, также для них характерна высокая относительная частота употребления как по всей выборке, так и по статьям представителей отдельных направлений внутри НИЭТ. Результаты проведенного контент-анализа подтвердили выдвинутую гипотезу. На основании этого можно сделать вывод о том, что положения о роли институтов в экономическом развитии, ключевой роли в экономическом анализе контрактов, трансакционных издержек и прав собственности входят в состав жесткого ядра НИЭТ.

Таким образом, мы установили элементы, формирующие жесткое ядро НИЭТ, в следующей части данного раздела перейдем к характеристике ее защитного пояса.

2.1.3. Защитный пояс новой институциональной экономической теории

Защитный пояс новой институциональной экономической теории сформировался в результате стремительного расширения применения базовой

методологии, разработанной интеллектуальными лидерами и основателями НИЭТ по отношению к различным проблемам в области экономической науки, а иногда и в смежных областях, таких как социология, политология, история и др.

В результате этого сформировался целый ряд обособленных течений, входящих в состав научной школы нового институционализма. Например, Э. Фуруботн и Р. Рихтер выделяют следующие направления исследований в рамках НИЭТ: экономическая теория прав собственности, теория трансакционных издержек, теория контрактов, теория организации, экономический анализ права, теория агентских отношений, теория общественного выбора, новая экономическая история [Фуруботн, Рихтер, 2005].

Наличие множества зачастую слабо связанных друг с другом направлений исследований обуславливает высокую степень методологической неоднородности нового институционализма, осложняющую задачу его предметной идентификации. При этом для ряда течений, включаемых Э. Фуруботном и Р. Рихтером в состав НИЭТ, характерно применение базовой методологии других исследовательских программ, в первую очередь неоклассики. Например, методы неоклассической школы распространены в теории общественного благосостояния, теории агентских отношений, теории контрактов. При этом в рамках таких исследований происходит замещение элементов жесткого ядра НИЭТ как исследовательской программы. Например, для теории агентских отношений характерно применение концепции полной рациональности, в ее рамках рассматриваются только полные контракты.

Таким образом, если рассматривать НИЭТ как лакатосианскую исследовательскую программу, то к ее защитному поясу можно отнести лишь те направления исследований, в которых наиболее полно применяется базовая

методология, формирующая ее жесткое ядро, в результате чего исследовательская программа НИЭТ представляется более узкой, чем НИЭТ как научная школа. В рамках исследовательской программы НИЭТ, с учетом теоретико-методологических положений, формирующих ее жесткое ядро, ключевыми направлениями являются теория трансакционных издержек, интеллектуальным лидером которой является О. Уильямсон, новая экономическая история, основателем которой является Д. Норт, а также экономическая теория прав собственности (А. Алчян, Э. Остром и др.).

Стоит отметить, что в ходе проведенного ранее контент-анализа для публикаций, выполненных в рамках этих направлений, выявлено наиболее частое, по сравнению с другими направлениями исследований, употребление слов, связанных с элементами жесткого ядра НИЭТ. При этом показатели для теории контрактов, теория коллективных действий, экономический анализ права значительно ниже, что может выступать подтверждением применения здесь методов исследования, характерных для других исследовательских программ.

Для большинства других направлений, включаемых рядом исследователей в НИЭТ (например, Э. Фуруботном и Р. Рихтером [Фуруботн, Рихтер, 2005]), характерно смешение методов и применение методологических подходов, разработанных в рамках других исследовательских программ, например, неоклассики, что может служить одним из оснований для идентификации НИЭТ как надстройки к ней.

Перейдем к более подробному рассмотрению элементов защитного пояса НИЭТ, первым из которых является теория трансакционных издержек. Ее основоположник, О. Уильямсон, в своих исследованиях дополнил и расширил идеи Р. Коуза, изложенные им еще в 1937 г. [Coase, 1937], связанные с установлением роли фирм, а также роли менеджмента в деятельности фирмы. Однако его интерес также пал на проблему вертикальной интеграции,

а именно дилемму относительно того, производить ли компании продукт самостоятельно или покупать на рынке. Он пришел к выводу о том, что замена рыночного обмена на вертикальную интеграцию может быть не выгодна в силу дополнительных технологических затрат, однако вертикальная интеграция может обладать и рядом преимуществ, таких как расширение инструментов контроля и достижение большей гибкости, играющей важную роль в вопросах разрешения конфликтов [Williamson, 1971]. В дальнейшем ученый продолжил развивать вопросы, связанные со стимулами, администрированием и контролем, технологической сложностью, специфичностью активов [Williamson, 1975].

Кроме этого, О. Уильямсон уделяет внимание проблемам договорных отношений и их регулирования. Он анализирует эффективность различных типов контрактов и систем управления в условиях неопределенности и необходимости осуществления инвестиций. Причинами вертикальной интеграции, согласно полученным результатам, может выступать необходимость осуществления дополнительных затрат, связанных с проведением трансакций. В результате это положило начало целому ряду исследований, которые расширили и укрепили позиции теории трансакционных издержек. В последующих работах были проанализированы более сложные структуры, такие как, например, гибридные соглашения [Williamson, 1996], за которыми последовали новые эмпирические исследования [Menard, 2012].

Как отмечают К. Менар и М. Ширли [Menard, Shirley, 2014], дальнейшие исследования в рамках теории трансакционных издержек были связаны с такими проблемами, как антимонопольное регулирование, деятельность франчайзинговых компаний, предоставление коммунальных услуг. Разработанная методологическая основа находит применение в исследованиях влияния финансовых решений на управление компанией,

анализе доверительных соглашений и их роли в регулировании и развитии компаний. Помимо этого, одним из наиболее актуальных вопросов, по их мнению, является сокращение разрыва между теорией транзакционных издержек и институциональным анализом.

Перейдем к следующему ключевому элементу защитного пояса НИЭТ – новой институциональной экономической истории. Взгляды ее основателя – Д. Норта – формировались под влиянием неоклассики, однако в 1968 г. он отходит от стандартных моделей и в своем исследовании, посвященном рынку морских перевозок, устанавливает, что технологические изменения не всегда играли роль в росте производительности. При этом он отметил влияние таких факторов, как сокращение пиратства, концентрация товаров в нескольких крупных портах, развитие более крупных и организованных рынков, которые можно назвать институциональными [North, 1968]. Впоследствии он сконцентрировал усилия на разработке институциональной теории, позволяющей объяснить ключевые события американской истории [North, Davis, 1971]. В дальнейшем ученый аналогичным образом исследовал историю европейских стран и пришел к выводу, что при помощи инструментов неоклассики не представляется возможным объяснить фундаментальные социальные изменения, происходившие в средневековых европейских экономиках [North, 2010].

Д. Норт в своих исследованиях стремился к экономическому объяснению временной динамики структуры и показателей, характеризующих экономики различных стран. В итоге он пришел к выводу, что в условиях положительных транзакционных издержек и неопределенности институциональные ограничения оказывают влияние на набор возможностей индивидов, что, в свою очередь, влияет на экономические показатели государства. Качественная институциональная структура здесь может снижать неопределенность и, следовательно, издержки, что положительно

отражается на экономическом развитии. Однако в силу высоких политических и экономических транзакционных издержек неэффективные институты могут сохраняться в течение длительного периода времени [Richter, 2005].

В целом концепция новой институциональной экономической истории Д. Норта объединяет в себе изучение взаимодействия политики и экономики в привязке к экономической истории. Ученый опирается на ограниченную рациональность экономических агентов, учитывает роль идеологии и отвергает гипотезы эффективного рынка и рационального выбора.

Как мы отмечали ранее, теория Д. Норта неоднократно подвергалась критике, однако она продолжает развиваться и совершенствоваться, в частности, он обращается к когнитивной науке для улучшения понимания процессов формирования убеждений людей, оказывающих влияние на процессы институциональных изменений [North, 2005]. Некоторые ранее разработанные им концепции перерабатываются и усовершенствуются, например, концепция объяснения истории человечества [North et al., 2009].

Перейдем к следующему элементу защитного пояса НИЭТ – экономической теории прав собственности. Права собственности представляют собой один из главных институтов, существующих обществе. Они оказывают значительное влияние на все сферы жизни общества, и экономика не является исключением. Как отмечают К. Менар и М. Ширли, институты в целом играют роль в анализе экономической деятельности, так как они устанавливают права собственности и обеспечивают их соблюдение [Menard, Shirley, 2022].

Как и в случае с теорией транзакционных издержек, базовые идеи, в дальнейшем ставшие основой для экономической теории прав собственности, были заложены Р. Коузом [Coase, 1937] и развиты им в более поздних работах [Coase, 1959; 1960]. Согласно его исследованиям, фактически экономические

агенты обмениваются не товарами и услугами, а именно правами собственности.

Концепция Р. Коуза получила дальнейшее развитие в работах А. Алчияна. Он определил права собственности как набор прав, позволяющих использовать и передавать собственность, а также совершать с ней иные допустимые действия [Alchian, 1965]. При этом права собственности могут быть как формальными (закрепленными юридически), так и неформальными (например, могут обеспечиваться обычаем делового оборота).

Одной из центральных проблем для экономической теории прав собственности является выбор между альтернативными режимами использования ограниченных ресурсов. А. Алчиян выделил три возможных режима использования, или разновидности прав собственности: частная, коммунальная и государственная собственность [Alchian, 1965]. При режиме частной или государственной собственности у обладателя права есть исключительные полномочия на использование ресурса, иные пользователи исключаются. При коммунальном режиме собственности такими полномочиями обладает группа лиц, что в ряде случаев может быть гораздо эффективнее первых двух вариантов (за исследования в этой области Э. Остром была удостоена Нобелевской премии) [Ostrom, 1990]. В дальнейшем исследователи выделили четвертый режим собственности – режим свободного доступа, при котором ресурс является общедоступным [Merill, 2002].

Значимость исследования прав собственности для представителей нового институционализма обусловлена тем, что они формируют стимулы для использования ресурсов, производства, обмена, инвестиций. Кроме этого, права собственности играют огромную роль в исследовании трансакций и трансакционных издержек, так как, во-первых, именно с передачей прав собственности связана значительная часть трансакций в рыночной экономике,

во-вторых, от спецификации прав собственности зависит уровень трансакционных издержек [Menard, Shirley, 2022].

На современном этапе ключевыми вопросами для экономической теории прав собственности являются вопросы, связанные с выбором режима прав собственности и переходом от одного режима к другому, спецификацией и передачей прав собственности. Наряду с этим, с правами собственности связаны такие исследовательские вопросы, как внешние эффекты и методы их интернализации.

В данном разделе мы рассмотрели элементы, формирующие жесткое ядро НИЭТ, а также основные составляющие ее защитного пояса. В следующем разделе будут исследованы вопросы соотношения НИЭТ с другими исследовательскими программами в области экономической науки.

2.2. Методологический статус новой институциональной экономической теории в современной экономической науке

Основными исследовательскими программами, с которыми взаимодействует НИЭТ, являются традиционный институционализм (далее по тексту – ТИ), неоклассическая теория и неоавстрийская теория. В первую очередь рассмотрим взаимодействие НИЭТ с традиционным институционализмом.

2.2.1. Новая институциональная экономическая теория и традиционный институционализм

Как отмечают Л.А. Тутов и А.Е. Шаститко [Тутов, Шаститко, 2017], и для НИЭТ, и для современного ТИ институты выступают в качестве системообразующего элемента любой объясняющей конструкции, и здесь на

первый взгляд просматривается сходство, однако при более детальном рассмотрении это не совсем так.

Одно из ключевых отличий нового институционализма и ТИ заключается в понимании и определении институтов. Один из современных лидеров ТИ, Д. Ходжсон, определяет институты как «системы установленных и общепринятых социальных правил, структурирующих социальные взаимодействия» [Hodgson, 2006, p. 6]. Определение Д. Ходжсона подверглось критике со стороны представителей НИЭТ, так как оно одновременно является чрезмерно обширным и чрезмерно узким. При таком определении, с одной стороны, под институтом можно рассматривать крайне обширное множество отдаленных друг от друга объектов, но, с другой стороны, оно не включает в себя целый ряд экономических феноменов, выступающих в качестве нормативных правил [Тамбовцев, 2021e]. На основании этого В.Л. Тамбовцев характеризует определение института, предложенное Д. Ходжсоном, как непродуктивное, то есть препятствующее решению исследовательских задач путем установки дополнительных ограничений для исследователей, ведущих научные разработки в этой области.

В качестве еще одного примера определения института в ТИ можно рассмотреть определение, предложение В. Нилом [Neale, 1987, p. 1183]. По его мнению, институт определяют три главных компонента: правила, стандарты поведения, стереотипы мышления. С одной стороны, такое определение можно считать соответствующим экономической реальности, однако, с другой стороны, при его использовании задача объяснения влияния институтов на изменения в поведении людей оказывается затруднительной, в результате чего работоспособность такого определения с методологической точки зрения снижается. Таким образом, критика В.Л. Тамбовцева в адрес определения Д. Ходжсона справедлива и по отношению к определению В. Нила, несмотря на то что сами определения значительно разнятся между собой.

В рамках нового институционализма предложено более четкое и продуктивное с точки зрения решения исследовательских задач определение института. Как отмечает А.Е. Шаститко [Шаститко, 2010], рабочее определение института, характерное для НИЭТ, является выражением компромисса между реалистичностью ТИ и операциональностью неоклассики. Например, Д. Норт приводит следующее определение института: «Множество ограничений поведения в форме правил и регуляций, множество процедур обнаружения отклонений и, наконец, множество норм, ограничивающих способы спецификации правил и регуляций, и принуждающих к их исполнению» [North, 1984, p. 8]. Также Д. Норт определяет институты как созданные людьми ограничения, состоящие из формальных ограничений, неформальных ограничений и их механизмов принуждения [North, 1994].

В.Л. Тамбовцев отмечает, что такие определения выводят за рамки институтов те правила, у которых нет механизмов принуждения к их исполнению. В первую очередь, это касается привычек индивидов. Более того, такие определения позволяют провести границы между формальными и неформальными институтами на основе состава механизма принуждения, характерного для того или иного института.

Заметим, что в условиях высокой неоднородности НИЭТ и широкого распространения ее инструментария ее представителями был предложен целый ряд различных определений понятия «институт», за что НИЭТ неоднократно подвергалась критике, в том числе и со стороны представителей ТИ. Здесь сразу стоит отметить, что объективность такой критики вызывает вопросы, с учетом того, что для представителей ТИ также характерны различия в определении института, что подтверждается приведенными выше примерами трактовки института Д. Ходжсона и В. Нила. Кроме этого, при более детальном рассмотрении предложенных в рамках НИЭТ понятий

института, можно прийти к выводу о том, что они не выходят за пределы методологических рамок жесткого ядра НИЭТ. В такой ситуации наиболее продуктивным можно считать подход, ориентированный на признание существования альтернативных определений, а не поиск одного универсального [Тамбовцев, 2022].

Следующим важным различием НИЭТ и ТИ является следование НИЭТ принципу методологического индивидуализма. На уровне рабочего определения института для НИЭТ главную роль играет пара «правила – механизмы, обеспечивающие соблюдение правил» применительно к логике индивидуального выбора [Тутов, Шаститко, 2017]. Для традиционного же институционализма принцип методологического индивидуализма не является обязательным, для него характерен, в первую очередь, методологический холизм. В результате этого метод сравнительного анализа дискретных структурных альтернатив, являющийся ключевым методом для различных течений НИЭТ, в рамках традиционного институционализма далеко не всегда может найти применение.

Один из лидеров ТИ, Д. Ходжсон, подвергая НИЭТ критике в ранних работах, утверждает, что тесная связь НИЭТ с идеей абстрактного индивида принципиально отличает ее от ТИ [Hodgson, 1989]. В то же время М. Ратфорд отмечает, что методологический индивидуализм НИЭТ противопоставляет ее ТИ, ориентированному на коллективные процессы принятия решений [Rutherford, 1989]. В. Даггер говорит о том, что в центре внимания НИЭТ находится понятие оптимума, а в центре внимания ТИ – понятие процесса, и называет НИЭТ новым, но не институционализмом [Dugger, 1990]. Некоторые представители ТИ призывают представителей НИЭТ отказаться от взгляда на мир через призму организации и исследовать макросферу социальной реальности, что позволит НИЭТ стать «по-настоящему институциональной» [Abrutyn, Turner, 2011].

Однако здесь стоит отметить, что позднее курс некоторых представителей ТИ был скорректирован. Например, Д. Ходжсон [Ходжсон, 2003] говорит о существовании в рамках ТИ дуализма, то есть сосуществования в методологическом базисе ТИ методологического холизма и методологического индивидуализма.

Еще один представитель ТИ, А. Спитховен, отмечает, что значительные различия НИЭТ и ТИ проявляются во взглядах на рынки, применении в исследованиях теории игр и регрессионного анализа. Ученый говорит о том, что для представителей НИЭТ рынок выступает в качестве эффективного способа проведения транзакций, отличающихся низкой частотой, низким уровнем риска и низкой специфичностью активов [Spithoven, 2019]. Здесь стоит отметить, что такая трактовка рынка для НИЭТ, предложенная А. Спитховеном, является искаженной, так как на выбор в пользу того или иного механизма координации, по О. Уильямсону [Williamson, 1996], влияют уровень неопределенности (риска) и степень специфичности активов, частота транзакций же в этом контексте значения не имеет, она влияет на выбор формы контракта.

А. Перейра и Г. Лопес указывают на то, что эффективность работы рынков для НИЭТ может служить инструментом для оценки всей экономики в целом. В традиционном же институционализме рынок рассматривается как разрастающаяся деятельность, посредством которой заинтересованные лица наращивают свои привилегии, или же как действующие предприятия, которые обеспечивают социальным сообществам самоорганизацию с целью получения средств к существованию [Pereira, Lopes, 2018].

Кроме этого, по словам представителей ТИ, в исследованиях представителей НИЭТ широко представлен анализ инструментов по борьбе с картелями, монополиями и провалами регуляторов, основными мерами здесь выступает дискреционная антимонопольная политика, связанная с

разграничением экономики и политики. В случае же с ТИ фокус ученых направлен на хищническое поведение различных групп интересов, на неравные переговорные, управленческие и нормативные полномочия, требующие вмешательства для снижения неравенства и борьбы с дискриминацией [Spithoven, 2019].

Представители ТИ, несмотря на обширную критику НИЭТ с их стороны, в последние десятилетия неоднократно предпринимали попытки обнаружить точки соприкосновения и даже разрабатывали проекты интеграции НИЭТ и ТИ. По мнению Д. Ходжсона, без такой интеграции институциональная теория не может стать мейнстримом экономической науки [Hodgson, 2007]. Позднее Д. Ходжсон делает вывод о том, что область изучения институтов в ТИ и НИЭТ формирует единое целое [Hodgson, 2019]. Согласно мнению еще одного представителя ТИ, Д. Грёневегена, институциональную теорию следует рассматривать как единый континуум, в рамках которого существуют различные взаимодополняющие школы [Groenewegen, 2019]. С учетом того, что между НИЭТ и ТИ существуют значительные методологические различия, одним из наиболее ярких проявлений которой служат модели принятия индивидуальных оптимизационных решений, а также применение различных базовых принципов объяснения общественных явлений (методологический индивидуализм и методологический холизм), с мнениями Д. Ходжсона и Д. Грёневегена согласиться затруднительно. Говорить о едином целом в контексте НИЭТ и ТИ представляется возможным только с точки зрения дополнения объектов исследования, на методологическом же уровне между этими исследовательскими программами существуют значительные различия и противоречия, которые весьма осложняют интеграцию.

Также представители ТИ зачастую говорят о взаимосвязи с ним отдельных течений, входящих в состав НИЭТ. Например, М. Ратфорд

[Rutherford, 2001] отмечает, что концепция транзакционных издержек подразумевалась в старых публикациях традиционных институционалистов, а О. Уильямсон в некоторых своих исследованиях говорит о том, что еще Д. Коммонс рассматривал транзакцию как базовую единицу экономической деятельности. Кроме этого, область экономического анализа права также первоначально была колонизирована представителями ТИ.

М. Ратфорд также говорит о том, что и НИЭТ, и ТИ предпринимали попытки выйти за рамки неоклассического анализа, но на уровне методологии, теоретических и аналитических инструментов имеются существенные различия. Однако у них есть и ряд линий связи, одной из которых является концепция ограниченной рациональности. Для НИЭТ она обусловлена в первую очередь информационными и когнитивными ограничениями, что согласуется с критикой со стороны ТИ неоклассического рационалистского взгляда на экономического человека.

Наряду с упомянутым ранее примером из работ О. Уильямсона можно отметить использование принципов подхода ТИ в модели институционального анализа и развития Э. Остром [Ostrom, 2005]. В своем исследовании она признает влияние культуры на ментальные модели, а также влияние предпочтений на институты.

Еще одной точкой соприкосновения ТИ и НИЭТ можно считать принятие видным представителем нового институционализма М. Аоки [Aoki, 2007] идей одного из современных интеллектуальных лидеров ТИ Д. Ходжсона [Hodgson, 1998] относительно сложности проблемы общественного регресса институциональных изменений, что подтверждает значение истории для понимания возникновения, развития и устойчивости институтов.

П. фон Штаден и К. Брюс [von Staden, Bruce, 2015] отмечают, что некоторые сходства с ТИ прослеживаются и в поздних работах Д. Норта

[North, 2005]. Стоит отметить, что его ранние работы представители ТИ критиковали за слишком малое внимание к культурным факторам и идеологии, не позволяющее преодолеть ограничения неоклассической методологии [Rutherford, 1995]. Однако в дальнейшем Д. Норт признает роль эффекта колеи, влияние институтов на предпочтения, а также влияние идеологии и властных отношений на процесс принятия решений, что пересекается с идеями представителей ТИ. Развитием этих идей Д. Норты, содержащих элементы подхода ТИ, можно считать исследования Д. Асемоглу и Д. Робинсона [Acemoglu, Robinson, 2012], в которых ученые объясняют устойчивость неэффективных экстрактивных институтов интересами политических элит, поддерживающих выгодные им политические системы. Данные идеи пересекаются с разработанной в рамках ТИ теорией круговых объяснений [Caballero, Soto-Onate, 2015].

Но в то же время А. Спитховен утверждает, что существуют фундаментальные различия между методологическими подходами, разработанными в рамках ТИ, и подходами Д. Норты и его последователей, которые, по его мнению, все равно уходят в сторону неоклассики. Представители НИЭТ не уделяют должного внимания культурным факторам, применяя в анализе теорию игр и регрессионные модели [Spithoven, 2019]. С такой оценкой А. Спитховена можно согласиться, и здесь следует отметить, что процессы, связанные с ростом исследовательского внимания представителей НИЭТ к вопросам влияния культурных факторов, свидетельствуют о расширении объекта исследований новых институционалистов, в который попадают области, длительное время входящие в состав объекта исследований представителей ТИ. На методологическом же уровне сближение осложнено.

Отметим, что вопросы о перспективах взаимодействия и возможностях для объединения НИЭТ и ТИ остаются дискуссионными. Одним из главных

элементов дискуссии является спор о методологическом холизме и методологическом индивидуализме. Эти вопросы более детально рассматриваются в разделе 3.3.

2.2.2. Новая институциональная экономическая теория и неоклассическая школа

Перейдем к анализу взаимосвязи и различий НИЭТ и неоклассической школы. Как мы уже отмечали, научные взгляды основателей и интеллектуальных лидеров нового институционализма формировались под сильным влиянием неоклассики. И на первый взгляд важным аргументом, подтверждающим влияние неоклассики на НИЭТ, является использование принципа методологического индивидуализма. Однако важно отметить, что предложенное в рамках неоклассической теории рассмотрение фирмы как производственной функции не отражает внутренние процессы взаимодействия людей, в результате чего фирма предстает в качестве «черного ящика», а это является свидетельством отступления от принципа методологического индивидуализма. Таким образом, в рамках неоклассической теории принцип методологического индивидуализма используется не всегда [Шаститко, Тутов, 2023]. Представители НИЭТ применяют этот принцип более широко и последовательно.

По мере проведения новых исследований представители НИЭТ вышли за границы неоклассической методологии, при этом сохранив ряд ее элементов. Одним из примеров, подтверждающих это, являются работы Д. Норта в области новой институциональной экономической истории.

Одной из причин включения в НИЭТ некоторых неоклассических концепций можно считать стремление к преодолению таких недостатков традиционного институционализма, как описательный подход, размытость и неопределенность [Гульбина, 2009]. Интеграция неоклассики позволила

новым институционалистами выстроить структурированную и формализованную теорию, которая при этом опиралась и на собственные исходные предпосылки, и изучала те проблемы, которые длительное время игнорировались неоклассикой.

В целом же для нового институционализма характерно более широкое представление об экономике, нежели то, которое складывается на основе формализованных и метаматизированных объяснительных схем неоклассики. Однако, несмотря на широкую критику абстрактных неоклассических моделей, представители НИЭТ, проводящие исследования на микроуровне, в частности представители теории транзакционных издержек, применяют традиционные методы микроанализа в своих работах, но дополняют их внедрением ряда институциональных параметров и характеристик, например, учитывают проблемы, связанные с транзакционными издержками, распределением прав собственности, неполнотой контрактов, оппортунистическим поведением и др. Кроме этого, представителями НИЭТ была выдвинута концепция ограниченной рациональности, уточняющая базовую аксиому неоклассики о рациональном поведении индивидов.

В отношении взаимосвязи институционального анализа на макроуровне, проводимого в рамках НИЭТ, с неоклассикой можно отметить, что демонстрируемое Д. Нортом понимание институтов как «правил игры» вполне вписывается в базовую для неоклассики схему максимизации индивидами целевой функции в условиях заданных ограничений [Капелюшников, 2019а]. Институты здесь могут выступать как дополнительный класс ограничений, с которыми сталкиваются индивиды в ходе принятия решений. Как отмечают А. Грайф и Д. Мокир [Greif, Мокир, 2016], главным достоинством разработанной Д. Нортом теории является возможность ее включения в неоклассический мейнстрим без необходимости нарушения или изменения его базовых предпосылок.

В связи с такой близостью НИЭТ и неоклассической школы ряд ученых выдвигают тезис о том, что НИЭТ не является в полной мере самостоятельной школой, а представляет собой надстройку неоклассики. К такому мнению пришли, например, Э. Фуруботн и Р. Рихтер [Фуруботн, Рихтер, 2005]. В качестве основных принципов исследования для представителей НИЭТ они отмечают заимствованные из неоклассики принципы методологического индивидуализма и максимизации полезности.

Противоположной точки зрения придерживаются такие яркие представители нового институционализма, как Р. Коуз, О. Уильямсон и Т. Эггертссон, которые считали его самостоятельным теоретическим направлением, отличным от неоклассики [Гульбина, 2009]. В основе концепции разграничения НИЭТ и неоклассики, предложенной Т. Эггертссоном [Эггертссон, 2001], лежит глубина изменений неоклассических теоретико-методологических оснований, входящих в состав его жесткого ядра, при их интеграции в новый институционализм.

Среди российских ученых также нет единого мнения относительно отношений НИЭТ и неоклассики. Р.И. Капелюшников [Капелюшников, 1990] считает первую законной частью мейнстрима экономической науки. В.Л. Тамбовцев говорит о том, что корни НИЭТ уходят в неоклассику, а О.И. Ананьин также подчеркивает в своих работах тот факт, что новый институционализм базируется на предпосылках, используемых неоклассической школой, в частности, на методологическом индивидуализме. В.С. Автономов утверждает, что НИЭТ изучает институциональную структуру общества при помощи методов, разработанных в рамках неоклассики, новое институциональное течение занимает промежуточное положение в современной экономической науке между мейнстримом и гетеродоксальными школами. А.Е. Шаститко отмечает, что НИЭТ является продолжением неоклассики, что соотносится с идеями Т. Эггертссона. Также

важное отличие НИЭТ от неоклассики приводится в совместной работе Л.А. Тутова и А.Е. Шаститко [Тутов, Шаститко, 2017], которое заключается в невозможности *ad hoc* применения метода сравнительного анализа дискретных структурных альтернатив в неоклассическом анализе.

Еще одна заслуживающая внимания концепция взаимоотношений НИЭТ и неоклассики была разработана Г.П. Литвинцевой [Литвинцева, 2000]. Согласно этой концепции можно выделить умеренную институциональную экономику и ортодоксальную институциональную экономику, связанную с неоклассикой. Основой для их разграничения служат такие факторы, как используемые методологические подходы, трактовка поведения экономических агентов, роль правил и методы оценки их эффективности. К представителям ортодоксальной части нового институционализма она относит Р. Коуза, О. Уильямсона и Г. Демсеца, а к представителям умеренного течения нового институционализма – Д. Норта и Т. Эггертссона.

В целом Г.П. Литвинцева подчеркивает усиливающуюся по мере развития НИЭТ его внутреннюю дифференциацию. Одним из ее проявлений является пополнение неоклассического мейнстрима значительной частью исследований, приводящихся новыми институционалистами с применением инструментария неоклассики и затрагивающими проблемы, которые игнорируются самой неоклассикой.

2.2.3. Новая институциональная экономическая теория и неоавстрийская школа

Вопросы взаимодействия НИЭТ с неоавстрийской школой были освещены в работе Л.А. Тутова и А.Е. Шаститко [Тутов, Шаститко, 2017]. Одним из главных отличий НИЭТ от новой австрийской школы является отсутствие в рамках первой общего и однозначного *ex ante* ответа на вопрос о сравнительной эффективности различных механизмов, координирующих

действия экономических агентов и оказывающих влияние на распределение выгод и издержек участников экономических обменов. На основании этого ученые приходят к выводу о том, что представителями неоавстрийской школы не рассматривалась задача по разработке и использованию методов исследования, применимых для сравнительного анализа дискретных структурных альтернатив.

Важным отличием НИЭТ и новой австрийской школы являются концепции рациональности экономических агентов. В рамках НИЭТ применяется концепция ограниченной рациональности, на основании которой формируются модели принятия индивидуальных оптимизационных решений, для новых австрийцев же рациональность индивида не может рассматриваться с точки зрения оптимизации, так как элементы оптимизационной задачи формируются в ходе функционирования рынка. В контексте рациональности для новых австрийцев центральным является знание, которое является неполным для всех экономических агентов. Кроме этого, важную методологическую роль здесь играет понятие невежества [Shastitko, Golovanova, 2016]. Таким образом, для новой австрийской школы характерна органическая рациональность, или рациональность процесса, в рамках которой незнание или невежество может оказаться более эффективным, чем знание в контексте достижение определенных целей [Вильямсон, 1993].

Что же касается точек соприкосновения методологических подходов нового институционализма и новой австрийской школы, то здесь можно отметить, что одним из элементов методологического фундамента новых австрийцев является принцип методологического индивидуализма, причем они являются его наиболее последовательными сторонниками [Шаститко, Тутов, 2023]. Однако для представителей австрийской школы характерна более радикальная, нежели в новом институционализме, трактовка принципа методологического индивидуализма, когда индивиды рассматриваются как

полностью автономные, своего рода «аналоги Робинзона Крузо до появления Пятницы» [Тамбовцев, 2020b, с. 14].

Также важно отметить, что в контексте взаимодействия НИЭТ и новой австрийской школы у представителей последней нет единой позиции в оценке достижений НИЭТ и возможностей для взаимодействия с ее представителями.

Так, для П. Бёттке характерна положительная оценка трудов ряда представителей нового институционализма. Он положительно оценивает работы Д. Норта и Д. Асемоглу и говорит о возможности применения результатов их исследований в новых разработках представителей австрийской школы, в частности, это касается разработанных в рамках нового институционализма концепций влияния институтов на экономическое развитие, которые сам П. Бёттке использует в анализе институтов [Boettke, 2021]. Однако не все представители новой австрийской школы разделяют такую точку зрения. Д. МакКлоски подвергает позицию П. Бёттке резкой критике, называя новых институционалистов «плохими историками и некомпетентными экономистами» и саму НИЭТ «научной неудачей», аргументируя это тем, что новые институционалисты отвергают базовые тезисы австрийской школы [McCloskey, 2022].

Также П. Бёттке и А. Кандела говорят о том, что идеи основателя австрийской школы К. Менгера нашли отражение в теории трансакционных издержек, разработанной в рамках нового институционализма. Например, Менгер фокусировал внимание на стимулах и знаниях, а также их влиянии на механизмы координации, что стало предвестником дальнейшего развития схожих концепций в новом институционализме. По мнению П. Бёттке и А. Кандела, в дальнейшем возможны обмен знаниями и взаимодействие представителей новых австрийцев и представителей нового институционализма при проведении исследований в этой области [Boettke, Candela, 2023].

В данном разделе были проанализированы взаимоотношения НИЭТ с другими исследовательскими программами. Одной из главных особенностей НИЭТ на фоне других НИП является использование метода сравнительного анализа дискретных структурных альтернатив. В последние годы ряд представителей ТИ отмечают наличие тенденции к сближению НИЭТ и ТИ, однако такое сближение происходит, в первую очередь, на уровне объекта исследований, на уровне методологии между этими школами существуют значительные различия, которые прослеживаются даже при сравнении рабочего определения понятия «институт». Кроме этого, важно отметить, что в рамках НИЭТ широко используется инструментарий неоклассической школы, а взгляды основателей НИЭТ формировались под ее сильным воздействием. В результате тесная связь НИЭТ и неоклассики сохраняется, а некоторые достижения новых институционалистов пополняют мейнстрим. Все это дает основания считать НИЭТ надстройкой к неоклассической школе, которая значительно развилась и по ряду направлений достаточно сильно отделилась от неоклассики.

2.3. Новая институциональная экономическая теория как прогрессивная научно-исследовательская программа

2.3.1. Развитие защитного пояса новой институциональной экономической теории

Согласно методологии научно-исследовательских программ, разработанной И. Лакатосом [Лакатос, 1995], все исследовательские программы можно разделить на два типа – вырождающиеся и прогрессивные. Первые стремятся лишь защитить свое ядро от атак со стороны конкурирующих НИП, вторые же активно развиваются, наращивают защитный пояс. Главную роль в развитии прогрессивных исследовательских

программ играет позитивная эвристика, которая направляет усилия ученых на развитие старых концепций и получение нового научного знания.

Защитный пояс нового институционализма активно расширяется, что позволяет сделать вывод о том, что НИЭТ является прогрессивной исследовательской программой. Именно защитный пояс НИЭТ устанавливает границы распространения ее инструментария. В силу высокой изменчивости самого защитного пояса, а также объекта исследований новых институционалистов данные границы изменчивы. Различные исследователи предпринимали попытки их установить, в частности, в данной области заслуживает внимания работа К. Менара [Menard, 2018].

Ученый проводит разграничение разработок представителей НИЭТ на микро- и макроуровни. К первым можно отнести исследования в области теории организаций, суть которых заключается в выявлении различных способов организации транзакций, которые формируют структуры экономики. Так как не существует единого универсального механизма организации транзакций, который в любой ситуации был бы оптимальным, представители НИЭТ активно развивают исследования в этой области, направленные на выявление и изучение новых типов организационных механизмов [Menard, 2018].

Первые шаги в данной области были сделаны О. Уильямсоном [Williamson, 1985, 1996]. В ходе дальнейшего развития исследований выяснилось, что главной проблемой здесь является тот факт, что на практике редко встречаются чистые рынки и чистые иерархии. В большинстве случаев имеют место гибридные механизмы [Menard, 2018].

Такие механизмы представляют высокий исследовательский интерес для ученых еще и в силу того, что их распространение может быть связано с таким фактором, как технологический прогресс. В ранних исследованиях, посвященных вопросам гибридных механизмов, отмечалось, что они могут

создавать новые эффективные стимулы для небольших компаний, открывать им доступ к новым технологиям [Powell, 1987]. С учетом цифровизации и активного развития технологических компаний актуальность данного исследовательского вопроса лишь возрастает. Наряду с этим исследователи отмечают эффективность гибридных механизмов, сочетающих в себе механизмы ценовой координации и иерархии в рамках решения экологических проблем [Galli, Fisher, 2016], что также крайне актуально в свете тренда на переход к устойчивому развитию.

Также одной из причин применения гибридных механизмов может быть изменение в законодательстве, формирующем «правила игры». Компании могут применять гибридные механизмы, чтобы подстроиться под новое законодательство и получить выгоду, или же с целью обойти действующие правила, например, в области налогообложения [Hardeck, Wittenstein, 2018].

Таким образом, вопросы, связанные с гибридными механизмами, являются актуальными, они вызывают высокий интерес исследователей, являющихся представителями НИЭТ. Число исследований в данной области растет, что позволяет отнести ее к позитивной эвристике НИЭТ.

Перейдем к следующему направлению защитного пояса НИЭТ. Как отмечает К. Менар, исследования нового институционализма шагнули гораздо дальше объяснений значимости институтов, которые имели место на ранних этапах. Сегодня организационные соглашения встроены в институциональную среду. Более того, ученые признают, что институциональная среда не является однородным слоем, и важной исследовательской задачей К. Менар видит изучение этих слоев, позволяющее более детально раскрыть, как действуют правила и нормы на каждом слое [Menar, 2018].

В своих работах К. Менар вводит понятие мезоинститутов. Их можно определить как «промежуточные организационные структуры, задачей которых становится реализация разработанных на макроуровне проектов реформ» [Круглова, 2018]. От деятельности этих институтов зависит процесс реализации реформ и внедрения новых формальных правил в сформировавшуюся институциональную среду. Мезоинституты определяют способы и принципы применения конкретных правил, а также степень их регуляторного воздействия на экономических агентов, попадающих под влияние конкретного правила. Фактически мезоинституты можно рассматривать как промежуточное звено между уровнем принятия правил и уровнем организационных механизмов, где и проводятся транзакции.

Главной исследовательской задачей в области мезоинститутов, согласно К. Менару, является выявление причин успехов и провалов реформ общественных организаций. Так как принимаемые правила не могут быть директивно внедрены на микроуровне, появляется необходимость в их интерпретации, адаптации и контроле за соблюдением. Успех реализации каждого из этих трех этапов зависит от качества мезоинститутов. В случае низкого качества мезоинститутов может возникать разрыв между декларируемыми правилами и наблюдаемыми в реальной экономике процессами.

На начальном этапе исследования мезоинститутов К. Менар определяет их как посредников, обеспечивающих выполнение принимаемых общих правил при помощи конкретных рекомендаций агентам, которые являются объектом воздействия этих правил, а также реализации системы обратной связи [Menard, 2014]. Позднее К. Менар приводит следующее определение: «мезоинституты – это институциональные соглашения, при помощи которых правила и права интерпретируются и применяются, благодаря чему ограничивается круг возможных транзакций, осуществляемых

экономическими агентами [Menard, 2017, p. 2]. Таким образом, мезоинституты уточняют и дополняют установленные на уровне институциональной среды правила, при этом они могут затрагивать не только экономическое, но и технологическое регулирование, тем самым обеспечивая обратную связь между установленными правилами и применяемыми технологиями [Menard, 2017]. В дальнейшем К. Менар выделяет три главные функции мезоинститутов: трансляция на микроуровень правил и норм, установленных на макроуровне, и их спецификация для конкретных фактических трансакций; мониторинг выполнения этих правил, связанный, как правило, с применением инструментов, ориентированных на наблюдение за поведением участников трансакций; обеспечение исполнения правил и установление границ деятельности микроинститутов на основании макроправил и норм с применением мер наказания и вознаграждения [Menard et al., 2021].

Также важно отметить, что мезоинституты связаны с институциональными изменениями. Еще одна их функция заключается в информировании экономических агентов на микроуровне относительно принимаемых правил, так как от этого в значительной степени зависит восприятие ими реформ. Для того чтобы реформы воспринимались как легитимные, необходимо доводить информацию о них до всех заинтересованных сторон. Если же этот фактор не учитывать, велика вероятность возникновения дополнительных незапланированных трансакционных издержек, как политических, так и экономических [Menard et al., 2017].

По мнению некоторых исследователей, концепция мезоинститутов К. Менара является на сегодняшний день наиболее последовательной и разработанной концепцией, внедряющей изучение уровня мезоэкономики в исследования реформ и институционального дизайна [Круглова, 2018]. Подход, предложенный К. Менаром, может претендовать на замену

устоявшейся связки «институциональная среда – институциональные соглашения», предложенной О. Уильямсоном, на связку микро-, мезо- и макроинститутов [Шаститко, 2019].

Вопрос о необходимости такой замены остается дискуссионным. Как отмечает А.Е. Шаститко, переход к предложенной К. Менаром концепции является одной из структурных альтернатив развития концептуального ядра НИЭТ, а именно уточнения характеристик институциональной среды с выделением двух ее уровней – мезоинститутов и макроинститутов. С учетом эффекта колеи в развитии науки решение этой задачи может потребовать достаточно длительного промежутка времени. Тем не менее разработки К. Менара сфокусировали внимание исследователей на важном аспекте, оказывающем значительное влияние на экономическую, политическую и социальную ситуацию. И этот аспект длительное время оставался неразработанным, особенно в прикладном плане [Шаститко, 2019], что потенциально открывает широкое поле для будущих исследований представителей нового институционализма и для развития защитного пояса НИЭТ. На основании этого исследования мезоинститутов также можно отнести к позитивной эвристике НИЭТ.

Следующим важным направлением расширения защитного пояса НИЭТ являются исследования неформальных институтов, культуры и религии. В.Л. Тамбовцев [Тамбовцев, 2016] отмечает, что, несмотря на то, что значимость неформальных институтов в экономических исследованиях была подчеркнута еще в начале 1990-х гг. [North, 1990], эта область привлекла широкое внимание исследователей лишь в середине 2000-х.

Как утверждал Д. Норт [North, 1991], институты создаются людьми, а различные общества имеют разные взгляды на устройство мира, в обществах разных типов могут устанавливаться различные институты – даже при попытках достижения аналогичных целей. Так как культура оказывает

влияние на модели мышления людей, их убеждения, ценности и предпочтения, она влияет и на формирование и развитие институтов. На макроуровне культура может выступать в роли внешнего ограничителя институциональных изменений [North, 1990], на микроуровне культура и неформальные институты могут определять доступные формы формальных институтов [Williamson, 2000].

В последние годы некоторые представители нового институционализма начали проводить исследования в этой области. Причем проведенные исследования показывают как прямую, так и обратную связь между культурой и институтами. Культурные ценности, которые разделяются членами общества, оказывают влияние на выбор тех или иных институтов. Институты в дальнейшем оказывают влияние на закрепление культурных ценностей и их трансляцию будущим поколениям [Alesina, Giuliano, 2015]. Такая коэволюция оказывает влияние на процессы институциональных изменений, вносит свой вклад в развитие стран, но все эти процессы сегодня исследованы слабо и требуют дальнейшего изучения [Mueller, 2018].

Исследования неформальных институтов и социокультурных факторов в последние годы значительно продвинулись и расширились. В качестве примеров можно привести исследования на макроуровне, показывающие влияние неформальных институтов на восстановление европейских стран после экономического кризиса 2008 г. [Prodi et al., 2023], а также исследования на микроуровне, демонстрирующие значимость неформальных институтов в вопросах функционирования и развития международных компаний и подчеркивающие важность дальнейших исследований в этом направлении [Dau et al., 2022a; 2022b].

Среди работ российских представителей нового институционализма, посвященных вопросам влияния культуры и неформальных институтов на экономическое развитие, можно выделить исследования А.А. Аузана и

соавторов, которые показывают влияние неформальных институтов на инновационное развитие и эффективность проведения социально-экономических реформ [Аузан и др., 2017; 2019], экономическое развитие в долгосрочной перспективе [Аузан, Никишина, 2013].

Исследования неформальных институтов за последнее десятилетие значительно расширили и укрепили защитный пояс нового институционализма, однако в этой области остается значительное число неисследованных вопросов. На сегодня единая общепризнанная среди новых институционалистов модель влияния элементов культуры, среди которых ценности, убеждения и иные установки, друг на друга и на поведение экономических агентов, еще не создана. А ее создание и дальнейшая эмпирическая валидация могут способствовать повышению качества исследований роли социокультурных факторов в экономике и росту уровня понимания в этой области [Тамбовцев, 2018].

В.Л. Тамбовцев также отмечает, что основным вызовом для исследователей неформальных институтов и культуры остается эндогенность [Тамбовцев, 2018]. Наличие статистически значимой связи, наблюдаемой в эконометрических моделях, еще не означает наличие причинно-следственной связи между культурой и социально-экономическими показателями. Более того, выявление влияния культуры и неформальных институтов может быть осложнено в силу того, что исследователи могут не замечать в построенных моделях неявное влияние других факторов, основными из которых выступают формальные институты. И разграничение влияния формальных и неформальных институтов часто является достаточно затруднительной или вовсе неразрешимой задачей.

Несмотря на широкое применение новыми институционалистами эмпирических методов исследования институтов как на микро-, так и на макроуровне, для абсолютного большинства исследований объектами

выступают формальные институты [Тамбовцев, 2020а]. А для неформальных институтов в большинстве случаев остается верным суждение Ли Дж. Олстона, согласно которому исследования институтов в большинстве случаев носят лишь описательный характер, в силу чего осложняется дальнейшее использование результатов этих исследований на практике [Alston, 1996].

Кроме этого, для эмпирических исследований неформальных институтов характерна важная особенность, связанная со спецификой используемых данных [Аузан и др., 2020]. На текущий момент большинство доступных данных агрегированы на уровне стран, и даже при кластерном анализе данные по регионам объединяются в кластеры, которые практически идентичны странам [Minkov, Hofstede, 2012]. Однако далеко не все страны характеризуются культурной гомогенностью, и, наоборот, ряд исследований показывают, что для многих стран характерны культурные различия на уровне регионов, что вызывает необходимость дополнительных исследований.

Таким образом, в области исследований культуры и неформальных институтов сохраняется значительный потенциал для расширения и укрепления защитного пояса НИЭТ. В качестве перспективных направлений можно выделить исследования, ориентированные на повышение качества эмпирической оценки неформальных институтов и уточнение механизмов их влияния на социально-экономические показатели, более глубокое изучение механизмов трансформации культуры и неформальных институтов, а также выявление и изучение внутривосточных различий в этой области.

Следует отметить, что значительное влияние на сознание людей и их действия оказывает религия. Она также может влиять на политическую ситуацию и социально-экономическое развитие страны. Однако сами религиозные институты, как и их вклад в экономическое развитие, остаются слабо изученными, что также открывает новым институционалистам еще одно

широкое поле для будущих исследований, которые проявят связи между религией, институтами и экономикой [Iyer, 2018].

В данном разделе были рассмотрены направления развития защитного пояса НИЭТ, в числе которых исследования гибридных механизмов, мезоинститутов, неформальных институтов. Эти направления исследований можно отнести к позитивной эвристике НИЭТ, укрепляющей ее позиции. Для подтверждения характеристики НИЭТ как прогрессивной НИП в следующем разделе приводится анализ ее библиометрических показателей.

2.3.2. Анализ библиометрических показателей новой институциональной экономической теории

Перейдем к анализу библиометрических показателей новой институциональной экономической теории. В первую очередь рассмотрим количество публикаций, которые в аннотации, ключевых словах и названии содержат следующие фразы: «new institutional economics», «new institutionalism». Сразу стоит отметить, что далеко не все публикации представителей НИЭТ содержат данные фразы в указанных выше разделах, однако динамика количества таких публикаций является показательной.

Для исследования были использованы данные базы Scopus. По результатам поискового запроса с указанием фраз «new institutional economics» и «new institutionalism» были отобраны соответствующие публикации, первая из них увидела свет в 1981 г. После этого было подсчитано количество публикаций на отрезках длиной в 10 лет. В общем числе публикаций были отдельно выделены журнальные статьи.

Полученные результаты представлены на рис. 4. Согласно им, прослеживается тенденция к активному росту числа публикаций из выборки.

Это свидетельствует об активном развитии НИЭТ и является аргументом в пользу признания ее исследовательской программы прогрессивной.

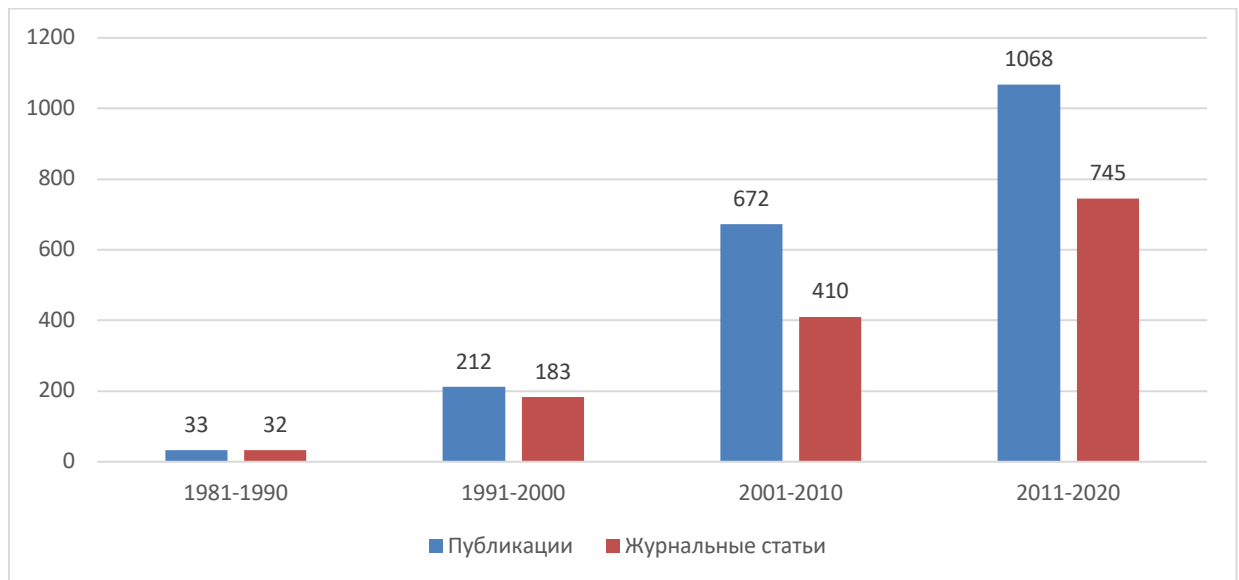

Рисунок 4. Количество публикаций, содержащих в аннотации, ключевых словах и названии фразы «new institutional economics» и «new institutionalism» (составлено автором на основании данных базы Scopus)

Перейдем к следующему этапу библиометрического анализа достижений НИЭТ. В базе Scopus были отобраны публикации, которые в аннотации, ключевых словах и названии содержат ключевые понятия новой институциональной экономической теории, относящиеся к ее жесткому ядру. К таким понятиям относятся следующие: «transaction costs», «contracts», «property rights». Так как исследования новых институционалистов выходят за рамки «чистой» экономической науки, результаты были отражены для трех областей знаний: экономика, менеджмент, социальные науки.

Полученные результаты представлены на рис. 5. Отметим, что полученные цифры по количеству публикаций с большой вероятностью завышены, так как указанные выше понятия могут использоваться и представителями других исследовательских программ, однако не столь активно. Как показывает график, от десятилетия к десятилетию количество

исследований, использующих понятийный аппарат НИЭТ, стремительно увеличивается, причем это касается всех рассматриваемых групп статей. Это говорит о том, что расширяется применение методологических подходов, которые входят в состав ядра НИЭТ, следовательно, развивается ее защитный пояс, а саму НИЭТ можно считать прогрессивной НИП.

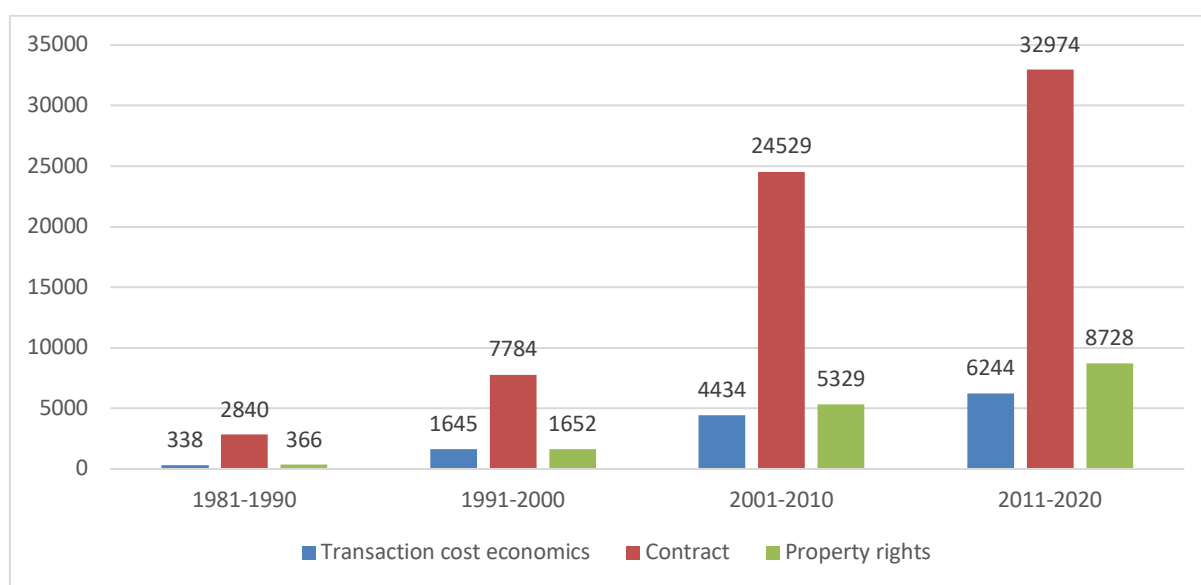

Рисунок 5. Количество публикаций, содержащих в аннотации, ключевых словах и названии ключевые понятия нового институционализма (составлено автором на основании данных базы Scopus)

На следующем этапе библиометрического анализа были изучены данные по количеству цитирований работ основателей и интеллектуальных лидеров НИЭТ, в числе которых Р. Коуз, О. Уильямсон, Д. Норт. Данные по количеству цитирований их работ были взяты в базе Scopus, значения показателей были представлены за период с 1993 по 2020 г.

Полученные результаты (рис. 6) говорят о том, что количество цитирований работ основателей НИЭТ растет, но за последние годы несколько снизилось количество цитирований работ Д. Нортона и Р. Коуза, однако в целом тренд остается положительным, что еще раз говорит об активном развитии НИЭТ.

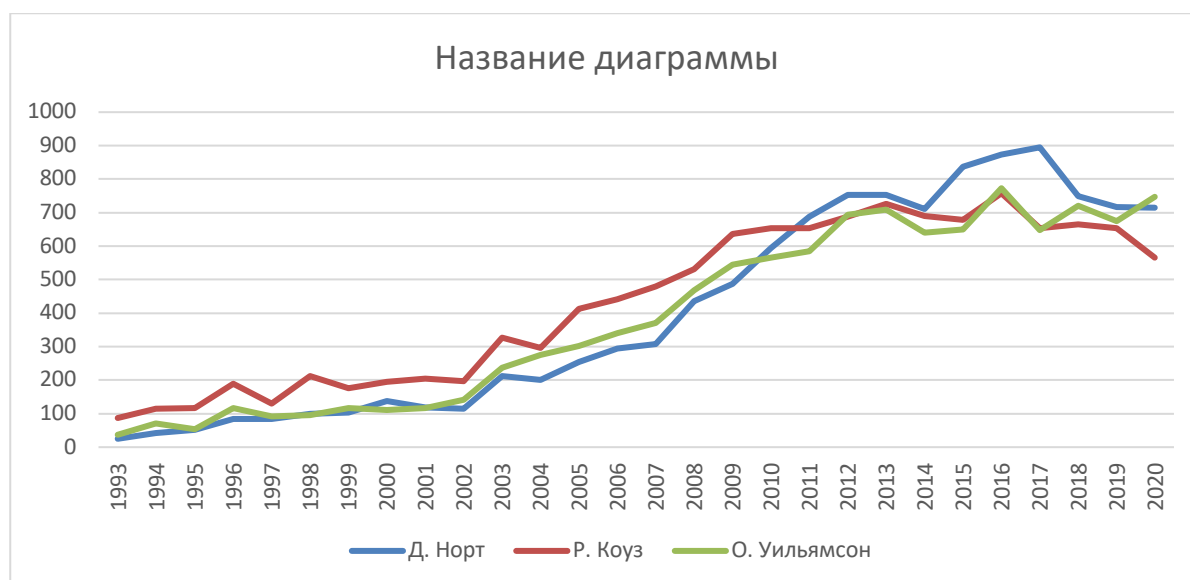

Рисунок 6. Динамика количества цитирований публикаций основателей НИЭТ (составлено автором на основании данных базы Scopus)

Таким образом, проведенный библиометрический анализ показал, что новый институционализм активно развивается, число публикаций его представителей стремительно увеличивается. Это еще раз подтверждает тот факт, что НИЭТ является прогрессивной исследовательской программой.

Во второй главе была дана характеристика НИЭТ как лакатосианской научно-исследовательской программы. В первую очередь было определено жесткое ядро НИЭТ. К нему относятся следующие положения: значение институтов для экономического развития; ключевая роль в экономическом анализе экономических и политических транзакционных издержек, полных и неполных контрактов, а также прав собственности; методологический индивидуализм; предпосылка об ограниченной рациональности экономических агентов. Одновременно с этим к элементам жесткого ядра НИЭТ можно отнести метод сравнительного анализа дискретных структурных альтернатив, являющийся центральным методом, связывающим на методологическом уровне огромное число разрозненных исследований в рамках новой институциональной экономической теории.

Для подтверждения правильности включения в жесткое ядро НИЭТ первых двух элементов, указанных выше, был проведен контент-анализ сборника «Handbook of New Institutional Economics» [Menard, Shirley, 2008] и собранной базы из 860 статей, выполненных в рамках различных течений НИЭТ. При проведении контент-анализа выдвигалась гипотеза, согласно которой слова, связанные с указанными положениями жесткого ядра НИЭТ, должны, во-первых, употребляться в большинстве публикаций, во-вторых, быть наиболее часто употребляемыми. К ним относятся слова «institution», «contract», «transaction», «cost», «property», «right». Результаты контент-анализа подтвердили выдвинутую гипотезу.

В отношении защитного пояса НИЭТ следует отметить, что его формируют разработки, проводимые в рамках различных течений НИЭТ, основными из которых являются теория транзакционных издержек, новая экономическая история и экономическая теория прав собственности. Защитный пояс нового институционализма активно расширяется, что позволяет сделать вывод о том, что НИЭТ является прогрессивной исследовательской программой. Именно защитный пояс НИЭТ устанавливает границы распространения ее инструментария. В силу высокой изменчивости самого защитного пояса, а также объекта исследований новых институционалистов данные границы изменчивы. Важную роль в развитии защитного пояса НИЭТ играет позитивная эвристика, к элементам которой можно отнести исследования в области гибридных механизмов, мезоинститутов и неформальных институтов, которые на сегодня являются актуальными.

В отношении взаимодействия НИЭТ с другими НИП следует отметить, что одной из главных особенностей НИЭТ на фоне других НИП является использование метода сравнительного анализа дискретных структурных альтернатив.

На формирование взглядов представителей нового институционализма оказал влияние традиционный институционализм. В последние годы ряд представителей ТИ отмечает наличие тенденции к сближению НИЭТ и ТИ. С одной стороны, это потенциально может открывать новые пространства для проведения исследований, но, с другой стороны, существующие методологические противоречия между НИЭИ и ТИ выступают барьером на пути интеграции, сближение между этими НИП происходит на уровне объекта исследований.

Также в рамках НИЭТ широко используется инструментарий неоклассической школы, а взгляды основателей НИЭТ формировались под ее сильным воздействием. В результате тесная связь НИЭТ и неоклассики сохраняется, а некоторые достижения новых институционалистов пополняют мейнстрим. Все это дает основания считать НИЭТ надстройкой к неоклассической школе, которая значительно развилась и по ряду направлений достаточно сильно отделилась от неоклассики.

В отношении взаимодействий НИЭТ и неоавстрийской школы стоит отметить, что некоторые представители последней видят возможности для взаимодействия и обмена идеями, другие склонны к резкой критике НИЭТ. Главными методологическими различиями НИЭТ и неоавстрийской школы являются применение принципа органической рациональности (рациональности процесса) представителями неоавстрийской школы, а также более радикальная трактовка новыми австрийцами принципа методологического индивидуализма.

Глава 3. Развитие новой институциональной экономической теории

Во второй главе была дана характеристика НИЭТ как активно развивающейся прогрессивной научно-исследовательской программы. В данной главе представлены направления развития исследований в рамках НИЭТ, возможности для расширения применения ее методологии, а также возможности для дальнейшего взаимодействия с другими исследовательскими программами.

3.1. Перспективные направления исследований в рамках новой институциональной экономической теории

Научные разработки в рамках нового институционализма активно развиваются, но в ходе научного прогресса открываются новые проблемы и неизученные области. Современные направления исследований в рамках данной школы можно разделить на несколько категорий. В данном разделе рассматриваются актуальные направления исследований НИЭТ в области государства и институциональных изменений, на уровне организаций и в области теории транзакционных издержек, а также исследования в области экономической теории прав собственности. В отдельный блок выделены перспективные направления исследований в рамках НИЭТ, которые связаны с развитием цифровых технологий.

3.1.1. Перспективные направления исследований в рамках основных элементов защитного пояса НИЭТ

В качестве первого перспективного направления исследований в рамках НИЭТ на уровне государства можно выделить изучение недемократических государств.

Усилия представителей НИЭТ были длительное время сконцентрированы на изучении вопросов, связанных со становлением, развитием и функционированием развитых демократий в западных странах. Например, Д. Норт и его коллеги [North, 1990; Shepsle, Weingast, 1987] исследовали вопросы, связанные с политическими сделками на примере США, в более поздних исследованиях подобные вопросы исследовались на примере Испании [Caballero, 2011] и Бразилии [Alston, Mueller, 2006].

Однако большая часть населения нашей планеты живет в недемократических странах. Акцент представителей НИЭТ на развитых демократиях привел к возникновению дисбаланса по отношению к исследованиям недемократических режимов. Наиболее ярко этот дисбаланс проявляется в области исследований взаимодействия формальных институтов и социальных норм, где недемократическим режимам до недавнего времени внимания не уделялось.

В последние годы новые институционалисты стали уделять больше внимания этим аспектам [North et al., 2009; Gehlbach, Keefer 2011; Acemoglu, Robinson, 2012; Асемоглу, Робинсон, 2021]. Также важно отметить, что указанные работы Д. Норты, Д. Уоллиса и Д. Вайнгаста, а также Д. Асемоглу и Д. Робинсона, с одной стороны, заслужили широкое признание, но, с другой стороны, подвергались значительной критике [Капелюшников, 2019а; 2019б; Балацкий, 2023]. Например, Е.В. Балацкий отмечает значительный методологический вклад Д. Асемоглу и Д. Робинсона, однако он также говорит о том, что разработанная ими концепция узкого коридора «не обладает достаточным уровнем универсальности» [Балацкий, 2023, с. 193]. Таким образом, значительный ряд вопросов, связанных с различными аспектами функционирования недемократических режимов, остается малоизученным.

Среди открытых вопросов исследователи выделяют в том числе и улучшение критериев демаркации демократических и недемократических режимов, что позволит в дальнейшем уделять вторым больше исследовательского внимания. С. Гельбах [Gehlbach, 2018] отмечает, что к недемократическим режимам представители НИЭТ относят все режимы, которые не являются демократическими, критерием разграничения зачастую выступает наличие в стране автократических институтов. Одновременно с этим, недемократические режимы значительно различаются между собой. Для различных режимов характерны различные институты. Например, значительные отличия просматриваются в институтах, используемых для поддержания автократии: в одних странах главную роль в этом процессе могут играть фиктивные выборы, в других ее выполняют применяющиеся для манипуляций общественным мнением СМИ. И такое различие в институтах вызывает значительные различия в социально-экономическом развитии и дальнейших институциональных изменениях. Все это создает пространство для будущих исследований, и для повышения их эффективности необходимы разработка более строгих критериев разграничения демократических и недемократических режимов, а также разграничения и систематизации различных автократий.

Следующим важным направлением исследований НИЭТ на уровне государства является изучение вопросов, связанных с функционированием федераций. На протяжении длительного времени федерализм рассматривался и исследовался новыми институционалистами в качестве эффективного средства для решения социальных проблем, а также проблем в управлении государством, например, для разрешения территориальных этнических конфликтов [Menard, Shirley, 2022]. Более того, федерализм рассматривался как механизм ограничения роли государства в интересах стимулирования экономического роста [Weingast, 2007]. Однако вопрос о преимуществах и

недостатках федерализма в сравнении с иными формами государственного устройства требует дальнейшего обсуждения [Bardhan, 2016]. Кроме этого, как и в случае с недемократическими режимами, между федерациями существуют значительные различия, которые могут проявляться в степени автономности субъектов федерации, механизмах представления субъектов в центральных органах власти, системах налогообложения и распределения доходов бюджета. Эти различия могут накладывать свой отпечаток на социально-экономическое развитие, что требует дополнительных сравнительных исследований.

Одновременно с этим, как показывают современные исследования, влияние федерализма на различные социально-экономические процессы может быть достаточно условным, ограниченным другими факторами, например, структурой власти или исторической спецификой конкретной страны. Это создает пространство для будущих исследований процессов возникновения и становления устойчивых федераций, а также социальных условий, при которых протекали данные процессы. Также существуют открытые исследовательские вопросы, связанные с более глубоким изучением влияния федерализма на неравенство, демократию и функционирование финансовой системы [Simson, Ziblatt, 2018].

Еще одним важным направлением исследований, в котором сохраняется ряд открытых вопросов, является теория коллективных действий. Например, ученые лишь частично смогли понять причины наличия различий между различными обществами на разных этапах развития в области решения дилеммы коллективных действий. Открытыми остаются вопросы о том, как и когда различные общества решают дилеммы такого рода, какие последствия несут те или иные решения в данной области. До конца не исследованы вопросы, связанные с воздействием государственной политики на коллективные действия [Keefe, 2018]. В своей работе, посвященной

перспективам исследований коллективных действий, Ф. Кифер также говорит о необходимости прояснения условий, при которых граждане могут решить проблему коллективных действий по обеспечению ответственности правительства за социальный прогресс общества, изучения причин нарушения существующих договоренностей в контексте наличия стимулов у политических конкурентов подрывать способность оппонентов к коллективным действиям. В качестве еще одной важной исследовательской проблемы ученый выделяет изучение роли внутренней мотивации в решении проблемы коллективных действий.

Перейдем к перспективным направлениям исследований в рамках экономической теории прав собственности. К. Менар и М. Ширли [Menard, Shirley, 2022] отмечают, что в этой области сохраняет актуальность неразрешенный спор о преимуществах формализации прав собственности. Например, Л. Бернштейн [Bernstein, 2019] утверждает, что на сегодняшний день в различных отраслях торговли сохраняют актуальность и эффективность взаимоотношения между покупателем и продавцом, основанные на создании неформальных институтов для обмена информацией о том, какие контрагенты заслуживают доверия, по аналогии с теми, которые имели место в ранних исторических эпохах, когда права собственности не были формализованы.

Также не теряют актуальности и требуют дополнительных исследований вопросы, связанные с режимом государственной собственности. С одной стороны, эмпирические исследования зачастую показывают низкую эффективность государственных предприятий, что может быть вызвано такими факторами, как коррупция и следование управляющих предприятий интересам политических элит или личным интересам, на что более полувека назад указывал А. Алчян [Alchian, 1965]. Но, с другой стороны, такая неэффективность может быть обусловлена выполнением государственными предприятиями важных социальных функций. В результате вопрос

эффективности государственной собственности и необходимости приватизации остается дискуссионным и требует дальнейших исследований.

Кроме этого, значительное пространство для будущих исследований сохраняется в области изучения вопросов, связанных с режимом коммунальной собственности. Значительный исследовательский вклад здесь внесла Э. Остром. Однако предложенные ею механизмы преодоления трагедии общин, по мнению некоторых исследователей, могут оказаться труднореализуемыми или неработоспособными. Например, Г. Лайбкап [Libesap, 2018] утверждает, что в ситуациях, когда ресурсы, находящиеся в режиме открытого доступа, велики, неоднородны по качеству и имеют высокую ценность, а эффекты чрезмерной эксплуатации остаются спорными, транзакционные издержки могут оказаться слишком велики, для того чтобы перейти к управлению этими ресурсами, основанному на предлагаемых Э. Остром институтах. Таким образом, эти вопросы открывают пространство для будущих исследований.

В дополнение к этому Д. Паркер [Parker, 2020] в отношении перспективных направлений исследований в рамках экономической теории прав собственности говорит о том, что поиск причин и последствий появления прав собственности является крайне важным для ответа на вопрос о том, какие ресурсы необходимо использовать для повышения благосостояния людей. В этой области уже имеется колоссальный задел, однако в силу того, что экономические условия постоянно меняются, здесь сохраняется поле для новых исследований. При более глубоком погружении перед исследователем встает целый ряд вопросов, касающихся причин возникновения прав собственности, развития механизмов правоприменения на местном уровне снизу вверх, влияния на эти механизмы норм, установленных сверху, роли государства в формировании и эволюции прав собственности и др. И эти вопросы сохраняют

актуальность как для развитых, так и для развивающихся стран, в результате чего образуется пространство для проведения новых изысканий

Перейдем к перспективным направлениям исследований на уровне организаций, которыми занимается теория трансакционных издержек. Одним из таких направлений является выявление оснований для выбора в пользу того или иного механизма координации [Menard, Shirley, 2022]. Также актуальным исследовательским вопросом являются контрактные отношения внутри фирмы. Несмотря на уделение внимания вопросу стимулов, по большей части такие отношения остаются малоизученными [Gibbons, 2010].

В продолжение этого на уровне организаций можно выделить такое перспективное направление исследований, как изучение отношенческих контрактов. Исследования отношенческих контрактов уходят корнями к работам П. Джоскова, в которых на примере угольной отрасли исследовался вопрос долгосрочных контрактов в угольной отрасли и затрагивался вопрос отношенческих специфичных инвестиций (*relationship specific investments*). В центре внимания находился вопрос вертикальной интеграции в этой отрасли, в этом контексте исследовалась роль долгосрочных взаимоотношений [Joskow, 1985], в дальнейшем проводилась эмпирическая проверка гипотезы о влиянии отношенческих специфичных инвестиций на структуру взаимоотношений между покупателем и продавцом [Joskow, 1987]. В последующих работах П. Джосков уделял внимание механизму корректировки цен, который содержался в долгосрочных контрактах на поставку угля и значительно сдерживал рост реальных цен [Joskow, 1988].

В современных исследованиях неформальные контракты определяются как «неформальные соглашения, поддерживаемые ценностью будущих взаимодействий» [Machiavello, Morjaria, 2023]. Они могут регулировать взаимоотношения между фирмами, некоторые исследователи считают, что их можно рассматривать в качестве отдельного механизма

координации, наряду с фирмой и рынком [Machiavello, 2022]. Кроме этого, отношенческие контракты применяются внутри фирм и государственных органов, в неформальных общественных институтах, а также при взаимодействии различных государств. При этом вопросы применения отношенческих контрактов остаются малоизученными [Macchiavello, 2018].

Более глубокое изучение наблюдаемых неформальных механизмов контрактации особенно актуально по отношению к развивающимся странам, в которых наиболее ярко выражена проблема оппортунистического поведения, заключающегося в несоблюдении формальных контрактов. В таких странах в силу низкого уровня развития институтов, обеспечивающих исполнение контрактов, проводимые транзакции создают условия, удобные для проверки разработанных ранее основополагающих теоретических положений. И в таком контексте облегчается задача выявления и устранения факторов, оказывающих негативное влияние на развитие экономики.

Однако эмпирическая оценка отношенческих контрактов в большинстве случаев остается открытым исследовательским вопросом. Ученые сталкиваются с проблемой сбора данных, которые могут позволить провести количественную оценку ценности будущих взаимоотношений и доверия, их влияния на оппортунистическое поведение, транзакции и транзакционные издержки, а также общественное благосостояние и экономическое развитие. В результате этого остается дискуссионным вопрос об эффективности моделей, используемых учеными в эмпирических исследованиях отношенческих контрактов [Machiavello, 2022].

В этом контексте развивающиеся страны в силу более широкого распространения практики применения отношенческих контрактов открывают исследователям более широкие возможности для сбора данных и дальнейшей практической проверки широкого пласта разработанных ранее теоретических концепций в области отношенческих контрактов. При этом

опыт исследования этой проблемы в развивающихся странах в дальнейшем представляется возможным транслировать на исследования в странах с развитыми экономиками. Однако для повышения качества будущих исследований необходимо дальнейшее развитие методологических подходов НИЭТ, применяемых в этой области. Если это будет достигнуто, то дальнейшие научные разработки в области отношенческих контрактов могут способствовать приращению защитного пояса НИЭТ.

3.1.2. Цифровизация и перспективные направления исследований НИЭТ

Развитие цифровых технологий и их активное внедрение в различных областях оказывает влияние и на развитие исследовательской программы нового институционализма. Причем здесь можно выделить два важных аспекта. Первый из них заключается в расширении объекта исследований, а второй связан с возможностью применения цифровых технологий в ходе научных исследований.

Начнем со второго аспекта. Одним из главных направлений развития цифровых технологий является работа с данными. В условиях цифровизации значительно упрощаются их сбор и обработка. Принимая во внимание эмпирическую направленность НИЭТ [Тамбовцев, 2021d], можно сделать вывод о том, что применение технологий работы с данными может значительно повысить качество результатов исследований и одновременно с этим упростить труд исследователей.

Благодаря развитию цифровых технологий значительно упрощаются сбор и обработка как количественных, так и качественных данных. В отношении количественных данных также стоит отметить, что благодаря широкому применению технологий big data число доступных наборов данных стремительно увеличивается, как и их качество. Это может позволить

расширить возможности измерения институтов и решить проблему с невозможностью измерения ряда теоретических объектов исследований новых институционалистов, на которую указывает В.Л. Тамбовцев [Тамбовцев, 2021b].

Таким образом, цифровые технологии открывают ученым широкие возможности для проведения новых исследований, а также уточнения и улучшения результатов уже проведенных исследований с применением новых наборов данных. В результате этого может увеличиваться и практическая значимость полученных результатов. Как отмечают К. Менар и М. Ширли [Menard, Shirley, 2022, p. 143], сочетание мощного аналитического инструментария НИЭТ с настойчивым поиском данных позволяет продолжить движение к выполнению предсказания Р. Коуза о том, что в будущем весь экономикс будет трансформирован темами и инструментами нового институционализма.

Перейдем к вопросу расширения объекта исследований НИЭТ, которое происходит под воздействием цифровизации, что также открывает представителям НИЭТ широкое поле для новых изысканий.

В условиях цифровизации возрастает роль человеческого капитала, инноваций и НИОКР в развитии компаний. Вслед за этим происходят изменения в институтах на уровне организаций, меняются механизмы заключения контрактов. Компании пытаются создавать новые стимулы, положительно влияющие на создание и внедрение инноваций, меняют политику в области подбора и найма сотрудников. Кроме этого, крупные цифровые компании зачастую прибегают к попыткам поглотить небольшие, но перспективные стартапы, и в числе преследуемых целей может быть в том числе устранение конкурентов. В силу этого контрактные отношения претерпевают значительные изменения, требующие дальнейшего изучения [Gil, Zananore, 2018].

Перейдем к практическим примерам новых исследований представителей НИЭТ, в которых затрагиваются проблемы, связанные с развитием цифровых технологий. В качестве первого примера можно выделить работу, посвященную вопросам приватности потребителей в эпоху больших данных [Dengler, Prufer, 2018]. Авторы рассматривают проблему асимметрии информации на рынке потребительских товаров, возникшей в условиях развития технологий сбора и обработки больших данных, и строят модель, позволяющую оценить возросшее влияние на цены и потребительский выбор и показывающую стремление части потребителей к конфиденциальности, даже если это ведет к возрастанию цен.

Еще одним примером исследований НИЭТ в условиях цифровизации является работа, посвященная вопросу влияния больших данных на демократию [van Gols et al., 2020]. Ее авторы говорят о том, что новые цифровые технологии открывают возможности для воздействия на результаты выборов и их искажения. При этом построенная авторами модель открывает пространство для теоретической дискуссии относительно возможностей регулирования таких процессов.

В качестве следующего примера можно привести исследования представителями НИЭТ технологий блокчейна. Э. Алстон и соавторы в своем исследовании [Alston et al., 2022] говорят о том, что представители НИЭТ склонны рассматривать блокчейн как новый институциональный инструмент для добровольных экономических обменов и распределенного управления, а также акцентируют внимание на необходимости дополнительного анализа процессов изменения блокчейнов.

Вопросам, связанным с развитием технологий блокчейна, уделяют внимание и российские представители нового институционализма. В одной из таких работ проводится анализ смарт-контрактов с позиций НИЭТ [Иващенко, Шаститко, Шпакова, 2019]. Авторы приходят к выводу о том, что

они применимы для формализации классических контрактов в большей степени, чем неоклассических, и в значительно большей степени, чем отношенческих контрактов. Дальнейшее распространение смарт-контрактов способно вызвать изменения в законодательной базе контрактных отношений, что требует дальнейших исследований.

Приведенные примеры еще раз подчеркивают расширение объекта исследований НИЭТ на фоне развития цифровых технологий. Научные разработки в этой области уже ведутся, однако результаты всех приведенных выше в качестве примеров исследований говорят о необходимости дальнейших изысканий.

В данном разделе был рассмотрен ряд перспективных направлений исследований в рамках НИЭТ. Для анализа на уровне государства такими направлениями выступают более глубокое изучение проблемы коллективных действий, изучение вопросов, связанных с федерализмом и недемократическими режимами в различных странах. На уровне организаций широкое поле для исследований открыто в области изучения отношенческих контрактов и широкого спектра вопросов, связанных с деятельностью технологичных компаний. Также остается открытым целый ряд вопросов, связанных с дальнейшим развитием экономической теории прав собственности.

Широкое пространство для новых исследований в рамках НИЭТ открывает развитие цифровых технологий. Это связано с тем, что под воздействием цифровизации меняется объект исследований, а также расширяются возможности для применения количественных и качественных методов.

В следующем разделе на примере области антимонопольного регулирования продемонстрированы возможности для расширения границ применения методологических подходов НИЭТ.

3.2. Возможности для расширения границ применения методологии новой институциональной экономической теории

В данном разделе использованы материалы, опубликованные в статье «Возможности применения методологии новой институциональной экономической теории для совершенствования антимонопольного регулирования в условиях цифровой трансформации» [Тутов, Измайлов, 2021].

Одним из ключевых направлений практического приложения методологии НИЭТ является антимонопольное регулирование. Однако на сегодня его развитие осложняется рядом проблем, связанных с цифровой трансформацией [Pavlova et al., 2020]. Появление новых бизнес-моделей и форм организации влечет за собой создание новых условий взаимодействия экономических агентов, и эти новые условия требуют обновления мер и методик анализа, используемых антимонопольными органами [Katz, 2018].

По нашему мнению, методология, разработанная в рамках исследовательской программы нового институционализма, может эффективно применяться для устранения данных проблем и совершенствования системы антимонопольного регулирования.

Для обоснования перспективности применения методологии НИЭТ для совершенствования механизмов антимонопольного регулирования в условиях цифровой трансформации необходимо в первую очередь выявить ключевые особенности деятельности цифровых компаний.

3.2.1. Сетевые эффекты и особенности деятельности цифровых компаний

Цифровая трансформация рынков привела к стиранию их географических границ, открыла доступ к моментальному получению целого ряда услуг в любой точке мира и при этом серьезно снизила транзакционные издержки. Благодаря цифровизации значительно изменились также факторы, которые способствуют росту рыночной власти компаний. Как уже отмечалось, появление и функционирование цифровых платформ тесно связаны с сетевыми эффектами. Актуальность данного вопроса значительно возрастает с учетом того, что в настоящее время пятерка крупнейших компаний мира базируется только на цифровых платформах: Google, Apple, Facebook, Amazon, Microsoft [Bamberger, Lobel, 2017]. В рейтинге 10 крупнейших компаний мира по размеру рыночной капитализации шесть позиций занимают компании, чьи бизнес-модели основаны на применении платформ. В последние годы рыночная власть и капитализация этих компаний растет по экспоненте, и сетевые эффекты здесь могут рассматриваться в качестве одной из главных причин высокой рыночной концентрации [Асадуллина, 2020].

Существует два типа данных эффектов – прямые и косвенные. Прямые сетевые эффекты заключаются в росте ценности продукта для потребителя по мере роста числа потребителей его группы. Косвенные сетевые эффекты представляют собой рост ценности продукта для потребителя по мере роста числа потребителей в другой группе [Шаститко, Паршина, 2016]. Важно отметить, что сетевые эффекты могут быть как положительными, когда общая выгода превышает выгоду компании, так и отрицательными, когда общие издержки превышают издержки компании [Шаститко, 2003, с. 340].

Отметим также, что, с одной стороны, сетевые эффекты могут рассматриваться как фактор, способствующий развитию конкуренции путем стимулирования повышения качества и ценности товара, а с другой стороны, как фактор, ограничивающий конкуренцию [Егорова, Хохлов, 2021].

Наиболее важную роль в деятельности цифровых платформ играют косвенные сетевые эффекты. Это связано с тем, что деятельность платформ основана на соединении различных групп участников рынка [Johnson, 2019]. Например, Uber соединяет водителей такси и пассажиров, Apple – независимых разработчиков и пользователей приложений, Amazon связывает покупателей и продавцов. Увеличение пользователей с одной стороны этих платформ ведет к росту числа пользователей с другой стороны: например, чем больше пользователей будут устанавливать программы из магазина приложений, тем больше разработчиков будут создавать приложения для данного магазина и тем выше будет привлекательность данного магазина приложений для новых пользователей.

О важности анализа сетевых эффектов для целей антимонопольного регулирования говорит целый ряд практических и теоретических примеров. Так, согласно отчету, подготовленному Конгрессом США, Палатой представителей и Судебным комитетом, сильные сетевые эффекты могут вести к монополизации рынка: например, компании, принадлежащие Facebook, включая сам Facebook, Instagram, WhatsApp и Messenger, конкурируют преимущественно между собой, а не с реальными внешними конкурентами. Согласно результатам слушаний, проведенных Подкомитетом Конгресса США по вопросам антимонопольного регулирования, доминирование платформ связано со значительными издержками, оно ограничивает выбор потребителя, подрывает инновационную активность, а также негативно влияет на конфиденциальность пользователей. В совокупности с высокими барьерами входа сетевые эффекты приводят к высокой концентрации и монополизации на цифровых рынках.

В этом же отчете приводятся слова финансового директора Facebook, который полагает, что сетевые эффекты позволяют компании становиться сильнее с каждым днем и что именно сетевые эффекты, высокие барьеры

входа и высокие издержки переключения на рынке мобильных операционных систем позволили, например, Apple занять доминирующее положение.

В целом цифровые компании имеют возможность быстро и широко масштабировать свою деятельность, при этом минимально затрачивая физические активы, и сетевые эффекты способствуют ускорению данных процессов. Такие явления могут негативно сказываться на состоянии конкуренции на рынках в силу того, что разрастающиеся цифровые компании увеличивают свою долю путем поглощения конкурирующих малых и средних фирм, среди которых значительная доля приходится на стартапы. В итоге это может негативно сказываться на росте производительности, вызывать снижение инновационной активности и технической эффективности [Асадуллина, 2020].

Кроме этого, в отчете БРИКС [Digital Era..., 2019], посвященном вопросам конкуренции в цифровую эру, приводится модель, согласно которой даже при нулевых барьерах входа на рынок, на котором действует платформа, интернализирующая сетевые эффекты, новый, более эффективный игрок может оказаться в ситуации, когда его продукт не будет пользоваться спросом. Из-за влияния сетевых эффектов покупателям будет невыгодно приобретать более дешевый и эффективный продукт, предлагаемый новичком. То есть только за счет своего размера и действия сетевых эффектов компании могут предотвращать появление даже более технологичных потенциальных конкурентов. При этом дополнительные факторы, такие как стоимостные, сервисные и информационные преимущества платформы, не обязательно играют роль в объяснении высокой концентрации на рынке.

Отдельно стоит выделить важность анализа сетевых эффектов при измерении рыночной власти платформы. Согласно исследованиям Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), даже те аналитические инструменты, которые не учитывают реакцию потребителей и

не требуют прямого учета косвенных сетевых эффектов, нуждаются в корректировке для отражения взаимосвязи нескольких сторон рынка [Егорова, Хохлов, 2021].

О важности анализа косвенных сетевых эффектов говорится в работе А.Е. Шаститко и О.А. Марковой [Шаститко, Маркова, 2020]. Если не учитывать эти эффекты, возникают ошибки в определении границ рынка, что ведет к ошибкам при применении теста гипотетического монополиста (ТГМ) в отношении цифровой платформы. ТГМ будет показывать более узкий рынок, так как за счет косвенных сетевых эффектов от платформы будет отключаться большее число пользователей. При интерпретации результатов такого теста будет переоценена рыночная власть платформы. То есть если в ТГМ не учитываются косвенные сетевые эффекты, то оценка изменения продаж будет завышенной или заниженной для положительных или отрицательных эффектов соответственно.

Применение ТГМ без учета сетевых эффектов чревато возникновением ошибок второго рода для транзакционных без эффекта переноса цен и нетранзакционных платформ с положительными эффектами, а также возникновением ошибок и первого, и второго рода для нетранзакционных платформ с отрицательными эффектами.

Таким образом, сетевые эффекты оказывают сильное влияние на рыночную ситуацию, и для принятия эффективных мер антимонопольного регулирования необходим их качественный анализ, основой которого могут служить методологические подходы НИЭТ.

3.2.2. Методологические подходы НИЭТ в регулировании деятельности цифровых платформ: теория внешних эффектов

Согласно концепции двусторонних рынков, максимизирующие целевую функцию платформы интернализируют положительные внешние

эффекты и с учетом этого устанавливаются уровень и структура цен. Таким образом, деятельность цифровых платформ как двусторонних рынков может быть объяснена на основе теории внешних эффектов и теоремы Коуза, а сами платформы можно рассматривать как разновидность механизма интернализации внешних эффектов [Шаститко, Паршина, 2016].

Учет косвенных сетевых эффектов крайне важен при анализе деятельности платформ. Важно отметить, что функционирование всех платформ так или иначе призвано снизить транзакционные издержки, которые возникают при экономических обменах [Evans, Schmalensee, 2011], что уже говорит в пользу применения здесь методологии НИЭТ, для которой теория транзакционных издержек является одним из главных элементов защитного пояса.

Разработанный Р. Коузом подход к проблеме внешних эффектов позволил учитывать ранее упускаемый в стандартных моделях конфликт прав собственности, а также интересы агентов. Таким образом, институциональный подход к анализу внешних эффектов и их интернализации принимает во внимание вопросы, связанные с конфликтом прав собственности, их спецификации, защиты и обмена. Его использование ведет к изменению нормативных выводов, отказу от априорного вывода о большей эффективности одного из способов интернализации внешних эффектов, независимо от возникающих в каждой конкретной ситуации особенностей [Шаститко, 2003].

Согласно теореме Познера, в случае положительных транзакционных издержек различные варианты распределения прав собственности неравноценны, и при высоких транзакционных издержках решения государственных органов должны выбирать наиболее эффективный из доступных вариантов их распределения [Шаститко, Маркова, 2020]. Крайне важным здесь является установленный механизм выбора институциональных

соглашений, и проблема заключается в выборе такого механизма, который позволит учитывать максимальное число выгод и издержек, имеющих значение в конкретной ситуации. В данном контексте огромную роль играет один из ключевых методов НИЭТ – метод сравнительного анализа дискретных структурных альтернатив, речь о котором пойдет далее.

Таким образом, с позиций новой институциональной экономической теории представляется возможным рассматривать цифровые платформы как разновидность механизма интернализации внешних эффектов, причем с положительными эффектами как для самих платформ, так и для других участников обмена.

Одними из ключевых отличий метрологического подхода НИЭТ от подхода неоклассической школы в области антимонопольного регулирования при экономическом анализе сетевых эффектов являются учет транзакционных издержек и концентрация на детальном анализе качественных характеристик конкретных отраслей и компаний, что сближает теорию и экономическую реальность [Carvalho 2021]. Для нового институционализма характерен также более широкий взгляд на цели и задачи конкурентной политики, которые могут выходить за пределы максимизации благосостояния потребителей и включать в себя достижение стабильности экономического развития, интенсификацию технологического прогресса и инновационной активности [Panhans, Schumacher, 2020].

На основании этого можно утверждать, что применение методологического подхода НИЭТ к анализу внешних эффектов является более эффективным для антимонопольного регулирования деятельности цифровых платформ, нежели использование неоклассических моделей. Институциональный подход позволяет провести более полный анализ деятельности платформы и дать качественное обоснование правомерности ее

поведения, что крайне важно при вынесении решений государственными регулирующими органами.

3.2.3. Методологические подходы НИЭТ в регулировании деятельности цифровых платформ: концепция ограниченной рациональности

Перейдем к еще одной важной методологической особенности НИЭТ, которой является использование модели ограниченной рациональности. Согласно утверждению Л.А. Тутова и А.Е. Шаститко, ключевыми вопросами, на которые должна отвечать экономическая теория, являются вопросы, связанные с объяснением принятия решений ограниченно рациональными агентами, а также с обеспечением их координации для достижения наиболее эффективного распределения ресурсов, выбора направления экономического развития, обеспечения его темпов.

В своей работе ученые определяют ограниченную рациональность как «информационную поведенческую предпосылку моделирования индивидуальных решений, в соответствии с которой человек стремится к максимальному удовлетворению потребностей с учетом своей не только внешней, но и внутренней интеллектуальной ограниченности» [Тутов, Шаститко 2005, с. 118].

Проблема ограниченной рациональности экономических агентов крайне актуальна в условиях цифровой трансформации. Цифровые платформы аккумулируют огромные массивы данных, называемые Big Data. Они представляют собой массивы информации, которые динамически изменяются и представляют высокую ценность для компаний благодаря своему большому объему. Цифровые компании могут использовать Big Data в аналитических целях, для автоматизации бизнес-процессов и построения прогнозов. Они уже превратились в важнейший ресурс для роста компании и сами по себе могут

быть предметом антимонопольных разбирательств, так как повышают барьеры входа на рынок [Егорова, Хохлов, 2021].

Чем крупнее цифровая компания, тем выше интенсивность эффектов от сбора больших данных и слежки за пользователями. Каждый пользователь платформы оставляет на ней свой «цифровой след», и чем больше пользователей у платформы, тем ниже себестоимость сбора и анализа данных в расчете на одного пользователя, а при использовании таких инструментов, как искусственный интеллект и машинное обучение, затраты становятся еще ниже, что в итоге дает дополнительные преимущества крупным цифровым компаниям [Асадуллина, 2020].

С точки зрения потребителя использование больших данных может негативно отражаться на защите потребительских прав, однако, если потребитель согласен нести некоторые издержки, он может и получить некоторую выгоду. Но в то же время для повышения прибыли компании могут не только предлагать пользователям интересные для них товары, но и практиковать удержание потребителей, что уже является примером практики ограничения конкуренции [Попондопуло и др., 2019]. То есть цифровые компании могут использовать большие данные для манипулирования поведением пользователей, пытаться удерживать их и заставлять совершать выгодные для платформы действия. Ситуация усугубляется тем, что большие данные и сетевые эффекты могут взаимно усиливать действие друг друга [Katz, 2019a] и использование больших данных при одновременной интернализации сетевых эффектов еще сильнее привязывает пользователей к платформе и может наносить существенный ущерб уровню конкуренции.

На практике уже есть ряд примеров того, как цифровые компании используют когнитивные особенности потребителей и их ограниченную рациональность для того, чтобы вытеснить конкурентов. В данном контексте показательным является разбирательство между компаниями Google и

«Яндекс» [Pavlova et al., 2020]. Суть этого разбирательства заключалась в том, что «Яндекс» подал жалобу в Федеральную антимонопольную службу России (ФАС) на действия Google по запрету предустановки на устройства с ОС Android приложений, конкурирующих с приложениями Google, в том числе «поисковика». В результате таких действий Google рыночная доля «Яндекса» начала снижаться. Согласно решению ФАС, предварительная установка является наиболее эффективным инструментом продвижения приложений, в том числе из-за «пассивности» потребителей и их склонности придерживаться предустановленных вариантов.

Такое решение свидетельствует о наличии ограниченной рациональности потребителей, однако важно заметить, что оно было основано не на внедрении данной методологической предпосылки в инструменты теоретического анализа, а на проведении опроса потребителей. В целом же в области антимонопольного регулирования на теоретическом уровне применяется неоклассическая предпосылка о неограниченной рациональности экономических агентов [Wright, Stone, 2012]. Вся существующая система антимонопольного законодательства, равно как и формируемые в результате принятия решений нормы, опирается на неоклассику. Дж. Райт и Дж. Стоун в своем исследовании отмечают, что поведенческая экономика, которая строится на базе предпосылки об ограниченной рациональности, не может рассматриваться как полноценная альтернатива устоявшейся теории, так как в ее рамках нет системы инструментов для осуществления экономического анализа в целях антимонопольного регулирования.

В качестве альтернативы поведенческой экономике в данном контексте можно рассматривать новую институциональную экономическую теорию, которая, во-первых, находит применение в теоретических исследованиях антимонопольного регулирования, во-вторых, отталкивается от предпосылки об ограниченной рациональности.

Предпосылка об ограниченной рациональности пользователей может являться важным аспектом анализа интернализируемых платформами сетевых эффектов с позиций НИЭТ. Ограниченная рациональность может усиливать сетевые эффекты и издержки переключения, тем самым поднимая рыночную власть доминирующей платформы и ограничивая доступ к рынку новых и более инновационных платформ.

В качестве еще одного практического примера использования поведенческих отклонений потребителей для борьбы с конкурентами можно привести маркетплейс «Яндекс.Маркет», где представлены товары как от самого «Яндекса», так и от внешних компаний. За счет эксплуатации ограниченной рациональности пользователей и больших данных «Яндекс» получает возможность размещать собственные товары на страницах маркетплейса таким образом, что они будут пользоваться большим спросом, причем у антимонопольных органов на данный момент нет инструментов для оперативного выявления таких злоупотреблений, так как на теоретическом уровне здесь используется предпосылка о неограниченной рациональности.

Важно отметить, что полноценная интеграция предпосылки об ограниченной рациональности в теорию и практику антимонопольного регулирования требует проведения колоссального объема работы. С одной стороны, решением данной проблемы можно считать учет поведенческих отклонений *ex post*, который практикуется сейчас, однако это может быть гораздо менее эффективным, чем анализ *ex ante*. В условиях кризиса неоклассики, о котором говорит ряд исследователей, можно считать более эффективным решением начать работу по переходу к использованию ограниченной рациональности, но на это придется потратить огромные ресурсы. И здесь мы подходим к важности еще одного метода, разработанного в рамках НИЭТ, – метода сравнительного анализа дискретных структурных альтернатив.

3.2.4. Методологические подходы НИЭТ в регулировании деятельности цифровых платформ: метод сравнительного анализа дискретных структурных альтернатив

Метод сравнительного анализа дискретных структурных альтернатив является одним из центральных методов новой институциональной экономической теории. В условиях отсутствия совершенных институтов данный метод на основе сравнительной институциональной оценки позволяет выбрать наилучшую альтернативу из доступных и реализуемых несовершенных вариантов [Шаститко, 2016]. Важно также заметить, что данный метод может применяться не только для замены существующей альтернативы, но и для ее настройки.

Как отмечает А.Е. Шаститко [Шаститко, 2016], допускаются варианты, когда регулятор может одобрить правила взаимодействия компании и ее контрагентов, учитывая особенности ее бизнес-модели и иные риски антиконкурентного поведения. Более того, представляется возможным снизить воздействие изъянов такого варианта путем его настройки и добавления дополнительных мер, например, позволяющих снизить барьеры входа на рынок новых участников, или же путем создания дополнительных стимулов для разработки крупными участниками рынка мер, направленных на предотвращение антиконкурентных действий.

Таким образом, метод сравнительного анализа дискретных структурных альтернатив позволяет на основании качественного анализа, учитывающего максимальное количество значимых факторов, формировать оптимальный дизайн принимаемых решений. И одним из наиболее перспективных направлений применения данного метода является проектирование правил на основании оценки их регуляторного воздействия, к

чему также относится область антимонопольного регулирования, где принимаемые решения зачастую становятся правилами поведения.

Выбор оптимальных альтернатив в области антимонопольного регулирования крайне важен с точки зрения устранения ошибок первого и второго рода, а также создания эффективной системы стимулов, позволяющих достичь максимального благосостояния. Принимаемые регулятором решения создают эти стимулы для участников рынка, и, даже если они не являются участниками конкретного разбирательства, вынесенное решение влияет на их дальнейшее поведение, устанавливает новые правила.

По мнению ряда исследователей, необходимо отказываться от запретов *per se* в области антимонопольного регулирования [Рубцова, 2020], которое является главным направлением нормативного регулирования деятельности компаний, и публичные интересы здесь, как правило, выше частных, следовательно, выносимые решения должны быть основаны на тщательном анализе, в противном случае они могут подрывать экономическую активность.

Следует также учитывать тот факт, что в подготовке и вынесении регуляторных и судебных решений значительную роль играют сотрудники правоохранительных органов и судьи, не являющиеся экономистами. Наиболее важным для них является соблюдение действующих в стране законодательных актов, а не законов экономического развития [Katz, 2019b]. В свете этого значительно возрастает значимость участия экономистов в разбирательствах, а также правильного выбора используемых ими инструментов анализа.

В условиях цифровой трансформации многие из применяемых инструментов экономического анализа для целей антимонопольного регулирования стали требовать доработок, в качестве примера можно привести упомянутую ранее проблему использования ТГМ без учета сетевых эффектов для анализа деятельности цифровых платформ. В связи с этим

возрастает важность выбора наиболее эффективного теоретического подхода, который требуется для проведения анализа в каждом конкретном случае. Для выбора наиболее эффективного подхода может применяться метод сравнительного анализа дискретных структурных альтернатив, на основании которого проводится анализ и сравнение всех применимых вариантов.

В данном контексте можно рассмотреть как альтернативы внедрение предпосылки об ограниченной рациональности в область антимонопольного регулирования и сохранение предпосылки о неограниченной рациональности с использованием отдельных исследований поведения потребителей *ex post*, где требуется затратить значительные ресурсы, но в будущем это может положительно сказаться на общественном благосостоянии, или же продолжать оценивать их исключительно *ex post*, что может быть связано с определенными издержками.

В отношении же практического применения мер антимонопольного регулирования можно отметить, что здесь сравнительный анализ дискретных структурных альтернатив позволяет государственным органам выносить эффективные решения, позволяющие достичь наиболее высокого уровня благосостояния и наиболее высокой эффективности использования ресурсов.

В качестве практического примера можно привести решения Федеральной антимонопольной службой России по сделкам слияний Bayer/Monsanto и «Яндекс»/Uber [Тархова и др., 2020]. В первом случае регулятор при анализе сделки и ее последствий столкнулся с необходимостью принять во внимание новые факторы рыночной власти и отойти от традиционного подхода к анализу рынка, основой которого является изучение рыночных долей. В итоге был проведен анализ использования компаниями платформенных моделей, больших данных и иных технологических решений. Регулятором было установлено, что инновационные технологии и платформы, используемые компаниями, позволяют им влиять на рыночные условия,

снижать инновационную активности других игроков, устанавливать барьеры входа и злоупотреблять доминирующим положением. Однако, несмотря на это, сделка была согласована, но с условием выполнения обширного предписания о технологическом трансферте в пользу российских конкурентов.

В рамках сделки «Яндекс»/Uber анализу были подвержены сетевые эффекты, оказывающие влияние на рыночную власть этих компаний. В результате ФАС установила, что эти сетевые эффекты усилятся в случае заключения соглашения о совместной деятельности, что будет ограничивать конкуренцию. Однако в итоге сделка также была одобрена, но и здесь было вынесено поведенческое предписание, обеспечивающее безопасность поездок и позволяющее пассажирам и водителям одновременно пользоваться несколькими агрегаторами такси.

Таким образом, в условиях несовершенства инструментов анализа деятельности цифровых платформ применение метода сравнительного анализа дискретных структурных альтернатив может позволять регулятору выносить решения, которые будут являться исключениями из действующего антимонопольного законодательства, но при этом будут наиболее эффективными с точки зрения последствий их реализации.

Применение методологических подходов, разработанных в рамках новой институциональной экономической теории, может быть эффективным для совершенствования инструментов антимонопольного регулирования в условиях цифровой трансформации. В первую очередь это касается применения теории внешних эффектов для анализа деятельности платформ, интернализирующих внешние эффекты, и оценки ее правомерности. Кроме этого, использование предпосылки ограниченной рациональности в экономическом анализе позволит при антимонопольном регулировании их

ante выявлять проблемные области, стимулировать развитие конкуренции и инновационный процесс, предотвращая нарушения и злоупотребления, связанные с использованием больших данных для воздействия на поведение потребителей. Использование метода сравнительного анализа дискретных структурных альтернатив крайне важно в условиях, когда инструменты экономического анализа оказываются не всегда полностью работоспособными по отношению к цифровым платформам, а принимаемые регулятором решения создают стимулы и правила поведения для остальных участников рынка. Данный метод позволяет выбрать наиболее эффективный теоретический подход к конкретной проблеме, а также вынести наиболее эффективное решение на практике.

3.3. Пространство для взаимодействия новой институциональной экономической теории с другими научно-исследовательскими программами

Перейдем к исследованию возможностей для взаимодействия НИЭТ с другими исследовательскими программами. На сегодня существует несколько направлений для таких взаимодействий как внутри экономической науки, так и в смежных дисциплинах, таких как политология, социология и психология, история.

3.3.1. Возможности и ограничения для взаимодействия НИЭТ и ТИ

Как было отмечено ранее в разделе 2.2, ряд исследователей считают, что в последние годы наметилась тенденция к сближению НИЭТ и ТИ. Несмотря на то, что большинство работ представителей ТИ содержит в себе критику неоклассической школы и нового институционализма, который разделяет ряд базовых предпосылок неоклассики, именно представители ТИ говорят о сближении НИЭТ и ТИ. Однако представители НИЭТ склонны

критически относится к такой точке зрения, для них характерно следование нарративу разделения НИЭТ и ТИ.

Основными примерами сближения НИЭТ и ТИ, по мнению представителей последнего [Spithoven, 2019], являются исследования новых институционалистов, в которых признаются влияние культуры на ментальные модели, а также влияние предпочтений на институты. Также основой для таких выводов служит активизация в рамках НИЭТ исследований неформальных институтов и культуры.

Однако большинство работ представителей ТИ, пытающихся найти точки соприкосновения НИЭТ и ТИ, строятся по единой аналитической схеме. Изначально их авторы представляют идеи Д. Норта, после чего пытаются выстроить связи с ТИ [Souza, Fernandez, 2018]. При таком подходе имеющиеся различия игнорируются. В.Л. Тамбовцев [Тамбовцев, 2021а] говорит о том, сегодня большинство экономистов признают влияние культуры на функционирование и развитие экономики. Таким образом, сам факт исследования культуры и неформальных институтов в рамках НИЭТ нельзя рассматривать в качестве основания для вывода о наличии тенденции к сближению НИЭТ и ТИ, основное внимание следует уделять методологическим основаниям, в которых кроются основные различия.

Изначально основу методологии ТИ сформировали методологический холизм, использование паттерн-моделей и storytelling [Wilber, Harrison, 1978]. Задача исследователей свелась к интерпретации и объяснению реальности. Получаемые холистические паттерн-модели представляли собой сложные словесные описания, основанные на понимании событий, происходящих в социальных системах, близких к пониманию этих событий участниками исследуемых социальных систем.

При таком подходе прогнозирование изменений реальности оказалось невозможным. Использование принципа методологического холизма

предполагает наличие релятивизма, то есть зависимости выявляемых взаимосвязей от конкретного контекста. Понимание любых социальных изменений как результата социально обусловленных действий не позволяет вывести общие закономерности, а значит делает невозможным построение прогнозов [Тамбовцев, 2021a]. А отсутствие прогностической функции идет вразрез с общепризнанными функциями науки и создает почву для критики ТИ и признания его ненаучной «народной теорией».

Стоит отметить, что несмотря на это, представители НИЭТ говорят о том, что даже такие знания имеют практическую значимость, что неоднократно подтверждалось историей. Поэтому нельзя априори выводить подобные теории за пределы предметной области экономической науки [Тамбовцев, 2021a].

По мере развития ТИ на фоне усиления его критики, а также неостребованности со стороны практиков паттерн-моделей, не позволяющих строить прогнозы, в методологию ТИ стали проникать методы, характерные для других исследовательских программ, за исключением методов математического моделирования, экспериментальных и эконометрических методов, что создало основания для выдвижения суждения, согласно которому представители ТИ не применяют в исследованиях каких-либо собственных специфических методов [Lind, 1993].

В контексте взаимодействия НИЭТ и ТИ заслуживает внимания тот факт, что часть представителей последнего стала отклоняться от применения базового принципа методологического холизма в сторону методологического индивидуализма, но в то же время они продолжили подвергать принцип методологического индивидуализма критике [Тамбовцев, 2020b]. При этом такие представители ТИ проявляют стремление к объединению с НИЭТ, например Д. Ходжсон, идя на компромиссы с базовыми принципами ТИ, говорит о том, что новым институционалистам есть чему поучиться у

представителей ТИ, и методологические подходы ТИ могут позволить НИЭТ справиться с «черными дырами» НИЭТ [Hodgson, 2014]. В то же время другие представители ТИ подвергают такую позицию критике, в том числе за установление иерархии между НИЭТ и ТИ, в которой НИЭТ возвышается [Souza, Fernandez, 2018].

Отметим, что не все исследователи разделяют мнение о низкой продуктивности методологического холизма и о том, что ТИ можно считать «народной теорией». Д.П. Фролов [Фролов, 2022] утверждает, что такое мнение использовалось представителями НИЭТ в дебатах для того, чтобы доказать ее подлинную научность, однако не стоит бездоказательно доверять нарративам одной стороны. По его мнению, ТИ обладает собственной методологией и аналитическим инструментарием, позволяющими давать практические рекомендации. А методологический холизм не подразумевает игнорирование роли индивидов в развитии экономики, он рассматривает укорененную в культуру индивидуальность. То есть методологический холизм в ТИ является методологией анализа индивидуального поведения, расширенного с учетом институциональных, социальных и культурных факторов. Он сохраняет актуальность и требует переосмысления.

В то же время Д.П. Фролов [Фролов, 2022] говорит о том, что по аналогии с внедрением концепции мезоинститутов на стыке микро- и макроуровней, необходимо найти мезометодологическое решение, которое позволит объединить методологический холизм и индивидуализм. Несводимыми, с его точки зрения, являются лишь радикальные формы методологического холизма и индивидуализма, рабочие же варианты, широко применяемые исследователями, подлежат объединению. Причем такие процессы, по его мнению, уже идут. И главным препятствием на пути объединения НИЭТ и ТИ является строгость дискурсов, а не различия в методологических подходах.

О существовании ряда попыток методологического синтеза, пытающихся связать воедино методологический холизм и индивидуализм, пишет и В.Л. Тамбовцев [Тамбовцев, 2020b], однако он подвергает их резкой критике. В своем исследовании ученый выявляет семь различных подходов к такому синтезу. Но в ходе их анализа приходит к выводу, что ни один из них нельзя назвать эффективным, так как они основаны на неверной трактовке принципа методологического индивидуализма и замене его реального содержания выдуманной трактовкой. Фактически же применяемый в рамках НИЭТ методологический индивидуализм не означает, что индивиды руководствуются только эгоистическим интересом, они учитывают (насколько это позволяет ограниченная рациональность) при принятии решений различные внешние обстоятельства. То есть действующим субъектом остается индивид, однако взаимодействия с другими индивидами могут накладывать свой отпечаток на процессы принятия им решений.

Авторы синтетических вариантов склонны к пониманию методологического холизма как «объяснительной» версии методологического индивидуализма. При этом в качестве оснований для такого синтеза они видят отсутствие объяснительного потенциала методологического индивидуализма в применяющих его ортодоксальных теориях, что не является корректным. Ученый считает, что попытки такого синтеза являются непродуктивными, методологический холизм и методологический индивидуализм представляют собой полную пару, не требующую дополнительных синтетических вариантов [Тамбовцев, 2021a].

Как было отмечено ранее, представители ТИ в контексте интеграции с НИЭТ значительное внимание уделяют работам Д. Норта и его последователей. Причем, по мнению представителей ТИ, в этих работах ученые, представляющие НИЭТ, склонны отходить от принципа

методологического индивидуализма в сторону методологического холизма, что, как они считают, можно расценивать как движение НИЭТ в сторону ТИ.

Однако представители НИЭТ придерживаются иного мнения. Как отмечают А.Е. Шаститко и Л.А. Тутов [Шаститко, Тутов, 2023], основой такого кажущегося отступления от методологического индивидуализма выступают требования к экономичности вербального изложения результатов исследования. Методологический холизм здесь проявляется лишь в редакционной версии. Д. Норт, фокусируясь на макроинститутах, прибегает к такой стилистике изложения, которую можно идентифицировать как следование методологическому холизму. Тем не менее, использование таких формулировок не отменяет того факта, что методологической основой для Д. Норты и последователей является методологический индивидуализм, а различные аспекты их теории при необходимости представляется возможным изложить в терминах индивидуального поведения, что, однако, может осложнить восприятия результатов исследований читателем. Таким образом, выводы представителей ТИ о применении в рамках НИЭТ методологического холизма являются несостоятельными. Для представителей НИЭТ характерен подход, согласно которому «люди строят институты, а не институты людей» [Шаститко, Тутов, 2023, с. 11].

В контексте поиска возможностей для интеграции НИЭТ и ТИ также важно обратить внимание на проект объединения, предложенный представителями ТИ [Hodgson, 2007]. Д. Ходжсон отмечает, что изменения, в первую очередь, должны произойти в НИЭТ, которой следует принять и начать изучать экономику как систему, сильно укорененную в культурную, социальную и политическую среду. Представители НИЭТ, по его мнению, должны учитывать в экономическом анализе привычки людей, а это требует отступления от принятого в НИЭТ понимания институтов, так как у привычек отсутствует механизм принуждения. Более того, такой отказ от устоявшихся

строгих понятий осложняет проведение эмпирических исследований и построение прогнозов. В результате проект Д. Ходжсона требует от НИЭТ слишком серьезных преобразований, и это дает основания назвать его нереалистичным.

Таким образом, большинство выводов представителей ТИ о сближении с НИЭТ основываются на искаженной трактовке достижений последней. Процессы, которые они называют «наведением мостов» и движением к синтезу, можно охарактеризовать как расширение исследовательского фокуса, в который попадают новые объекты исследований. Это может быть обусловлено постоянным усложнением объекта исследований, что вызывает необходимость рассматривать его с новых ракурсов, однако при этом используются традиционные для НИЭТ методы.

Здесь стоит отступить от взаимодействия НИЭТ и ТИ и отметить, что в последние годы возник целый ряд новых институционализмов, в числе которых когнитивный, монетарный, неполный, «новый новый» институционализм, постинституционализм [Тамбовцев, 2021с]. Однако, как показывает их более детальный анализ, методологически все эти институционализмы остаются в либо в рамках НИЭТ, либо в рамках ТИ, и на текущий момент не претендуют на статус новой исследовательской программы. Их главным достижением можно считать включение в область исследований новых объектов.

В качестве примера можно рассмотреть монетарный институционализм, возникший на стыке традиционного институционализма и французского монетаризма. Его сторонники признают деньги социальным институтом, который возник в результате нужд платежного сообщества, состоящего из государства, производителей и потребителей [Theret, 1999]. Такой подход близок к идеям Д. Коммонса, которые активно обсуждаются монетарными институционалистами. Наибольшее внимания здесь

заслуживает сам факт исследования институциональной стороны процессов развития и функционирования финансовых систем, в том числе такого перспективного аспекта, как внедрение блокчейна и развитие криптовалют [Malherbe at al., 2019]. То есть объект исследований монетарных институционалистов потенциально может заинтересовать представителей нового институционализма, а его исследование с применением методов НИЭТ может способствовать укреплению ее защитного пояса.

Некоторые исследователи в свете появления новых институционализмов и расширения дискуссии о сближении НИЭТ и ТИ говорят о переходе к плюралистической модели развития, в рамках которой институциональная экономика рассматривается как континуум взаимодополняющих и взаимообогащающих подходов [Фролов, 2020]. Однако такая позиция также подвергается критике. Как отмечает В.Л. Тамбовцев [Тамбовцев, 2023], она представляет собой попытки нарушить условия конкурентной борьбы, предпринимаемые гетеродоксальными школами. И даже авторы такого подхода отмечают, что в ближайшем будущем переход к плюралистической модели едва ли возможен, и прогнозируют дальнейшее доминирование НИЭТ [Фролов, 2022].

В условиях невозможности полноценного синтеза НИЭТ и ТИ следует отметить, что, несмотря на это, с точки зрения приращения научного знания крайне важен обмен идеями. Причем продуктивным он может стать только в случае, если у представителей обеих сторон будет сформировано адекватное понимание методологических подходов, используемых оппонентами. Сейчас же процесс обмена идеями осложнен, большинство представителей ТИ склонны к резкой критике НИЭТ и неверной трактовке ее достижений, а представители НИЭТ, в свою очередь, склонны просто игнорировать достижения ТИ. Все это в совокупности со значительными различиями на уровне базовой методологии делает невозможным полномасштабный синтез этих

исследовательских программ. Но при этом возможен локальный диалог между некоторыми исследователями. В качестве примера можно привести взаимодействие Д. Ходжсона с представителями НИЭТ, которое обусловлено в том числе тем, что он является главным редактором «Journal of Institutional Economics», в котором публикуются статьи как представителей ТИ, так и некоторых представителей НИЭТ. Однако на текущем этапе такой диалог не приводит к значительному методологическому сближению. В качестве одного из условий для активизации и расширения диалога между представителями НИЭТ и ТИ можно выделить начало производства представителями ТИ таких научных знаний, которые вызовут интерес у представителей НИЭТ и станут основанием для начала дискуссии. В дальнейшем для поддержания этой дискуссии будет необходимо расширять число платформ, на которых она может проводиться. Кроме этого, выстраиванию подобного диалога и достижению объективной взаимной критики может способствовать публикация исследований, систематизирующих достижения этих НИП или их отдельных направлений. Ознакомление с такими публикациями будет способствовать улучшению пониманию позиций оппонентов, однако здесь открытым вопросом остается преодоление языковых барьеров, так как представители НИЭТ и ТИ по-разному трактуют одни и те же понятия, что подтверждает приведенный выше пример различий между НИЭТ и ТИ в определении понятия «институт». Лишь в условиях преодоления таких барьеров и достижения понимания может быть налажена качественная дискуссия об эффективности применения тех или иных методов исследования.

3.3.2. Возможности для взаимодействия НИЭТ с НИП из области социологии, политологии и психологии

Перейдем к освещению вопроса о возможностях взаимодействия НИЭТ с исследовательскими программами из смежных областей науки. Как было

отмечено ранее в разделе 3.1., возможности для взаимодействия нового институционализма с политологией открываются в области изучения недемократических режимов и федерализма.

Как отмечают Э. Зимсон и Д. Зиблат, в контексте федерализма для представителей НИЭТ актуальным является вопрос проведения сравнительных исследований различных федераций, что связано с их высокой неоднородностью и значительными различиями в степени автономности субъектов и их полномочиях [Simson, Ziblatt, 2018]. Взаимодействие и обмен идеями с представителями НИП из области политологии могут способствовать повышению качества таких сравнительных исследований и их интенсификации, так как как представителями политических наук уже проведено значительное количество исследований, в которых отражена история формирования федераций, систематизированы теоретико-методологические основания федерализма, установлены его формы и типы, а также выявлены характерные для разных типов федераций политические институты [Гоптарева, 2002].

В области исследования недемократических режимов с позиций НИЭТ одними из открытых вопросов являются установка критериев демаркации между демократическими и недемократическими режимами, а также выявление различий между недемократическими режимами.

Одновременно с этим недемократические режимы входят в предмет исследований сравнительной политологии. В рамках политических наук разрабатываются теории модернизации недемократических режимов, а также их трансформации в сторону демократии [Харитоновна, 2012].

С. Гельбах, акцентируя внимание на перспективах исследований недемократических режимов представителями НИЭТ, отмечает высокий уровень разнообразия таких режимов [Gehlbach, 2018]. Аналогичной позиции придерживаются представители политических наук. Например, Б. Геддес

утверждает, что различия между недемократическими режимами могут быть не менее значительными, чем различия между ними и демократическими режимами [Geddes, 1999]. При этом в рамках политологии уже разработаны классификации таких недемократических режимов. Одними из оснований для такой классификации могут выступать типы акторов, принимающих ключевые решения [Харитоновна, 2012].

На основании такой классификации можно выделить три главных типа недемократических режимов: однопартийные, военные и персоналистские. К однопартийным относятся режимы, где политические решения принимаются высшим органом партии, а партийный лидер, несмотря на высшее положение в иерархии, оказывается подотчетен партии. Для военных режимов характерно принятие политических решений коллективным органом власти, сформированным из высших руководителей различных родов войск (военная хунта). При персоналистском режиме принятие политических решений, даже при существовании партии или военной хунты, основано на воле одного лидера.

При этом, как показывают результаты исследований ученых-политологов, для разных типов режимов характерны различные механизмы поддержания власти, борьбы с оппозицией и управления общественным мнением, перераспределения ресурсов. При разных режимах акторы, принимающие политические решения, преследуют различные цели, что приводит к различным институциональным изменениям. В результате это отражается на процессах трансформации недемократических режимов и возможностях перехода к демократии.

Подобная тематика исследований входит в предметную область НИЭТ, и в данном случае усиление обмена знаниями между представителями НИП области политологии и представителями НИЭТ в будущем может значительно повысить качество проводимых исследований, а также способствовать более

глубокому пониманию актуальных проблем и разработке эффективных мер по их устранению, включая правильный дизайн принимаемых на государственном уровне решений, что может вызывать положительные сдвиги в социально-экономическом развитии.

Наряду с этим для институционалистов интерес вызывают исследования, связанные с улучшением понимания политических аспектов транзакций. Так как политическая обстановка может оказывать влияние на решения, принимаемые на политической арене, а они в свою очередь влияют на институты и экономику, а политические транзакционные издержки требуют дальнейших исследований, и в этой области также возможно взаимодействие НИЭТ с НИП в области политологии [Vatiero, 2018].

Перейдем к взаимодействию НИЭТ с НИП из области социологии. Здесь точкой соприкосновения могут выступать исследования неформальных институтов. Сегодня изучение неформальных институтов является одним из ключевых направлений развития НИЭТ. Как было отмечено ранее, культура и религия могут оказывать влияние людей, что в дальнейшем отражается на выборе институтов и институциональном развитии. В то же время существующие институты могут влиять на культурные ценности.

Новые институционалисты направили исследовательский фокус на неформальные институты сравнительно недавно, при этом культурные феномены и их различные проявления на протяжении длительного времени входят в предмет исследований ученых-социологов. В рамках социологии продолжает развиваться отдельное направление, которое получило название «социология культуры» [Попов, 2011]. Эта отрасль знания ориентирована на выявление социальных закономерностей развития культуры, их влияние на человеческую деятельность и социальные институты.

Ярким примером исследований, в рамках которых прослеживается сближение НИЭТ с НИП из области социологии, являются работы А.А. Аузана

и коллег, посвященные культурным кодам [Аузан, 2022] и влиянию социокультурных факторов на различные экономические процессы [Аузан, Авдиенкова, Андреева и др., 2017; Аузан, Комиссаров, Бахтигараева, 2019; Аузан, Бахтигараева, Брызгалин и др., 2020]. Эти разработки начинают формировать новое направление исследований, в рамках которого происходит тесное переплетение экономики и культуры [Аузан, 2022].

Таким образом, несмотря на значительные методологические различия между НИЭТ и исследовательскими программами в области социологии, для которых характерно следование принципу методологического холизма, обмен идеями между ними может способствовать расширению объекта исследований и выявлению новых аспектов изучаемых явлений. Кроме этого, изучение достижений ученых социологов в области исследований культуры представителями НИЭТ может способствовать повышению системности проводимых исследований и выявлению новых исследовательских проблем.

Также стоит отметить, что в свете критики исследований, проводимых в области новой институциональной экономической истории, касающихся, в частности, низкого качества взаимодействия с историками и неполным использованием исторического материала [Капелюшников, 2019], видится перспективным усиление работы представителей НИЭТ в направлении сближения с представителями НИП из области истории.

Одной из важных тенденций в развитии нового институционализма является его сближение и обмен идеями с поведенческой экономикой и НИП из области психологии. В качестве таких НИП можно выделить экспериментальную психологию, формирующую методологический подход, который транслируется в другие прикладные направления психологии, а также когнитивную психологию, которая исследует познавательные процессы и процессы принятия решений.

В качестве примера взаимодействия исследовательских программ НИЭТ и поведенческой экономики можно привести исследование А.Е. Шаститко и О.А. Марковой, в котором наработки поведенческой экономики применяются для исследования проблемы стихийного спроса на институциональные изменения. Согласно полученным результатам, несовершенство политических рынков может вызывать недовольство среди населения, а оно может рассматриваться как эффект «усталости». И в таких условиях велика вероятность возникновения социального протеста, приводящего к институциональным изменениям, деградации сложившегося социального порядка, а также корректировке поведения людей [Шаститко, Маркова, 2020]. Последствия такого сценария для развития социально-экономической ситуации видятся негативными, и дальнейшие исследования в этой области могут способствовать поиску более мягкого и эффективного способа решения проблем.

Некоторые исследователи в качестве перспективного направления для будущих изысканий в рамках НИЭТ выделяют интеграцию идей и концепций когнитивной психологии в теорию транзакционных издержек. Учет когнитивных факторов может способствовать улучшению понимания процессов принятия индивидуальных оптимизационных решений экономическими агентами. Это может позволить выявить новые факторы, влияющие на оппортунистическое поведение и эффективность управления [Mayer, 2018].

Кроме этого, наработки НИП из области психологии и поведенческой экономики могут внести вклад в расширение использования экспериментальных методов исследования, позволяющих изучить взаимосвязи между различными типами поведения и институтами, в частности это может быть полезным при исследовании общин. Сближение с НИП из области психологии может позволить усовершенствовать процессы

моделирования человеческого поведения в проводимых новыми институционалистами исследованиях, что должно повысить их качество [Cardenas, 2018].

В целом, как отмечает В.Л. Тамбовцев, первые работы, которые связывали институциональные и когнитивные исследования, начали появляться еще в 1990-х гг. В 2013 году впервые был введен термин «когнитивный институционализм» [Gigante, 2013]. Однако, несмотря на внедрение ряда концепций психологии в институциональный анализ, использование своего категорийного аппарата, когнитивный институционализм фактически продолжил линию прошлых исследователей и не является отдельной исследовательской программой [Тамбовцев, 2021с].

Подводя итоги третьей главы, отметим, что здесь был рассмотрен ряд перспективных направлений исследований в рамках НИЭТ. Для анализа на уровне государства такими направлениями выступают более глубокое изучение проблемы коллективных действий, изучение вопросов, связанных с федерализмом и недемократическими режимами в различных странах. На уровне организаций широкое поле для исследований открыто в области изучения отношенческих контрактов. Также остается открытым целый ряд вопросов, связанных с дальнейшим развитием экономической теории прав собственности. Широкое пространство для новых исследований в рамках НИЭТ открывает развитие цифровых технологий. Это связано с тем, что под воздействием цифровизации меняется объект исследований, а также расширяются возможности для применения количественных и качественных методов.

Во втором разделе главы на примере области антимонопольного регулирования были продемонстрированы возможности для расширения применения методологических подходов НИЭТ. Институциональная теория

внешних эффектов может быть эффективно использована для анализа деятельности цифровых платформ. Внедрение предпосылки ограниченной рациональности в антимонопольном регулировании может позволить *ex ante* выявлять проблемные области, стимулировать развитие конкуренции и предотвращать нарушения, связанные с использованием больших данных для воздействия на поведение потребителей. Использование метода сравнительного анализа дискретных структурных альтернатив позволяет выбрать наиболее эффективный теоретический подход к конкретной проблеме, а также вынести наиболее эффективное решение на практике.

В третьем разделе главы были установлены возможности для взаимодействия НИЭТ с другими НИП. В отношении НИП из смежных областей можно отметить возможности для взаимодействия НИЭТ и политологии в вопросах изучения недемократических режимов, федерализма и политических трансакций. При исследовании институтов религии и культуры возможно взаимодействие с социологией. Сближение с НИП в области истории может позволить повысить качество исследований представителей новой экономической истории. Кроме этого, сближение НИЭТ с поведенческой экономикой и экспериментальной психологией может способствовать расширению применения в рамках НИЭТ экспериментальных методов, а сближение с когнитивной психологией может привести к улучшению понимания процессов принятия индивидуальных оптимизационных решений экономическими агентами.

В отношении взаимодействия НИЭТ и ТИ следует отметить, что для представителей ТИ характерно мнение, согласно которому в последние годы наметилась тенденция к сближению НИЭТ и ТИ. Однако представители НИЭТ склонны к иной оценке, согласно которой такое мнение основывается на искаженной трактовке достижений нового институционализма. Процессы, которые представители ТИ называют движением НИЭТ к синтезу с ТИ можно

охарактеризовать как расширение исследовательского фокуса представителей НИЭТ, в который попадают новые объекты исследований. Таким образом, движение к синтезу происходит лишь на уровне объекта исследований, а не на уровне методологии. Процесс обмена идеями между двумя исследовательскими программами осложнен, представители ТИ склонны к критике НИЭТ и неверной трактовке результатов проводимых в ее рамках исследований, а для представителей НИЭТ характерно игнорирование достижений ТИ. На сегодняшний день представляется возможным лишь локальный диалог, представляющий собой обмен идеями на уровне отдельных исследователей.

Заключение

Подводя итоги, в первую очередь отметим, что в ходе исследования была достигнута поставленная цель, заключающаяся в определении предметной области новой институциональной экономической теории на основании применения методологии научно-исследовательских программ: установлены ядро и защитный пояс НИЭТ, выявлены направления развития защитного пояса НИЭТ и возможности для расширения границ применения ее инструментария, определен методологический статус НИЭТ среди других НИП в области экономической науки и выявлены возможности для взаимодействия с другими НИП в области экономики и смежных областей науки. Достижение цели стало возможным благодаря решению поставленных задач исследования.

В ходе решения первой задачи было обосновано применение методологии научно-исследовательских программ, разработанной И. Лакатосом, для определения предметной области НИЭТ. В ходе анализа было установлено, что методология НИП является реалистичной, в наибольшей степени соответствует истории развития экономической науки и обладает рядом преимуществ перед конкурирующими подходами, которые наиболее ярко проявляются при сравнении их применимости для объяснения современных процессов, протекающих в экономической науке, и устранения теоретических и методологических проблем, устанавливающих барьеры на пути ее развития. Здесь важно отметить, что научные школы в области экономики могут оказываться шире, чем исследовательские программы, выделенные на их основе. Это обусловлено тем, что в рамках отдельных направлений исследований, входящих в состав научной школы, может прослеживаться отступление от ее базовой методологии, применение методов, разработанных представителями других научных школ. С точки зрения лакатосианской методологии эти процессы могут расцениваться как

нарушение жесткости ядра НИП, вследствие чего такие течения могут выводиться за пределы защитного пояса НИП. Однако это не снижает возможности для применения методологии НИП для систематизации достижений научной школы, а скорее повышает его актуальность, так как выявление элементов жесткого ядра может способствовать повышению методологической однородности различных направлений исследований в рамках одной научной школы.

При решении второй задачи был разработан подход к модернизации методологии научно-исследовательских программ, подразумевающий применение контент-анализа публикаций представителей научной программы для выявления ключевых концепций, формирующих жесткое ядро НИП. Такой подход облегчает определение жесткого ядра исследовательской программы, что представляется затруднительной задачей при использовании методологии НИП в первоначальном виде в силу нестрогости предложенных И. Лакатосом определений жесткого ядра и защитного пояса, порождающей многовариантность их трактовок.

В рамках решения третьей задачи была дана характеристика НИЭТ как прогрессивной НИП. Согласно результатам исследования жесткое ядро НИЭТ включает в себя следующие элементы: значение институтов для экономического развития; ключевую роль в экономическом анализе экономических и политических трансакционных издержек, полных и неполных контрактов, а также прав собственности; методологический индивидуализм; предпосылку об ограниченной рациональности экономических агентов. Одновременно с этим к элементам жесткого ядра НИЭТ можно отнести метод сравнительного анализа дискретных структурных альтернатив, являющийся центральным методом, связывающим на методологическом уровне огромное число разрозненных исследований в рамках новой институциональной экономической теории.

Для подтверждения правильности включения в жесткое ядро НИЭТ первых двух элементов, указанных выше, был проведен контент-анализ сборника «Handbook of New Institutional Economics» [Menard, Shirley, 2008] и собранной базы из 860 статей, выполненных в рамках различных течений НИЭТ. При проведении контент-анализа выдвигалась гипотеза, согласно которой слова, связанные с указанными положениями жесткого ядра НИЭТ, должны, во-первых, употребляться в большинстве публикаций, во-вторых, быть наиболее часто употребляемыми. К ним относятся слова «institution», «contract», «transaction», «cost», «property», «right». Результаты контент-анализа подтвердили выдвинутую гипотезу.

В отношении защитного пояса НИЭТ следует отметить, что его формируют разработки, проводимые в рамках различных течений НИЭТ, основными из которых являются теория транзакционных издержек, новая экономическая история и экономическая теория прав собственности. Следует отметить, что в состав научной школы НИЭТ входят и другие направления исследований, например, теория контрактов, теория агентских отношений, теория общественного выбора, однако при классификации НИЭТ как лакатосианской научно-исследовательской программы они остаются за рамками в силу того, что в этих направлениях исследований применяется методология, характерная для других исследовательских программ, в первую очередь, неоклассики, и при этом может происходить замещение или исключение некоторых элементов жесткого ядра исследовательской программы НИЭТ. Защитный пояс нового институционализма активно расширяется, что позволяет сделать вывод о том, что НИЭТ является прогрессивной исследовательской программой. Важную роль в развитии защитного пояса НИЭТ играет позитивная эвристика, к элементам которой можно отнести проведение исследований в области гибридных механизмов,

мезоинститутов и неформальных институтов, которые в настоящее время являются актуальными.

Решение четвертой задачи исследования позволило определить методологический статус НИЭТ среди других НИП в области экономической науки. Одной из главных особенностей НИЭТ на фоне других НИП является использование метода сравнительного анализа дискретных структурных альтернатив. В рамках НИЭТ широко используется инструментарий неоклассической школы, а взгляды основателей НИЭТ формировались под ее сильным воздействием. В результате тесная связь НИЭТ и неоклассики сохраняется, а некоторые достижения новых институционалистов пополняют мейнстрим. Все это дает основания считать НИЭТ надстройкой к неоклассической школе, которая значительно развилась и по ряду направлений достаточно сильно отделилась от неоклассики.

Кроме этого, на формирование НИЭТ повлияли взгляды традиционных институционалистов, однако сегодня между НИЭТ и ТИ существуют значительные методологические различия, а их взаимодействие осложнено. Несмотря на то, что ряд представителей ТИ говорит о существовании тенденции к сближению НИЭТ и ТИ, фактически такое движение к синтезу отсутствует. Новые точки сближения НИЭТ и ТИ просматриваются только на уровне объекта исследований, движение к методологическому синтезу с ТИ со стороны НИЭТ практически отсутствует, прослеживается лишь локальное взаимодействие, выражающееся в обмене идеями между отдельными исследователями. В целом же процесс обмена идеями между представителями НИЭТ и ТИ осложнен. Большинство представителей НИЭТ склонны игнорировать достижения ТИ, в то же время представители ТИ в большинстве случаев прибегают к резкой критике НИЭТ, также для них характерна искаженная трактовка достижений НИЭТ.

В отношении взаимодействий НИЭТ и неоавстрийской школы стоит отметить, что одни представители неоавстрийской школы склонны резко критиковать НИЭТ и игнорировать ее достижения, а другие отмечают ее вклад в области исследования влияния институтов на экономическое развитие и видят возможности для дальнейшего взаимодействия и обмена идеями. Одно из главных методологических различий НИЭТ и неоавстрийской школы заключается в том, что представители последней следуют принципу органической рациональности, или рациональности процесса, в то время как для представителей НИЭТ характерно применения концепции ограниченной рациональности. Также для представителей неоавстрийской школы характерна более радикальная трактовка принципа методологического индивидуализма.

В отношении перспектив взаимодействия НИЭТ с другими НИП можно отметить возможности для взаимодействия НИЭТ и с НИП в области политологии, например, в вопросах изучения недемократических режимов. При исследовании институтов религии и культуры возможно взаимодействие НИЭТ с социологией. Сближение с историей может позволить повысить качество исследований в области новой экономической истории. Сближение с поведенческой экономикой и НИП из области психологии, например, когнитивной психологии и экспериментальной психологии может способствовать улучшению понимания процессов принятия индивидуальных оптимизационных решений экономическими агентами, а также расширению применения в рамках НИЭТ экспериментальных методов, например, при исследовании общин.

При решении пятой задачи были выявлены границы применения инструментария НИЭТ, а также показаны возможности для расширения его распространения. Границы распространения инструментария НИЭТ устанавливает ее защитный пояс. В силу высокой изменчивости самого

защитного пояса, а также объекта исследований новых институционалистов данные границы изменчивы. В настоящее время существуют широкие возможности для расширения защитного пояса НИЭТ. В области анализа на уровне государства перспективными направлениями исследований выступает более глубокое изучение вопросов, связанных с федерализмом и недемократическими режимами в различных странах. На уровне организаций широкое поле для исследований открыто в области изучения отношенческих контрактов и широкого спектра вопросов, связанных с деятельностью технологичных компаний. Также остается открытым целый ряд вопросов, связанных с дальнейшим развитием экономической теории прав собственности, а также развитием разработок в области проблемы коллективных действий. Широкое пространство для новых исследований в рамках НИЭТ открывает развитие цифровых технологий. Это связано с тем, что под воздействием цифровизации меняется объект исследований, а также расширяются возможности для применения количественных и качественных методов.

Одним из перспективных направлений для расширения применения инструментария НИЭТ является область антимонопольного регулирования, которое сталкивается с серьезными вызовами, обусловленными цифровой трансформацией. В качестве основы для совершенствования системы антимонопольного регулирования деятельности цифровых компаний могут выступить такие методологические разработки НИЭТ, как институциональная теория внешних эффектов, концепция ограниченной рациональности и метод сравнительного анализа дискретных структурных альтернатив.

В заключение отметим ключевые элементы программы будущих исследований по теме настоящего исследования. В первую очередь выделим возможности для расширения и углубления контент-анализа. Во-первых, в рамках будущих исследований представляется возможным расширить

выборку статей, подвергаемой анализу, с целью повышения ее объективности. Это справедливо как в отношении количества статей, так и в отношении набора направлений исследований, в рамках которых выполнены статьи. Основным ограничением здесь являются трудности с доступом к зарубежным базам научной литературы. Во-вторых, в будущем потенциально возможно проведение качественного контент-анализа выборки статей и сборника «Handbook of Institutional Economics», при помощи которого можно будет выявить смыслы, которые исследователи вкладывают в ключевые для методологии НИЭТ термины. Сегодня возможности такой обработки текстов представляют модели общего генеративного искусственного интеллекта (ChatGPT и его аналоги), но их эффективность может быть ограничена, однако она нарастает по мере развития технологий и выхода новых версий ChatGPT и его аналогов.

Также отметим, что дополнительного внимания заслуживают вопросы возможного взаимодействия НИЭТ другими исследовательскими программами в области экономической науки. В силу высокой изменчивости объекта исследований, развития самих направлений исследований в рамках НИЭТ и других НИП в процессах их взаимодействия могут происходить изменения, требующие дополнительного и более глубокого анализа. Это также справедливо по отношению к выявлению изменений в защитном поясе НИЭТ, а также перспективных направлений исследований в рамках течений НИЭТ, особенно в контексте изучения различных явлений, связанных с цифровой трансформацией.

Список литературы

1. Автономов В.С., Автономов Ю.В. Общая теория "споров о методах" в экономической науке // *Общественные науки и современность*. 2016. № 4. С. 5–20.
2. Асадуллина А.В. Конкуренция между владельцами цифровых платформ в мировой экономике // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2020. № 1. С. 51–59.
3. Асемоглу Д., Робинсон Д. Узкий коридор. М.: Издательство АСТ, 2021. 704 с.
4. Аузан А.А. Культурные коды экономики: как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа. М.: Издательство АСТ, 2022.
5. Аузан А.А., Авдиенкова М.А., Андреева Д.А., Бахтигараева А.И., Брызгалин В.А., Бутаева К.О., Вебер Ш., Давыдов Д.В., Золотов А.В., Никитин К.М., Никишина Е.Н., Припузова Н.А., Ставинская А.А. Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ. М.: Центр стратегических разработок, 2017.
6. Аузан А.А., Бахтигараева А.И., Брызгалин В.А., Золотов А.В., Никишина Е.Н., Припузова Н.А., Ставинская А.А. Социокультурные факторы в экономике: пройденные рубежи и актуальная повестка // *Вопросы экономики*. 2020. № 7. С. 75–91.
7. Аузан А.А., Комиссаров А.Г., Бахтигараева А.И. Социокультурные ограничения коммерциализации инноваций в России // *Экономическая политика*. 2019. Т. 14. № 4. С. 76–95.
8. Аузан А.А., Никишина Е.Н. Долгосрочная экономическая динамика: роль неформальных институтов // *Журнал экономической теории*. 2013. № 4. С. 48–57.

9. Балацкий Е.В. Концепция «узкого коридора»: история и современность // Мир России. 2023. Т. 32. № 3. С. 180–195.
10. Вильямсон О. Поведенческие предпосылки современного экономического анализа // Thesis. 1993. Вып. 3. С. 39–49.
11. Гоптарева И.Б. Политический анализ концепции федерализма: монография. Оренбург: Южный Урал, 2002.
12. Гульбина Н.И. К вопросу о классификации основных течений институциональной теории. // Вестник Томского государственного университета. Сер. Экономика. 2009. № 4. С. 77–86.
13. Дежина И.Г., Киселева В.В. Тенденции развития научных школ в современной России. М.: ИЭПП, 2009. 164 с.
14. Егорова М.А., Хохлов Е.С. Современные проблемы анализа товарных рынков для целей антимонопольного регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 1. С. 111–119.
15. Иващенко Н.П., Шастико А.Е., Шпакова А.А. Смарт-контракты в свете новой институциональной экономической теории // Journal of Institutional Studies. 2019. № 11 (3). С. 64–83.
16. Измайлов А.А. Методология научно-исследовательских программ в современной экономической науке // Инновации и инвестиции. 2020. № 4. С. 40–46.
17. Капелюшников Р.И. О современном состоянии экономической науки: полусоциологические наблюдения // Вопросы экономики. 2018. № 5. С. 110–128.
18. Капелюшников Р.И. Поведенческая экономика и «новый» патернализм. Часть I // Вопросы экономики. 2013. № 9. С. 66–90.
19. Капелюшников Р.И. Экономическая теория прав собственности. М., 1990.
20. Капелюшников Р.И. Contra панинституционализм. Часть I // Вопросы экономики. 2019. № 7. С. 119–146.

21. Капелюшников Р.И. Contra панинституционализм. Часть II // Вопросы экономики. 2019. № 8. С. 98–126.
22. Круглова М.С. Теория мезо-институтов Клода Менара и ее использование в институциональном дизайне // Journal of Institutional Studies. 2018. № 3. С. 49–57.
23. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиум, 1995.
24. Литвинцева Г.П. Предмет, метод и базовые категории институциональной экономики. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2000.
25. Мальцев А.А. Гетеродоксальная экономическая теория: текущее состояние и пути дальнейшего развития // Экономическая политика. 2018. № 2. С. 148–169.
26. Олейник А.Н. Применение контент-анализа в экономических науках: обзор текущего состояния дел и перспектив // Вопросы экономики. 2021. № 4. С. 79–95.
27. Попов Е.А. Что изучает социология культуры // Социс. 2011. № 1. С. 89–96.
28. Попондопуло В.Ф., Петров Д.А., Силина Е.В. Проблемы правовой защиты экономической конкуренции в условиях цифровизации экономики // Конкурентное право. 2019. № 3. С. 7–11.
29. Рубцова Н.В. Антимонопольное регулирование как основное направление нормативного регулирования предпринимательской деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 8. С. 126–135.
30. Тамбовцев В.Л. Возможна ли единая институциональная экономическая теория? // Вопросы экономики. 2021. № 1. С. 33–51.
31. Тамбовцев В.Л. Измерение институтов: что бы это значило? // Журнал экономической теории. 2021. Т. 18. № 2. С. 197–211.
32. Тамбовцев В.Л. Инновации и культура: важность методологии анализа // Вопросы экономики. 2018. № 9. С. 70–94.

33. Тамбовцев В.Л. Институционализмы в экономической науке: что стоит за их разнообразием? // *Journal of Institutional Studies*. 2021. Т. 13. № 1. С. 20–36.
34. Тамбовцев В.Л. Методологии новой институциональной экономической теории: все ли мы имеем в виду одно и то же? // *Вопросы теоретической экономики*. 2021. № 3. С. 52–74.
35. Тамбовцев В.Л. Методология эмпирического анализа неформальных институтов // *Journal of Institutional Studies*. 2020. № 12 (3). С. 6–23.
36. Тамбовцев В.Л. Множественность институционализмов и трудности научной коммуникации // *Journal Of Institutional Studies*. 2022. Т. 14. № 1. С. 6–24.
37. Тамбовцев В.Л. Непродуктивность попыток методологического синтеза // *Вопросы теоретической экономики*. 2020. № 3. С. 7–31.
38. Тамбовцев В.Л. Перспективы объединения экономических институционализмов // *Экономическая наука современной России*. 2021. № 3. С. 33–39.
39. Тамбовцев В.Л. Что стоит за требованием плюрализма в экономической науке? // *Journal of Institutional Studies*. 2023. № 15 (1). С. 6–22.
40. Тамбовцев В.Л. Экономические загадки неформальных институтов // *Общественные науки и современность*. 2016. № 3. С. 139–148.
41. Тархова К.В., Алифиров В.И., Горохова О.Н. Эволюция антимонопольного регулирования в России в цифровую эпоху // *Цифровое право*. 2020. № 4. С. 38–55. DOI: 10.38044/2686-9136-2020-1-4-38-55.
42. Тутов Л.А. Научные школы в экономической науке: статус, особенности, перспективы // *Международная научная конференция «Ломоносовские чтения 2016»*. «Экономическая наука и развитие университетских научных школ» (к 75-летию экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова): Сборник статей / Под ред. А.А. Аузана, В.В. Герасименко. М.: Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, 2016. С. 29–35.

43. Тутов Л.А., Измайлов А.А. Защитный пояс новой институциональной экономической теории и ключевые направления его развития // *Философия хозяйства*. 2023. № 4. С. 45–61.
44. Тутов Л.А., Измайлов А.А. Возможности применения методологии новой институциональной экономической теории для совершенствования антимонопольного регулирования в условиях цифровой трансформации // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2021. № 85. С. 104–121.
45. Тутов Л.А., Измайлов А.А. Методология научно-исследовательских программ как инструмент для решения современных проблем экономической науки // *Философия хозяйства*. 2022. № 4. С. 89–106.
46. Тутов Л.А., Измайлов А.А. Применение контент-анализа для выявления жесткого ядра новой институциональной экономической теории // *Философия хозяйства*. 2022. № 6. С. 93–100.
47. Тутов Л.А., Шаститко А.Е. Ограниченная рациональность: проблемы системности определения в междисциплинарном контексте // *Общественные науки и современность*. 2005. № 2. С. 117–127.
48. Тутов Л.А., Шаститко А.Е. Опыт предметной идентификации новой институциональной экономической теории // *Вопросы философии*. 2017. № 6. С. 63–73.
49. Уильямсон О. Экономические институты капитализма. СПб.: Лениздат, 1996.
50. Устюжанина Е.В., Евсюков С.Г., Петров А.Г., Казанкин Р.В., Дмитриева М.Б. Научная школа как структурная единица научной деятельности. Препринт #WP/2011/288. М.: ЦЭМИ РАН, 2011.
51. Фролов Д.П. Будущее плюралистичной институциональной теории // *Вопросы экономики*. 2022. № 4. С. 45–69.
52. Фролов Д.П. Постинституционализм: за пределами институционального мейнстрима // *Вопросы экономики*. 2020. № 5. С. 107–140.

53. Фуруботн Э., Рихтер Р. Институты и экономическая теория. Достижения новой институциональной экономической теории. СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2005. 702 с.
54. Харитоновна О.Г. Состояние дисциплины: исследования политических режимов и институциональной устойчивости // Политическая наука. 2012. № 3. С. 199–213.
55. Ходжсон Д. Экономическая теория и институты. Манифест современной институциональной экономической теории. М.: Дело, 2003.
56. Шаститко А.Е. Выбор дискретных институциональных альтернатив: что с чем сравниваем? // Общественные науки и современность. 2016. № 4. С. 134–145.
57. Шаститко А.Е. Мезоинституты: умножение сущностей или развитие программы экономических исследований? // Вопросы экономики. 2019. № 5. С. 5–25.
58. Шаститко А.Е. Новая институциональная экономическая теория: особенности предмета и метода. М.: ТЕИС, 2003.
59. Шаститко А.Е. Новая институциональная экономическая теория. М.: Теис, 2010.
60. Шаститко А.Е., Маркова О.А. Старый друг лучше новых двух? Подходы к исследованию рынков в условиях цифровой трансформации для применения антимонопольного законодательства // Вопросы экономики. 2020. № 6. С. 37–55. DOI: <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-6-37-55>.
61. Шаститко А.Е., Маркова О.А. Стихийный спрос на институциональные изменения: к поведенческой теории общественного выбора // Общественные науки и современность. 2020. № 2. С. 132–144.
62. Шаститко А.Е., Паршина Е.Н. Рынки с двусторонними сетевыми эффектами: спецификация предметной области // Современная конкуренция. 2016. Т. 10. № 1. С. 5–18.

63. Шаститко А.Е., Тутов Л.А. Заметки о методологическом индивидуализме в экономических исследованиях: есть ли границы применения? // Вест. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2023. № 1. С. 3–21.
64. Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты. М.: Дело, 2001.
65. Abrutyn S., Turner J. The Old Institutionalism Meets the New Institutionalism // *Sociological Perspectives*. 2011. No. 54. P. 283–306.
66. Acemoglu D., Robinson J. *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. London: Profile Books, 2012.
67. Alchian A.A. Some Economics of Property Rights // *Il Politico*. 1965. No. 30 (4). P. 816–819.
68. Alesina A., Giuliano P. Culture and Institutions // *Journal of Economic Literature*. 2016. Vol. 53. No. 4. P. 898–944.
69. Alston E., Law W., Murtazashvili I et al. Blockchain networks as constitutional and competitive polycentric orders // *Journal of Institutional Economics*. 2022. No. 18. P. 1–17.
70. Alston L.J. Empirical Work in Institutional Economics: an Overview // L.J. Alston, T. Eggertsson, D.C. North (eds.). *Empirical Studies in Institutional Change*. New York: Cambridge University Press, 1996. P. 25–30.
71. Alston L.J., Mueller B. Pork for Policy: Executive and Legislative Exchange in Brazil // *Journal of Law, Economics and Organization*. 2006. No. 22 (1). P. 87–114.
72. Aoki M. Endogenizing Institutions and Institutional Change // *Journal of Institutional Economics*. 2007. No. 3. P. 1–31.
73. Bamberger K.A., Lobel O. Platform Market Power // *Berkeley Technology Law Journal*. 2017. Vol. 32. No. 3. P. 1051–1092. DOI: 10.15779/Z38N00ZT38.
74. Bernstein L.E. Contract Governance in Small World Networks: the Case of the Maghribi Traders // *Northwestern University Law Review*. 2019. No. 113 (5). P. 1009–1070.

75. Blaug M. Kuhn versus Lakatos, or Paradigms versus Research Programmes in the History of Economics // History of Political Economy. 1975. Vol. 7. P. 399–433.
76. Boettke P.J. The Struggle for a Better World // Advanced Studies in Political Economy. Mercatus. 2021.
77. Boettke P.J. What Is Still Wrong with the Austrian School of Economics? // D. D'Amico, A. Martin (eds.). Assessing Austrian Economics. Advances in Austrian Economics. 2019. Vol. 24. P. 5–32.
78. Boettke P.J., Candela R.A. Monitoring, Metering and Menger: A Conciliatory Basis for a Genuine Institutional Economics // The Review of Austrian Economics. 2023. No. 36. P. 183–203.
79. Brahmachari D. Neoclassical Economics as a Method of Scientific Research Program: A Review of Existing Literature // MPRA Paper 75341, University Library of Munich, Germany: URL: https://mpra.ub.uni-muenchen.de/75341/1/MPRA_paper_75341.pdf (дата обращения: 27.11.2019).
80. Caballero G. Institutional Foundations, Committee System and Amateur Legislators in the Governance of the Spanish Congress: An Institutional Comparative Perspective (USA, Argentina, Spain) // N. Schofeld and G. Caballero (eds.). Political Economy of Institutions, Democracy and Voting. N.Y.: Springer, 2011. P. 157–184.
81. Caballero G., Soto-Oñate D. The Diversity and Rapprochement of Theories of Institutional Change: Original Institutionalism and New Institutional Economics // Journal of Economic Issues. 2015. No. 49. P. 947–977.
82. Card D., Krueger A.B. Minimum Wages and Employment: A Case Study of the Fast Food Industry in New Jersey and Pennsylvania // American Economic Review. 1994. Vol. 84. No. 4. P. 772–793.
83. Cardenas J. (Real) Behavior Meets (Real) Institutions: Towards a Research Agenda on the Study of the Commons // C. Menard, M.M. Shirley (eds.). A Research Agenda for New Institutional Economics. 2018. P. 97–108.

84. Carvalho S. The US Antitrust Jurisprudence through the Lens of Chicago School and the Transaction Costs Economics // *Tribuna Juridica*. 2019. No. 9. P. 93–109.
85. Coase R.H. The Federal Communications Commission // *The Journal of Law and Economics*. 1959. No. 2. P. 1–40.
86. Coase R.H. The Nature of the Firm // *Economica*. 1937. No. 4. P. 386–405.
87. Coase R.H. The Problem of Social Cost // *Journal of Law and Economics*. 1960. No. 3. P. 1–44.
88. Dau L.A., Chacar A.S., Lyles M.A. et al. Informal Institutions and International Business: Toward an Integrative Research Agenda // *Journal of International Business Studies*. 2022. No. 53. 985–1010.
89. Dau L.A., Li J., Lyles M.A. et al. Informal Institutions and the International Strategy of MNEs: Effects of Institutional Effectiveness, Convergence, and Distance // *International Business Studies*. 2022. No. 53. P. 1257–1281.
90. Dengler S., Prufer J. Consumers' Privacy Choices in the Era of Big Data // *TILEC Discussion Paper No. 2018-014*. 2018. Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=315902>.
91. Digital Era Competition: A BRICS View. 2019: URL: <http://bricscompetition.org/materials/news/digital-era-competition-brics-report/> (дата обращения: 16.01.2021).
92. Drakopoulos S., Karayiannis A. A Review of Kuhnian and Lakatosian «Explanations» in Economics // *History of Economic Ideas*. 2005. Vol. 13. P. 51–73.
93. Dugger W. The New Institutionalism: New but not Institutionalism // *Journal of Economic Issues*. 1990. Vol. 24. No. 2. P. 423–431.
94. Evans D.S., Schmalensee R. The Industrial Organization of Markets with Two-Sided Platforms // *Platform Economics: Essays on Multi-Sided Businesses*. 2011. P. 2–29.

95. Galli A.M., Fisher D.R. Hybrid Arrangements as a Form of Ecological Modernization: The Case of the US Energy Efficiency Conservation Block Grants // *Sustainability*. 2016. No. 8.
96. Geddes B. What Do We Know about Democratization after Twenty Years? // *Annual review in political science*. 1999. No. 2. P. 115–144.
97. Gehlbach S. What is Next for the Study of Non-democracy? // C. Menard, M. Shirley (eds.). *A Research Agenda for New Institutional Economics*. 2018. P. 20–26.
98. Gehlbach S., Keefer P. Investment without Democracy: Ruling-party Institutionalization and Credible Commitment in Autocracies // *Journal of Comparative Economics*. 2011. No. 39 (2). P. 123–139.
99. Gigante A.A. Institutional Cognitive Economics: some Recent Developments // MPRA Paper No. 48278. 2013: URL: <https://mpra.ub.uni-muenchen.de/48278/> (дата обращения: 21.01.2020).
100. Gil R., Zanarone G. Contracting in Innovative Industries // C. Menard, M. Shirley (eds.), *A Research Agenda for New Institutional Economics*. 2018. P. 62–71.
101. Greif A., Mokyr J. Institutions and Economic History: A Critique of Professor McCloskey // *Journal of Institutional Economics*. 2016. No. 1. P. 29–41.
102. Groenewegen J. Bridging Original and New Institutional Economics? // F. Gagliardi, D. Gindis (eds.). *Institutions and Evolution of Capitalism*. Cheltenham: Edward Elgar, 2019. P. 93–109.
103. Hands D. Second Thoughts on ‘Second Thoughts’: Reconsidering the Lakatosian Progress of The General Theory // *Review of Political Economy*. 1990. Vol. 2. P. 69–81.
104. Hands D. The Role of Crucial Counterexamples in the Growth of Economic Knowledge: two Case Studies in the Recent History of Economic Thought // *History of Political Economy*. 1984. Vol. 16. P. 59–67.

105. Hardeck I., Wittenstein P. Assessing the Tax Benefits of Hybrid Arrangements. Evidence from the Luxembourg Leaks // *National Tax Journal*. 2018. No. 2. P. 295–334.
106. Hausman D. Kuhn, Lakatos and the Character of Economics // in R. Backhouse (ed.). *New Directions in Economic Methodology*. 1994. P. 197–217.
107. Heise A. The Future of Economics in a Lakatos–Bourdieu Framework // *International Journal of Political Economy*. 2015. Vol. 43. P. 70–93.
108. Hodgson G. The Approach of Institutional Economics // *Journal of Economic Literature*. 1998. No. 1. P. 166–192.
109. Hodgson G.M. Prospects for Institutional Research // *RAUSP Management Journal*. 2019. Vol. 54. No. 1. P. 112–120.
110. Hodgson G.M. Evolutionary and Institutional Economics as the New Mainstream? // *Evolutionary and Institutional Economics Review*. 2007. Vol. 4. No. 1. P. 7–25.
111. Hodgson G.M. Institutional Economic Theory: The Old versus the New // *Review of Political Economy*. 1989. Vol. 1. No. 3. P. 249–269.
112. Hodgson G.M. On Fuzzy Frontiers and Fragmented Foundations: Some Reflections on the Original and New Institutional Economics // *Journal of Institutional Economics*. 2014. Vol. 10. No. 4. P. 591–611.
113. Hodgson G.M. What are Institutions? // *Journal of Economic Issues*. 2006. Vol. 40. No. 1. P. 1–25.
114. Hoover K. The Crisis in Economic Theory: A Review Essay // *Journal of Economic Literature*. 2016. No. 54 (4). P. 1350–1361.
115. Johnson P. Indirect Network Effects, Usage Externalities, and Platform Antitrust // *Journal of Competition Law and Economics*. 2019. Vol. 15. Is. 2–3. P. 283–297. DOI: <https://doi.org/10.1093/joclec/nhz014>.

116. Joskow P.L. Contract Duration and Relationship-Specific Investments: Empirical Evidence from Coal Markets // *American Economic Review*. 1987. No. 77. P. 168–185.
117. Joskow P.L. Price Adjustment in Long-Term Contracts: The Case of Coal // *The Journal of Law and Economics*. 1988. No. 31 (1). P. 47–83.
118. Joskow P.L. Vertical Integration and Long-Term Contracts: The Case of Coal-Burning Electric Generating Plants // *Journal of Law, Economics and Organization*. 1985. No. 1 (1). P. 33–80.
119. Katz M. Multisided Platforms, Big Data, and a Little Antitrust Policy // *Review of Industrial Organization*. 2019. No. 54. P. 695–716.
120. Katz M. Platform Economics and Antitrust Enforcement: A Little Knowledge Is a Dangerous Thing // *Journal of Economics and Management Strategy*. 2019. No. 1. P. 138–152. DOI: <https://doi.org/10.1111/jems.12304>.
121. Keefer P. Collective Action and Government: Still a Mystery // C. Menard, M. Shirley (eds.). *A Research Agenda for New Institutional Economics*. 2018. P. 9–19.
122. Klein P. *New Institutional Economics* // 1998. Available at SSRN: URL: <https://ssrn.com/abstract=115811> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.115811> (дата обращения: 27.11.2019).
123. Libecap G.D. Douglass C. North: Transaction Costs, Property Rights, and Economic Outcomes // *NBER Working Paper*. No. w24585. 2018. Available at SSRN: URL: <https://ssrn.com/abstract=3177945> (дата обращения: 27.07.2021).
124. Lind H. The Myth of Institutional Method // *Journal of Economic Issues*. 1993. Vol. 27. No. 1. P. 1–17.
125. Macchiavello R. A Mutually Beneficial Relationship: Relational Contracts in Developing Countries // C. Menard, M. Shirley (eds.). *A Research Agenda for New Institutional Economics*. 2018. P. 53–61.

126. Macchiavello R. Relational Contracts and Development // *Annual Review of Economics*. 2022. Vol. 14. P. 337–362.
127. Macchiavello R., Morjaria A. Relational Contracts: Recent Empirical Advancements and Open Questions // NBER Working Paper. No. 30978. 2023: URL: <http://www.nber.org/papers/w30978> (дата обращения: 25.07.2023).
128. Malherbe L., Montalban M., Bedu N., Granier, C. Cryptocurrencies and Blockchain: Opportunities and Limits of a New Monetary Regime // *International Journal of Political Economy*. 2019. No. 48 (2). P. 127–152.
129. Mayer K. Cognition and Governance: a Research Agenda for the New Institutional Economics // C. Menard, M. Shirley (eds.). *A Research Agenda for New Institutional Economics*. 2018. P. 80–87.
130. McCloskey D.N. Austrians should reject North and Acemoglu: Some critical reflections on Peter Boettke's *The Struggle for a Better World* // *The Review of Austrian Economics*. 2022.
131. Menard C. Embedding Organizational Arrangements: Towards a General Model // *Journal of Institutional Economics*. 2014. No. 4. P. 567–589.
132. Menard C. Hybrid Modes of Organization: Alliances, Joint Ventures, Networks, and Other «Strange Animals» // R. Gibbons, J. Roberts (eds.). *The Handbook of Organizational Economics*. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 2012.
133. Menard C. Meso-institutions: The Variety of Regulatory Arrangements in the Water Sector // *Utilities Policy*. 2017. Vol. 49. P. 6–19. <https://doi.org/10.1016/j.jup.2017.05.001>.
134. Menard C. Research Frontiers of New Institutional Economics. // *RAUSP Management Journal*. 2018. No. 53. P. 3–10.
135. Menard C., Jimenez A., Tropp H. Addressing the Policy-implementation Gaps in Water Services: the Key Role of Meso-institutions // *Water International*. 2017. No. 43 (1). P. 13–33.

136. Menard C., Shabalov I., Shastitko A. Institutions to the Rescue: Untangling Industrial Fragmentation, Institutional Misalignment, and Political Constraints in the Russian Gas Pipeline Industry // *Energy Research and Social Science*. 2021. Vol. 80. <https://doi.org/10.1016/j.erss.2021.102223>
137. Menard C., Shirley M. *Advanced Introduction to New Institutional Economics*. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2022.
138. Menard C., Shirley M. *Handbook of New Institutional Economics*. Springer, 2005.
139. Menard C., Shirley M. The Future of New Institutional Economics: From Early Intuitions to a New Paradigm? // *Journal of Institutional Economics*. 2014. No. 10 (4). P. 541–565.
140. Merrill T. The Demsetz Thesis and the Evolution of Property Rights // *The Journal of Legal Studies*. 2002.
141. Minkov M., Hofstede G. Is National Culture a Meaningful Concept? Cultural Values Delineate Homogeneous National Clusters of In-country Regions // *Cross-Cultural Research*. 2012. Vol. 46. No. 2. P. 133–159.
142. Mueller B. The Coevolution of Institutions and Culture // C. Menard, M.M. Shirley (eds.). *A Research Agenda for New Institutional Economics*. 2018. P. 153–161.
143. Neale W. Institutions // *Journal of Economic Issues*. 1987. Vol. 21. No. 3. P. 1177–1206.
144. North D.C. Douglass C. North, the Sveriges Riksbank Prize in Economic Sciences in Memory of Alfred Nobel 1993: *Autobiography* // The Nobel Foundation. 2010.
145. North D.C. Economic Performance through Time // *American Economic Review*. 1994. Vol. 84. No. 3. P. 359–368.
146. North D.C. Institutions // *The Journal of Economic Perspectives*. 1991. No. 5 (1). P. 97–112.

147. North D.C. *Institutions, Institutional Change, and Economic Performance*. N. Y.: Cambridge University Press, 1990.
148. North D.C. Sources of Productivity Change in Ocean Shipping, 1600–1850 // *The Journal of Political Economy*. 1968. No. 76 (5). P. 953–970.
149. North D.C. *Understanding the Process of Economic Change*. Princeton, N. J.: Princeton University Press, 2005.
150. North D.C., Davis L. *Institutional Change and American Economic Growth*. Cambridge: Cambridge University Press, 1971.
151. North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. *Violence and Social Order: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. N. Y.: Cambridge University Press, 2009.
152. Ostrom E. *Governing the Commons*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
153. Ostrom E. *Understanding Institutional Diversity*. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2005.
154. Panhans M., Schumacher R. Perspectives on Antitrust of the American Institutionalists Economists // *Comparative Political Economy: Regulation eJournal*. 2020. DOI: 10.2139/ssrn.3522010.
155. Parker D. Questions of Property Rights // C. Menard, M.M. Shirley (eds.). *A Research Agenda for New Institutional Economics*. 2018. P. 111–118.
156. Pavlova N., Shastitko A., Kurdin A. The Calling Card of Russian Digital Antitrust // *Russian Journal of Economics*. 2020. Vol. 6. No. 3. DOI: 10.32609/j.ruje.6.53904.
157. Pereira A., Lopes, C. The market for “old” and “new” institutional economics. // *Brazilian Journal of Political Economy*. 2018. No. 38 (3). P. 450–468.
158. Pheby J. *Methodology and Economics: a Critical Introduction*. London: Macmillan, 1988. 145 p.

159. Powell W. Hybrid Organizational Arrangements: New Form or Transition // California Management Review. 1987. No. 30 (1).
160. Prodi E., Ghinoi S. Rubini L. et al. Do Informal Institutions Matter for the Economic Resilience of European Regions? A Study of the Post-2008 Shock // Economia Politica. 2023. No. 40. P. 189–223.
161. Richter R. The New Institutional Economics: Its Start, its Meaning, its Prospects // Eur Bus Org Law Review. 2005. No. 6. P. 161–200.
162. Rutherford M. Institutional Economics: Then and Now // Journal of Economic Perspectives. 2001. No. 15 (3). P. 173–194.
163. Rutherford M. The Old and the New Institutionalism: Can Bridges Be Built? // Journal of Economic Issues. 1995. Vol. 29. No. 2. P. 443–451
164. Rutherford M. What is Wrong with the New Institutional Economics (and What Is Still Wrong with the Old)? // Review of Political Economy. 1989. Vol. 1. No. 3. P. 299–318.
165. Shastitko A., Golovanova S. Meeting Blindly... Is Austrian Economics Useful for Dynamic Capabilities Theory? // Russian Journal of Economics. 2016. No. 2 (1). P. 86–110. <https://doi.org/10.1016/j.ruje.2016.04.005>
166. Shepsle K.A., Weingast B.R. The Institutional Foundations of Committee Power // American Political Science Review. 1987. No. 81. P. 85–104.
167. Simson E., Ziblatt D. The Power and Limits of Federalism // C. Menard, M.M. Shirley (eds.). A Research Agenda for New Institutional Economics. 2018. P. 20–26.
168. Souza M., Fernandez R. Are We Forgetting Something? Remarks on the Connections Between Douglass North's Contributions and Original Institutional Economics // Journal of Economic Issues. 2018. Vol. 52. No. 2. P. 589–599.
169. Sozinova A.A. Investigating the Prospects of New Institutional Theory in the Smart Economy // E.G. Popkova E.G., B.S. Sergi (eds.). Modern Global

- Economic System: Evolutional Development vs. Revolutionary Leap. 2021.
https://doi.org/10.1007/978-3-030-69415-9_227
170. Spithoven A. Similarities and Dissimilarities between Original Institutional Economics and New Institutional Economics // *Journal of Economic Issues*. 2019. Vol. 53. No. 2. P. 440–447.
171. Thaler R. Behavioral Economics: Past, Present and Future // *American Economic Review*. 2016. No. 106 (7). P. 1577–1600.
172. Theret B. The Socio-political Dimensions of the Currency: Implications for the Transition to the Euro // *Journal of Consumer Policy*. 1999. No. 22(1–2). P. 51–79.
173. van Gils F., Muller W., Prufer J. Big Data and Democracy // TILEC Discussion Paper. 2020. No. DP 2020-003. Available at SSRN: URL: <https://ssrn.com/abstract=3556512> (дата обращения: 09.08.2023).
174. Vatiero M. Transaction and Transactors Choices: What We Have Learned and What We Need to Explore // C. Menard, M.M. Shirley (eds.). *A Research Agenda for New Institutional Economics*. 2018. P. 97–108.
175. von Staden P., Bruce K. Original and New Institutional Economics: Brethren Rather Than Foes? Lessons from the Sociocognitive Turn in «Late» Douglass North // *Journal of Economic Issues*. 2015. Vol. 49. No. 1. P. 111–125.
176. Weingast B.R. Second Generation Fiscal Federalism: Implications for Decentralized Democratic Governance and Economic Development // 2007. Available at SSRN: URL: <https://ssrn.com/abstract=1153440> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1153440> (дата обращения: 12.08.2023).
177. Weintraub E.R. Appraising General Equilibrium Analysis // *Economics and Philosophy*. 1985. Vol. 1. P. 23–37.
178. Weintraub E.R. Neoclassical Economics // *Concise Encyclopedia of Economics*. 1993: URL:

<https://www.econlib.org/library/Enc/NeoclassicalEconomics.html> (дата обращения: 08.10.2023).

179. Whalen C. Toward «Wisely Managed» Capitalism: Post-Keynesian Institutionalism and the Creative State // *Forum for Social Economics*. 2008. No. 37 (1). P. 43–60.
180. Wilber C., Harrison R. The Methodological Basis of Institutional Economics: Pattern Model, Storytelling, and Holism // *Journal of Economic Issues*. 1978. Vol. 12. № 1. P. 61–89.
181. Williamson O.E. *Economic Organization: Firms, Markets, and Policy Control*. NY: New York University Press, 1995.
182. Williamson O.E. *Markets and Hierarchies: Analysis and Antitrust Implications*. N. Y.: Free Press, 1975.
183. Williamson O.E. *The Economic Institutions of Capitalism*. N. Y.: The Free Press-Macmillan, 1985.
184. Williamson O.E. *The Mechanisms of Governance*. Oxford: Oxford University Press, 1996.
185. Williamson O.E. The New Institutional Economics: Taking Stock, Looking Ahead // *Journal of Economic Literature*. 2000. Vol. 38. No. 3. P. 595–613.
186. Williamson O.E. The Vertical Integration of Production: Market Failure Considerations // *American Economic Review*. 1971. No. 61. P. 112–123.
187. Williamson O.E. Transaction Cost Economics: The Governance of Contractual Relations // *Journal of Law and Economics*. 1979. No. 22 (2). P. 3–61.
188. Wright J., Stone J. Misbehavioral Economics: The Case Against Behavioral Antitrust // *Cardozo Law Review*. 2012 Vol. 33. No. 4. P. 1517–1533.
189. Gibbons R. Transaction-cost economics: past, present and future // *Scandinavian Journal of Economics*. 2010. No. 112 (2). P. 268–288.
190. Bardhan P. State and development: the need for a reappraisal of the current literature // *Journal of Economic Literature*. 2016. No. 54 (3). P. 862–892.